

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПЛЕБИСЦИТАРНАЯ РЕСПУБЛИКА
1799—1804 ГГ.

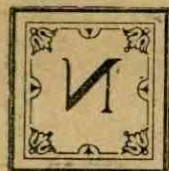

ГЛАВА I

ВРЕМЕННЫЙ КОНСУЛАТ И КОНСТИТУЦИЯ VIII ГОДА

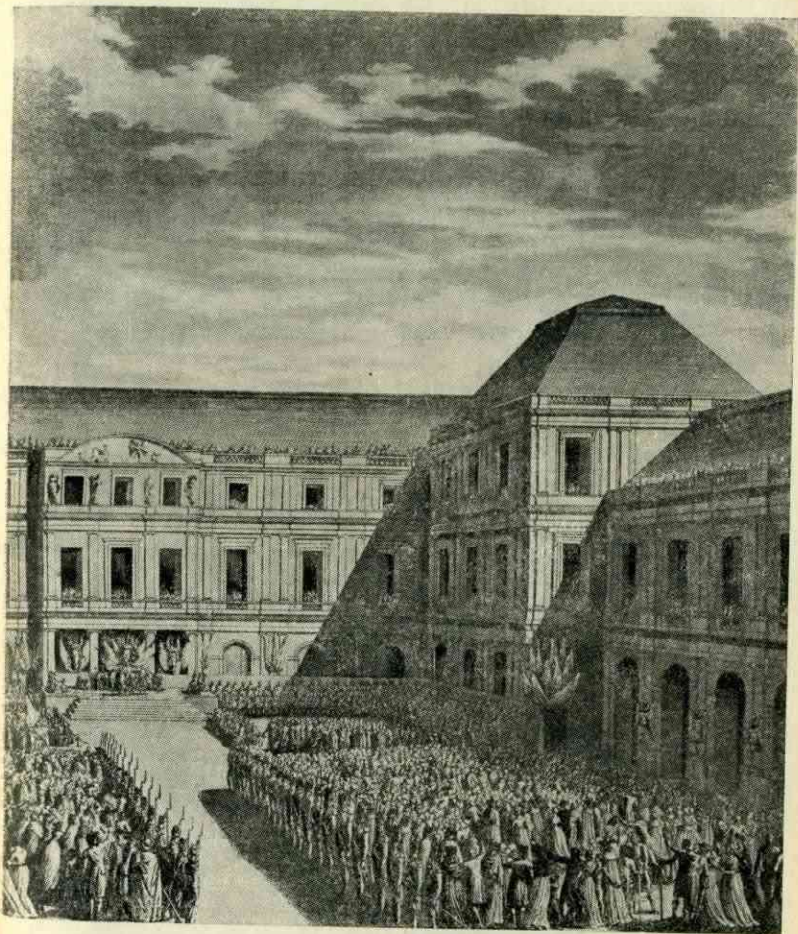
I.—18 брюмера и общественное мнение. — II. Политика бременных консулов. — III. Редактирование конституции VIII года. — IV. Анализ этой конституции. — V. Плебисцит по вопросу об ее утверждении.

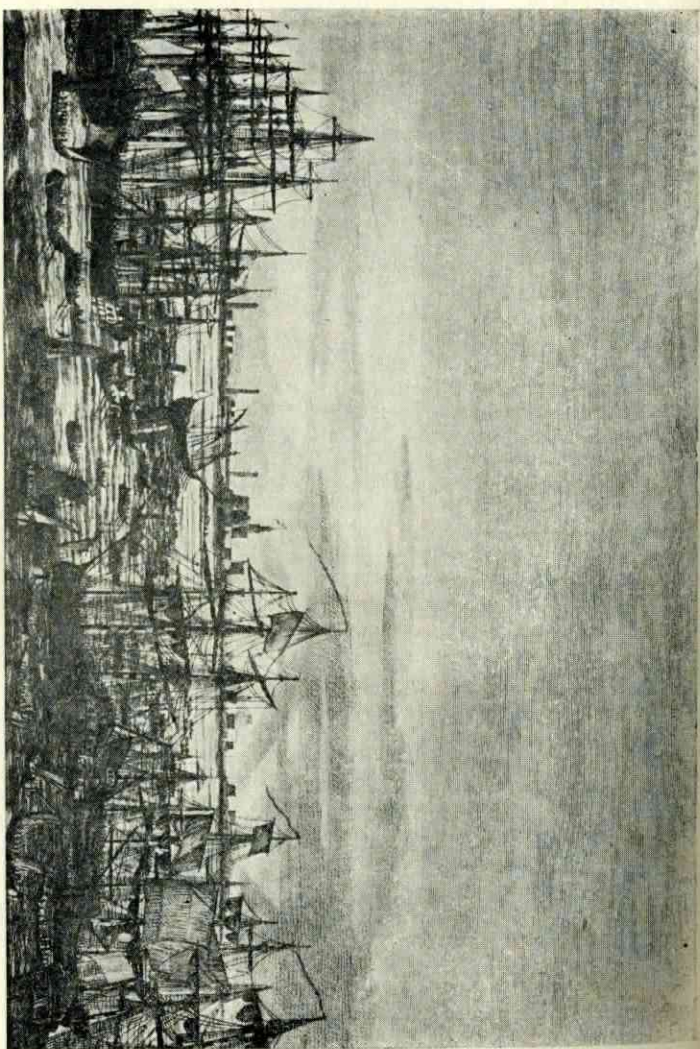
История плебисцитарной республики, т. е. Консулата, не должна была бы, повидимому, войти в состав истории Французской революции, так как государственный переворот 18 брюмера открывает собою эпоху, когда развитие основных принципов 1789 г. было затруднено и задержано, эпоху общей реакции. Но эта реакция не произошла одновременно во всех областях; разрушение того, что было сделано революцией, человеком, в пользу которого народ отрекся тогда от своих прав, произошло не сразу. Только постепенно и малопомалу тот политический строй, который уже был, повидимому, выработан согласно идеям XVIII в., был упразднен в своих наиболее существенных учреждениях и заменен другим политическим строем, новым по форме, но архаичным по своему духу и стремлениям, своего рода военной и религиозной тиранией. Очень краткого очерка будет достаточно, чтобы показать, каким путем произошло это медленное и временное исчезновение тех политических принципов, за возникновением и судьбою которых мы следили более или менее подробно.

I

Франция с удивлением узнала о новом государственном перевороте, который не оправдывался никакою серьезною внутреннею или внешнею опасностью. Но с 1789 г. француз-

Праздник в честь Бонапарта в Национальном дворце директории после заключения договора в Кампо Формио.

Завоевание Египта французами.

ское общество видело столько так называемых «дней», создававшихся народом или правителями, а в самое последнее время конституция III года так часто нарушалась, что незаконные акты, совершенные 18 и 19 брюмера, вызвали скорее удивление, чем негодование. В Париже рабочие не поднялись на защиту демократических депутатов, ставших жертвами государственного переворота. После прерияльских событий III года народный элемент был почти уничтожен в столице; в Париже не существовало больше якобинского клуба. Демократическое общественное мнение не имело больше в нем своего центра и не располагало никакими средствами борьбы, а потому осталось инертным. Буржуазия уже стала чувствовать себя тогда гораздо спокойнее, особенно представители крупной торговли. Государственная рента, которая оценивалась 17 брюмера по курсу в 11 франков 38 сантимов, поднялась 18 брюмера до 12 фр. 88 с., 19 брюмера до 14 фр. 33 с., 21-го — до 15 фр. 63 с., а 24-го — до 20 фр. Но никто не радовался происшедшему, за исключением роялистов, которые имели сначала наивность думать, что Бонапарт вернет им Людовика XVIII. Они стали оскорблять республиканцев в своих песнях и театральных пьесах; но это скоро прошло, и можно сказать, что в Париже общественное мнение оставалось в общем холодным, равнодушным, почти апатичным.

Но о департаментах нельзя было бы сказать вполне то же самое. Там произошло несколько случаев формального противодействия. Многие из чиновников, выборных членов департаментских или кантональных администраций и комиссаров Директории протестовали и отказались зарегистрировать декреты 18 брюмера. Президент гражданского трибунала департамента Ионны поступил так же. Временным консулам пришлось по этому поводу отрешить довольно много должностных лиц. Одна из департаментских администраций, а именно Юрская, не ограничилась даже простым протестом: она декретировала созыв вооруженной силы, чтобы идти против «тиранов-узурпаторов», но не встретила повиновения.

Со стороны многих клубов также посылались протесты, как, например, из Версаля, Меца, Лиона, Клермон-Феррана. Тулузские якобинцы обратились к гражданам (но безуспешно) с призывом взяться за оружие. Таким образом, в департаментах посылались голоса республиканской оппозиции; но это была оппозиция меньшинства, оппозиция членов клубов и чиновников. Нигде, повидимому, она не встретила отголоска в народных массах; нигде правительству не пришлось подавлять даже начатков восстания в защиту закона. Роялисты были в восторге, в провинции, как и в Париже; но кровавого столкновения между ними и республиканцами не произошло. Можно

сказать, что масса нации без особого волнения ждала актов со стороны Бонапарта, Снейса и Роже Дюко, чтобы высказаться об этом новом «дне».

II

Временные консулы выполняли свои обязанности с 20 брюмера по 3 нивоза VIII года (с 11 ноября по 24 декабря 1799 г.). На первом же их заседании было предложено выбрать президента Консулата. Консулы решили, что они не станут выбирать его, а что обязанности президента будут выполняться поочередно, в течение одного дня, каждым из них, причем очередной президент не должен был носить другого титула, кроме титула «очередного консула». Алфавитный порядок решил, что на первом заседании президентом будет Бонапарт, на втором — Роже Дюко, на третьем — Снейс, и т. д. Таким образом, Бонапарт не получил официально диктатуры на другой же день после государственного переворота, и неправильно было бы сказать, что он пользовался ею тогда фактически. Если в военных делах он имел преобладающий голос, подобно тому, как имел его Карно в Комитете общественного спасения, то, с другой стороны, нельзя указать ни одного подлинного случая, в котором он говорил бы и действовал как диктатор ранее чем была вотирована конституция VIII года, за исключением, впрочем, тех инцидентов, которыми сопровождалась самая выработка этой конституции. В течение этих первых недель политика правительства была чаще всего почти анонимной, и Консулат представлял собою тогда ту же Директорию, состоявшую из трех членов, причем Бонапарт появлялся в это время публично не иначе как среди своих двух сотоварищей, конечно, не умаляя себя и не стусевываясь, но окруженный теми же почестями и облеченный той же официальной властью¹.

Политика временного Консулата отличалась скромностью и примирительным характером. Победители предшествующих революционных «дней» — 31 мая, 9 термидора, 18 фруктидора — хвалились тем, что они искоренят порок и заблуждение, во имя истины и добродетели. Новые спасители республики, герои 18 брюмера VIII года, были ловкие и осторожные люди: они с трудом пробрались к власти и с большим на-

¹ Министерство было составлено следующим образом: министр юстиции — Камбасерес, иностранных дел — Рейнар, полиции — Фуше, военный — Бертье, финансов — Годен, внутренних дел — Лаплас, морской и колоний — Бурдон де Ватри. (Отсюда видно, что временные консулы удержали четырех прежних министров, а именно: Камбасереса, Рейнара, Фуше и Бурдона де Ватри.)

силим, чем желали; добившись власти, они хотели заставить забыть о своей рискованной проделке, стараясь быть благоразумнее и удачливее своих предшественников. Это была ассоциация популярного генерала и разочарованного философа, которые ставили своею целью не пересоздать общество, а залечить его раны паллиативными мерами. О военной диктатуре никто не говорил. Бонапарт переменял свою генеральскую форму на штатский сюртук (о чем было заявлено в газетах); правительство хотело установить гражданский порядок. Оно не задавалось целью создать что-нибудь грандиозное или новое; оно просто хотело лучше поступать, задевая при этом по возможности менее людей.

Оно старалось привлечь к себе передовых республиканцев. Так как предлогом для государственного переворота 18 брюмера послужила опасность, грозившая со стороны якобинцев, то консульским постановлением от 20 брюмера из европейской Франции были изгнаны тридцать четыре якобинца, в том числе Дестрем, Арена и Феликс Лепелетье, а девятнадцать других были интернированы в Ларошели, между прочими Брю, Антонель, Тало, Дельбрель, но это постановление было отменено 4 фримера того же года; все ограничилось тогда тем, что первые тридцать четыре якобинца были временно отданы под надзор полиции. До утверждения конституции VIII года, повидимому, не состоялось ни одной действительной проскрипции.

Некоторые из числа шестидесяти одного депутата, исключенных 19 брюмера, примкнули к новому порядку. Генерал Журдан обменялся с Бонапартом вежливыми письмами.

Из оставшихся в живых монтаньяров II года Барер прислал сочувственное письмо, которое было напечатано в «*Moniteur*» от 19 фримера VIII года и наделало много шума¹. Даже те из бывших республиканских депутатов, которые не примкнули к новому правительству, как, например, Дельбрель, Тало, Дестрем, и которые, быть может, понимали, что свобода уже погибла, тем не менее воздерживались от какого-нибудь оппозиционного акта; можно сказать, следовательно, что большинство республиканцев или признало государственный переворот, или примирилось с ним.

Консулы отправили в департаменты, в качестве эмиссаров, двадцать четыре делегата, среди которых находились бывшие члены Конвента: Жар-Панвилье, Лекуэнт-Пюираво, Пеньер; и эти новые эмиссары искусно защищали дело нового порядка, успев окончательно успокоить республиканцев. Правительство

¹ Это не было, однако, ласкательным выражением сочувствия: Барер предлагал Бонапарту целый план демократической конституции.

отрекалось от роялистов и делало вид, что поддерживает республиканские формы. В циркуляре от 6 фримера VIII года министр полиции Фуше предавал проклятию эмигрантов, которых отечество «навсегда выбрасывало из своих недр». Хотя террористические законы о заложниках и о принудительном займе были отменены (22 и 27 брюмера VIII года), но республиканцы видели в этом не какое-либо проявление реакции, а естественный вывод из прений, происходивших по этому поводу в обоих Советах еще ранее 18 брюмера.

Словом, политика временного Консулата была как бы продолжением политики Директории¹.

III

Возможно, что в эту эпоху Бонапарт мечтал одно мгновение о славе Вашингтона и что эта политика, с виду столь либеральная и примирительная, была искренней. Но в тот момент, когда она произвела свое действие, когда он увидел, что республиканцы успокоились или примирились, когда он убедился, что никакое сопротивление не угрожает ему, его личное честолюбие снова пробудилось, и он воспользовался тем чувством общего доверия, которое было вызвано в нации умеренностью временного Консулата, чтобы добиться вотирования конституции, сделавшей его повелителем Франции.

Мы видели, что две законодательные комиссии², выбранные обоими Советами и заменявшие временно Законодательный корпус, должны были выработать те изменения, которые предполагалось внести в конституцию III года. С этой целью они образовали две «секции». В секцию Совета пятисот вошли членами Шазаль, Люсьен Бонапарт, Дону, Мари-Жозеф Шенье, Булэ (из департамента Мёрты), Кабанис и Шабо; в секцию Совета старейших — Гарà, Лосса, Лемерсье, Лемуар-Ларош и Ренье. Эти секции решили, повидимому, сначала взять за основу проект Сиейса. Но этот проект еще не был редактирован, и они не могли добиться от знаменитого мыслителя ничего, кроме одних разговоров и черновых набросков. Им казалось, что он хотел примирить монархическую идею с демократической. Верховным повелителем оставался бы народ, но он не должен был осуществлять своей верховной власти непосредственно, не будучи достаточно просвещен для этого. Необхо-

¹ Относительно временного консулата см. 1) Журнал его заседаний, напечатанный мною в сборнике Общества для изучения истории революции, Париж 1874 г., in-8; 2) в моих «Etudes et Leçons», вторая серия, стр. 213—259, главу «Le Lendemain du 18 brumaire».

² Они не оставили никаких протоколов.

димо было, чтобы он передал осуществление ее в другие руки. «Доверие» должно было идти снизу, а «власть» — сверху.

Когда у Сиейса потребовали более определенных указаний, он представил два туманных наброска. В первом из них народ должен был составлять списки «нотаблей», из которых «электор-прокламатор» избирал бы должностных лиц. Роль правительства играл бы Государственный совет из пятидесяти членов; народ избирал бы Законодательное собрание. Были бы учреждены, кроме того, «трибунал, конституционное жюри и охранительный сенат», нечто в роде кассационного трибунала в политической сфере. Этот сенат назначал бы «электора-прокламатора» и «поглощал бы» его, если бы он проявил честолюбие, так же как он поглощал бы слишком популярных трибунов. Эта система была изображена в виде пирамиды, основание которой составлял народ, а вершину — электор-прокламатор. Бонапарт не находил в этом проекте никакого места для своего честолюбия и острил по поводу электора-прокламатора, сравнивая его «со свиньёю, предназначенною на откорм». Сиейс выработал второй проект, в котором исполнительная власть поручалась уже не государственному совету, а двум консулам — консулу мира и консулу войны. Это значило предоставить место Бонапарту; но Сиейс и во втором проекте устанавливал множество гарантий для свободы и предосторожностей против честолюбия одного человека¹.

Секции были склонны принять этот второй проект Сиейса. Но Бонапарт искусно помешал его обсуждению и образовал у себя небольшой комитет, состоявший из него самого, Сиейса, Рёдерера и Булэ (из департамента Мёрты). Он попробовал застрашать «философа» и в первый раз заговорил властным языком². Сиейс смолк, и его проект был оставлен.

Тогда секции выработали проект конституции³, в основу которой была положена система ценза, политическая привилегия буржуазии⁴, причем исполнительная власть была, впро-

¹ Из этих двух проектов Сиейса, о первом мы знаем благодаря Минье, который изложил его в своей «Истории революции» (т. II, гл. XIV, вместе с наглядной таблицей, причем оригинал был сообщен ему Дону. Ср. *Tailandier, Documents biographiques, Daupou, 2-е изд., стр. 172, 173*). Второй же проект был напечатан Булэ (из Мёрты) в сочинении, озаглавленном: «*Théorie constitutionnelle de Sieyès, Constitution de l'an VIII*» (Париж, август 1836 г., in-8).

² *Boulay, стр. 50.*

³ См. «*Moniteur*» от 10 фримера VIII года, стр. 273, и от 12 фримера, стр. 284.

⁴ Тогда шла сильная пропаганда той идеи, что одна только буржуазия, обладавшая собственностью, должна была управлять государством. См. брошюру *Jarri-Manси, Avons-nous besoin d'assemblées primaires?* (Нац. библ., Lb 43/41, in-8). См. также в «*Moniteur*»: «Диалог между патриотом и депутатом», печатавшийся в нескольких номерах, начиная

чем, организована так же, как и в проекте Сиейса. Газеты встретили этот проект с кислою миною. Бонапарт стал грозить, что он поручит составить конституцию первому встречному и сам представит ее на утверждение народа. Тогда Дону составил проект, в котором, под наименованиями Консулата, Сената и Трибуната, воспроизводилась та же конституция III года, но только демократизированная отменой ценза. Бонапарт не принял этого проекта, ставившего преграды его честолюбию. Он решил сам продиктовать (или почти что продиктовать) тому небольшому комитету, который собирался у него в доме, проект конституции, ставший потом конституцией VIII года¹. Нельзя быть уверенным, чтобы эта конституция, составленная в салоне Бонапарта, была потом вполне подвергнута голосованию законодательных комиссий, члены которых подписали ее каждый отдельно (22 фримера). Бонапарт заставил признать ее путем как бы нового государственного переворота.

IV

Конституция 22 фримера VIII года (13 декабря 1799 г.), представлявшая собою жалкое подражание проектам Сиейса и Дону, состояла из 95 статей, следовавших одна за другою без всякого систематического порядка. О Декларации прав в ней даже не упоминалось; в ней не было также речи о свободе печати и совести; единственное ее либеральное постановление заключалось в статьях 76—82, гарантировавших личную безопасность.

Еще более заслуживало в ней внимания то, что, признавая попрежнему нацию самодержавной, она лишала ее права избирать своих депутатов, права изготовлять через их посредство законы и руководить через их посредство государственными доходами и расходами.

Действительно, восстанавливая всеобщее избирательное право², она в то же время уничтожила его.

с 2 фримера VIII года, и закончившийся тою мыслью (стр. 297), что одни собственники были гражданами государства и что дело шло о том, чтобы основать «демократию собственников».

¹ Рёдерер писал в «Journal de Paris» от 19 брюмера IX года, что Бонапарт сам «обсуждал все составные части новой конституции» и что он «наложил на них печать своего гения, придав правительственной власти ту «регулярную силу», которая обеспечивает одновременно порядок и свободу». Эта статья Рёдерера была потом издана в виде брошюры (Нап. библ., т. 43/346).

² Выражение «Suffrage universel» тогда стало уже употребляться. Я встречаю его в первый раз в статье Маллэ Дюпана, в которой он делает оценку конституции VIII года. «Три мотива, — говорит он, — заставили, по всей вероятности, удержать всеобщее избирательное право, устранив всякое денежное или политическое условие...» («Metsche Bri-

Всеобщее избирательное право было восстановлено, потому что все французы, достигшие двадцатилетнего возраста, не находившиеся в положении прислуги и имевшие законное местожительство в течение года, признавались с тех пор гражданами и получали право подавать голос.

Но это право уничтожалось следующими хитроумными постановлениями:

Все граждане каждого «коммунального» округа должны были сами сократить в десять раз свое число, избрав из своей среды «тех, которых они считали наиболее способными управлять общественными делами». Эта десятая часть граждан должна была составить «коммунальный» или «окружной» список, в который входили по праву все общественные должностные лица округа. Все граждане, вошедшие в окружные списки каждого департамента, должны были избрать из своей среды десятую часть своего состава; таким путем получался департаментский список, куда также входили по праву все департаментские должностные лица. Все департаментские списки должны были тем же путем сократиться в десять раз и образовать «национальный список» лиц, имеющих право быть избранными на «национальные общественные должности», т. е. в депутаты, трибуны и т. д. Эти различные списки кандидатов составлялись раз навсегда. Что касалось вакантных мест, которые могли бы образоваться в них благодаря умиравшим, то они замещались бы только раз в каждые три года. Наконец, составление этих списков было отложено до IX года, так что при первоначальном замещении и организации различных общественных должностей избиратели не должны были принимать и действительно не принимали никакого участия. Но если бы даже они и приняли своевременно это участие, то это было бы лишь призрачное осуществление верховной власти народа, вотум, лишенный всякого практического значения. Предположите, что данный округ заключал бы в себе десять тысяч граждан. Если бы эти десять тысяч граждан имели право избрать из своей среды, положим, только сто человек, из числа которых должны были бы потом назначаться должностные лица, то они все-таки еще имели бы некоторое влияние на ход дел. Но избрать из этих десяти тысяч человек по меньшей мере тысячу граждан — значило в сущности не избрать никого, так как требование такого большого числа не давало возможности никакого выбора; чтобы достигнуть этой цифры, приходилось бы выбирать всех мало-мальски грамотных; в лучшем случае

---

l'anniquе» от 10 января 1800 г.; т. IV сборника этой газеты, стр. 492). Известно, что Малле Дюпан писал в Лондоне; он заимствовал, без сомнения, это выражение из английского политического языка.

можно было бы разве только устранить несколько лиц, из числа способных занимать общественные должности, но уже ни в каком случае нельзя было бы исключить из этого списка представителей целой партии, целого общественного течения.

Такова была эта достойная смеха и якобы демократическая избирательная система, которую Бонапарт заменял систему конституции III года, основанную на цензе, и путем которой, делая вид, что он возвращает французскому народу права, завоеванные им в день 10 августа 1792 г., он в действительности отстранял народ от политической жизни. Но, с другой стороны, этой пародией на проект Сиейса он организовал у основания пирамиды то «доверие», которое должно было служить источником «власти», стоявшей на вершине.

Одним из органов этой власти, которому поручалась избирательная и охранительная функции, был «*Охранительный сенат*» из 60 членов (несменяемых и пожизненных, возрастом не моложе сорока лет), причем число их, путем ежегодного добавления двух новых сенаторов в течение двадцати лет, должно было быть доведено до восьмидесяти. Возникновение этого Сената носило чисто революционный и диктаторский характер. Статья 24-я конституции гласила: «Граждане Сиейс и Роже Дюко, выходящие консулы, назначаются членами Охранительного сената; к ним присоединяются второй и третий консулы, назначаемые настоящей конституцией. Эти четыре гражданина избирают большинство Сената, который затем сам пополняет свой состав и приступает к тем выборам, которые возлагаются на него». Впоследствии Сенат должен был сам замещать каждое вакантное место, которое могло образоваться в нем, назначая нового сенатора из списка трех кандидатов, представленных Законодательным корпусом, Трибунатом и первым консулом. Главнейшими функциями Сената были: 1) избрание законодателей, трибунов, консулов, членов кассационного суда и комиссаров государственного контроля; 2) утверждение или отмена тех актов, которые были бы обжалованы перед ним со стороны Трибуната или правительства, как нарушающие конституцию. Заседания его не были публичными.

Что касается законодательной власти, то право предлагать законы принадлежало одному правительству. Редактировались они *Государственным советом*, являющимся самым активным органом новой системы, и затем подвергались обсуждению *Трибуната* и *Законодательного корпуса*. Трибунат состоял из 100 членов возрастом не моложе двадцати пяти лет, назначавшихся Сенатом на пять лет и возобновлявшихся ежегодно в одной пятой части своего состава, с правом быть избранными вновь. Законодательный корпус насчитывал 300 членов возрастом не менее тридцати лет, назначавшихся и возобновлявшихся тем

же порядком, но имевших право быть вновь избранными только по истечении одного года. В нем должно было всегда находиться, по крайней мере, по одному депутату от каждого из департаментов республики. Трибунат обсуждал проекты законов, принимал их или отвергал и посылал из своей среды трех ораторов для изложения и защиты перед Законодательным корпусом мотивов своих вотумов. Законодательный корпус выслушивал также ораторов правительства, государственных советников и затем вотировал тайной подачей голосов и без всяких прений. Заседания Законодательного корпуса длились только четыре месяца. Когда Трибунат отсрочивал свои заседания, он назначал постоянную комиссию числом от десяти до пятнадцати человек, которая должна была созвать его, когда она сочла бы это нужным. Заседания Трибуната и Законодательного корпуса были публичными, но число присутствовавшей в них публики не должно было превышать двухсот человек.

Жалованье сенаторов равнялось 25 000 франков, жалованье трибунов — 15 000 франков, а членов Законодательного корпуса — 10 000 франков.

Исполнительная власть поручалась трем консулам, назначавшимся на десять лет, причем они могли быть избираемы вновь без всякого ограничения. Избирать их должен был Сенат, но на первый раз они были назначены самой конституцией, а именно: первым консулом был назначен Бонапарт, вторым — Камбасерес, третьим — Лебрён¹. Фактически вся власть находилась в руках первого консула, и она оказалась гораздо больше той власти, которою пользовался Людовик XVI по конституции 1789—1791 гг.: «Первый консул обнародывал законы; он назначал и отрешал, по своему усмотрению, членов Государственного совета, министров, посланников и других высших представителей Франции за границей, офицеров сухопутной армии и флота, членов местной администрации и комиссаров правительства при судах. Он назначал всех судей уголовных и гражданских трибуналов, за исключением мировых судей и членов кассационного суда, без права отрешать их от должности» (ст. 41). «Во всех остальных действиях правительства второй и третий консулы имели совещательный голос; они подписывали журналы, касающиеся этих актов, чтобы констатиро-

¹ Законодательные комиссии были призваны высказаться по этому поводу. Согласно свидетельству различных современников, Бонапарт получил единодушный утвердительный вотум; Камбасерес и Лебрён получили каждый по 21 голосу в каждой из комиссий. См. брошюру, озаглавленную: «Séance extraordinaire de la nuit tenue au palais des Consuls» (Над. библ., Ib. 43/405), и газету «Le Bien Informé» от 24 февраля VIII года).

вать свое присутствие, и, если хотели, могли заносить туда свои мнения, после чего достаточно было окончательного решения одного первого консула». Воля Бонапарта не встречала почти никакой законной преграды. Статья 45-я гласила, правда, что размеры государственных доходов и расходов определялись ежегодно особым законом; но закон этот предлагался правительством, и Законодательный корпус должен был принять или отвергнуть его целиком, без всяких поправок. В виде смехотворного воздания чести принципам либерального образа правления в статье 55-й говорилось, что никакой правительственный акт не имел законной силы, если он не был подписан министром, а в ст. 72-й говорилось, что министры были ответственны. Между тем не существовало никакой ответственности ни для сенаторов, ни для членов Законодательного корпуса, ни для трибунов, ни для консулов, ни для государственных советников (ст. 69). Правительственные чиновники могли подвергнуться преследованию за действия, сопряженные с их обязанностями, лишь в силу решения Государственного совета (ст. 75). Таким образом, по отношению к Бонапарту не существовало никаких конституционных способов противодействия; это была диктатура, еще не признанная и замаскированная фразами, но уже готовая оформиться.

V

Конституция должна была «немедленно же быть представленной на утверждение французского народа» (ст. 95). Все было пущено в ход, чтобы обеспечить успех этого плебисцита. Вместо того чтобы созвать первичные собрания, которые когда-то подавали голоса по поводу конституции 1782 г. и III года, их признали как бы уже упраздненными из боязни прений, которые могли бы возникнуть в них, и решили заставить граждан вотировать отдельно, безмолвно, публично и письменно. В каждой коммуне были выставлены утвердительные и отрицательные реестры, на которых всякий гражданин должен был «подписать сам или попросить подписать за себя другого» да или нет (закон 23 фримера и постановление 24 фримера).

Так как этот вотум не имел места повсюду немедленно же и одновременно (в Париже он происходил в конце фримера, в департаментах — в течение всего нивоа), то у Бонапарта было время подготовить различными мерами общественное мнение. Главнейшею из них был новый государственный переворот, который еще более подчеркнул революционный характер всего, что произошло после 18 брюмера: законом 3 нивоа, изданным задолго до полного окончания плебисцита, конституция была введена в действие, и консулы уже приступили

к отправлению своих обязанностей 4 нивоза. Таким образом, большинству избирателей пришлось высказываться по поводу уже функционировавшей конституции.

Таким путем хотели утратить их; но в то же время постарались успокоить их искусной политикой. Франция жаждала внешнего и внутреннего мира. Бонапарт счел нужным громко возвестить о своих мирных предложениях Англии и Австрии. В то же время он возвестил о своем намерении залечить раны гражданской войны и примирить всех французов, оставшихся во Франции. Умиротворение Вандеи было начато еще Директорией, которая поручила бывшему начальнику генерального штаба Гоша, Эдувилю, добиться подчинения роялистских инсургентов, обескураженных победами Брюна и Массена. Вся заслуга этого предприятия была приписана Консулату, потому что последствия его обнаружились лишь после 18 брюмера. Д'Отишан, Фротте, Бурмон и др. подписали перемирие в Пуансе только 23 фримера VIII года. Оставалось заключить мир. Эдувилю добивался этого с терпеливостью, которая раздражала Бонапарта. Постановлением от 7 нивоза он потребовал от инсургентов, чтобы они сложили оружие, под угрозой оказаться, в противном случае, стоящими «вне конституции». Но искусная политика Эдувиля уже начинала приносить свои плоды. В этот момент левый берег Луары уже подчинился, а правый берег последовал его примеру через несколько дней. Один Фротте в Нормандии еще не сложил оружие. Завидуя этому успеху, Бонапарт отнял командование у Эдувиля и передал его Брюну. Шеститысячный отряд был послан против Фротте, который объявил о своем подчинении, но был взят в плен и расстрелян, несмотря на данный ему пропуск (29 плювиоза VIII года). Вандеи и шуанства в крупных размерах не существовало более. Убийство Фротте произошло после плембисита; но умиротворение уже было обеспечено ранее этого, в тот самый момент, когда происходило вотирование.

Что касается эмигрантов, то сначала возвращение во Францию было попрежнему запрещено тем из них, которые выехали из нее добровольно, чтобы бороться со своим отечеством (ст. 93 конституции)¹. По отношению к другим французам, изгнанным, отправленным в ссылку или подвергшимся другого рода проскрипциям, были приняты различные смягчающие меры. Так как закон 3 нивоза VIII года уполномочил правительство разрешать возвращение во Францию под условием отдачи под надзор «всякому лицу, отправленному в ссылку без суда, в силу постановления Законодательного корпуса, если только

¹ См. циркуляр Фуше от 17 нивоза VIII года в «Gazette de France» от 19 нивоза.

данное лицо было названо при этом по имени», то большинство сосланных после 18 фруктидора были возвращены, в том числе Карно. Вернули также бывших либеральных членов Учредительного собрания, вроде Лафайетта, Латур-Мобура, Ларошфуко-Лианкура и передовых республиканцев вроде Барера и Вадье. Среди монархистов Пишегрю, а среди республиканцев Билльо-Варенн были изъяты из числа лиц, которых коснулись эти меры. Были также отменены те статьи постановления 4 фримера, которыми отдавались под надзор полиции 34 республиканца, осужденные на ссылку декретом 20 брюмера.

Эта политика коснулась всех партий накануне плебисцита или в то время, как он происходил. Произошло как бы всеобщее разоружение в сфере общественного мнения, и, когда поданные голоса были сосчитаны (18 пловиоза VIII года), конституция оказалась принятой¹, если верить цифрам, приведенным в «Бюллетене законов», большинством 3 011 007 утвердительных вотумов против 1 562 отрицательных². Среди подавших отрицательный голос было обращено внимание на бывших членов Конвента — Камюса и Лекуантра³. Из числа вотировавших утвердительно, мы встретили в парижских списках многих

¹ В своей «Истории парижской национальной гвардии», вышедшей в 1827 г. (Нац. библ., Lb. 133/2, т. 8), Ш. Конт говорит (стр. 388), что число подписей в пользу конституции VIII года «превышало, по крайней мере, на три четверти число граждан, умеющих подписать свое имя». «...Реестры, — говорит он еще, — предназначенные для подписей, были вручены только одним служащим. Всякое лицо, каковы бы ни были его возраст, пол, положение и родина, не только допускалось, но приглашалось к подписи. Я видел, как подписывались дети, которые не имели никакого представления о том, что они совершали, и подписывали свои имена на реестрах так же, как они сделали бы это на своих школьных тетрадях. В городах, где граждане не являлись подписываться, чиновники составляли сами списки их имен, а потом заставляли детей переписывать их в реестры. Я знал молодых людей, которые употребляли целые дни на эту работу. Наконец, подсчет подписей производила комиссия, которую избрали вожди заговорщиков и в которую они допустили только своих соумышленников». Это свидетельство Ш. Конта страдает тем недостатком, что оно гораздо позднее тех событий, к которым относится; но если бы даже оно было одновременно с ними, у нас не было бы никаких средств проверить его. Весьма возможно, что во Франции не было тогда трех миллионов лиц, умеющих писать; но закон 23 фримера не устранил от вотума безграмотных, потому что он уполномочивал граждан просить подписываться за себя других. Часто происходили подлоги, и что подписывались за других без их согласия — это возможно, но не доказано.

² Реестры этого плебисцита находятся в Национальном архиве, В II, 75-471. Пересмотреть их все потребовало бы слишком много времени. Я мог пересмотреть только некоторые из них, даже не все из относящихся к Сенскому департаменту. «Moniteur» (т. XVI, стр. 355) говорит, что в Париже было только 10 отрицательных вотумов и 12 440 положительных.

³ «Moniteur», т. XXI, стр. 344; «Gazette de France» от 3 нивоза VIII года, стр. 371.

артистов, ученых, литераторов, профессоров Естественного исторического Музея при Ботаническом Саде, профессоров из Collège de France и Медицинской школы, членов Академии, почти всю избранную часть интеллигенции¹. Мы находим там также имена бывших членов Конвента, монтаньяров Мерлино, Лейриса, Лекинио и Бреара²; а также еще более знаменательное имя бывшего военного министра Бушотта, твердого республиканца³. Вотируя за конституцию VIII года, эти республиканцы думали, что они вотируют за революцию и республику против монархии и старого порядка.

Таким путем возникла во Франции плебисцитарная республика. Мы называем ее так потому, что осуществление верховной народной власти было сведено в ней к плебисциту, происходившему при всеобщей подаче голосов, плебисциту, ограниченному ответом «да» или «нет», плебисциту, путем которого французский народ (не желая и не сознавая этого) отрекся от своих верховных прав в пользу одного человека или, лучше сказать, в лице которого вместо многих представителей, избравшихся им до тех пор для законодательной и правительственной деятельности, он избрал теперь как единственного представителя Наполеона Бонапарта.

¹ Эти утвердительные реестры составляют как бы список «Всего Парижа» за тот год.

² Из числа других членов Конвента, вотровавших «за принятие», я указу на следующие имена: Patrin, Marec, Rouyer, Lalande. «Moniteur» утверждает (т. XXI, стр. 332), но без всяких доказательств, что конституция была принята 332 из бывших членов Совета пятисот.

³ См. утвердительный реестр 11-го округа. Подпись Бушотта находится там под № 473. Он не принял никакой должности, никакой милости от Бонапарта. Он был полковником в 1792 г., полковником вышел в отставку в 1804 г. и до самой своей смерти (1840 г.) держался вдали.

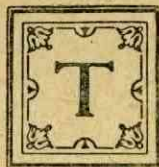

ГЛАВА II

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ КОНСУЛАТ

I. Организация общественных властей. — II. Положение печати. — III. Административная организация. — IV. Новые права. — V. Важные победы при Марешо на внутренние дела. Покушение, проскрипции, усиление деспотизма.

I

ри консула, назначенные новой конституцией, собрались на свое первое заседание 4 нивоза VIII года (25 сентября 1799 г.), т. е. сорока четырьмя днями ранее того, как стало известным, что народ принял конституцию¹. С первого же заседания стало видно, что робкая политика временного консулата прекратилась: неудержимая энергия Бонапарта увлекла за собой его сотоварищей. В тот же день, 4 нивоза, были произнесены многозначительные слова и совершены важные акты. Прокламация первого консула к Французам положила начало новому правительственному языку: устойчивость правительства, сильная армия, порядок, правосудие, умеренность — вот какие слова заменили собой прежние революционные речи и революционные принципы. Министры были назначены в числе семи, а именно: министром юстиции — Абриаль; министром иностранных дел — Талейран; военным министром — Бертье; министром внутренних дел — Люсьен Бонапарт; министром финансов — Годен; морским и колоний — Форфэ; общей полиции — Фуше². У консулов был свой государственный секре-

¹ См. выше, стр. 206. У них состоялось даже предварительное заседание накануне, в 8 часов вечера. Протоколы заседаний консулов (неизданные) можно найти в Национальном архиве (AF IV, 4—1E).

² Это министерство подвергалось за время существования Консулата следующим изменениям: в министерстве юстиции Абриаль был заменен

тарь, ведший протоколы заседаний и подписывавший правительственные акты; им был назначен Марэ, будущий герцог Бассано.

Государственный совет был создан и получил свою организацию еще накануне, 3 нивоза. На обязанности его лежало редактирование законопроектов и административных распоряжений; кроме того, он должен был готовить решения консулов по всем делам административно-судебного характера; он также решал вопросы о предании суду должностных лиц. Ему была предоставлена неумолимая и опасная власть «расширять смысл законов» по требованию консулов. Здесь именно, в этом Государственном совете, Бонапарт основал свое правительство и проводил свою политику; здесь он господствовал, председательствуя, произнося речи и склоняя советников к своим идеям, сначала путем убеждения (прежде чем победа при Маренго сделала его деспотом), а затем подавляя их и тиранизируя часто очень грубым выражением своей воли. Протоколы заседаний этого Совета не дошли до нас; но мы имеем личные воспоминания многих из государственных советников: Тибодо, Рёдерера, Пеле (из департамента Лозеры), Мио де Мелито¹. Вот каковы были вначале организация и личный состав Государственного совета: «департамент военных дел»: президент Брюн, советники Дежан, Лакюэ, Мармон, Петизэ; «морской департамент»: президент Гантон, советники Шампаньи, Флёрье, Лескалье, Редон, Кафарелли; «департамент финансов»: президент Дефермон, советники Дюшатель (из департамента Жиронды), Девэн, Дюбуа (из департамента Вогеэ), Жолливэ, Ренье, Дюфрен; «департамент гражданских и уголовных законов»: президент Булэ (из департамента Мёрты), советники Берлье, Моро де Сен-Мери, Эммери, Реаль; «департамент внутренних дел»: президент Рёдерер, советники Бенезек, Кретэ, Шаптал, Реньо (из Сен-Жан-д'Анжели), Фуркруа; генеральный

Ренье 27 фруктидора X года (в силу сенатус-консульты от 16 термидора того же года. Ренье получил титул «grand-juge ministre de la justice»); в военном министерстве Бертье был заменен Карно, но только на время кампании Маренго (с 12 жерминала VIII года по 16 вандемьера IX года); в министерстве внутренних дел Шаптал занял место Люсьена Бонапарта, 1 плювиоза IX года; в морском министерстве Декрэ занял место Форфэ 11 вандемьера X года. Министерство полиции было присоединено к министерству юстиции 28 фруктидора X года. 5 вандемьера X года было создано «министерство казначейства» и поручено Барбе-Марбуа. Годен занимал пост министра финансов до самого падения империи, а Талейран — министра иностранных дел до 1807 г.

¹ Читатель найдет библиографию источников по истории государственного совета в книге «Le Conseil d'Etat avant et depuis 1789», par Léon Aucoc, Paris, Imprim. nationale, 1876, in-8.

секретарь Совета — Локре¹. Совет собрался на заседание 4 ноября в четыре часа пополудни и тотчас же выразил мнение, что конституция козвенным путем отменяла те законы, которые устраняли от общественных должностей бывших дворян и родственников эмигрантов. Это было очень важное решение, так как оно показывало, что в случае надобности Бонапарт мог законодательствовать через посредство Государственного совета, без помощи Трибуната и Законодательного корпуса².

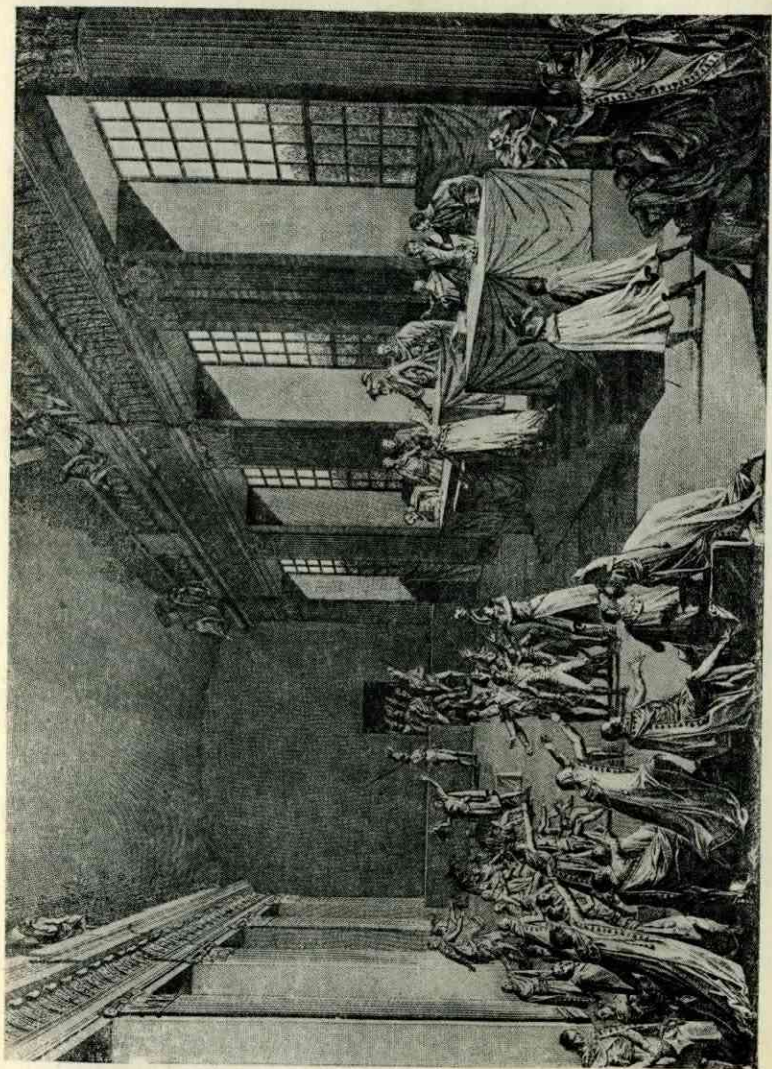
Согласно конституции, Снейс, Роже Дюко, Камбасерес и Лебрен назначили тех граждан, которые должны были составить большинство Охранительного сената. Их выбор пал на более или менее выдающихся лиц, из которых почти все оказали важные услуги делу революции, как, например, Монж, Вольнэй, Гарà, Гарран-Кулон, Келлерман, Кабанис, Снейс и Роже Дюко сделали членами Сената по праву; затем Сенат немедленно же сам пополнил свой состав, доведя его до установленного конституцией комплекта в 60 членов. Эти вторые выборы пали на менее известных людей, в числе которых оказались, однако, Добантон, Лагранж и Франсуа (из Нешато)³.

Сенат немедленно же избрал 300 членов Законодательного корпуса и 100 членов Трибуната, причем не обнаружил ни узости, ни раболепия. Напротив того, Законодательный корпус оказался составленным почти исключительно из лучшей части бывших членов различных революционных собраний, с заметным предпочтением по отношению к людям 1789 г., но без устранения и таких горячих республиканцев, как Грегуар Бреар, Флоран Гио, и даже таких личных противников Бонапарта, как Дальфонс, который оказал в Совете старейших энергичное сопротивление государственному перевороту 18 брюмера.

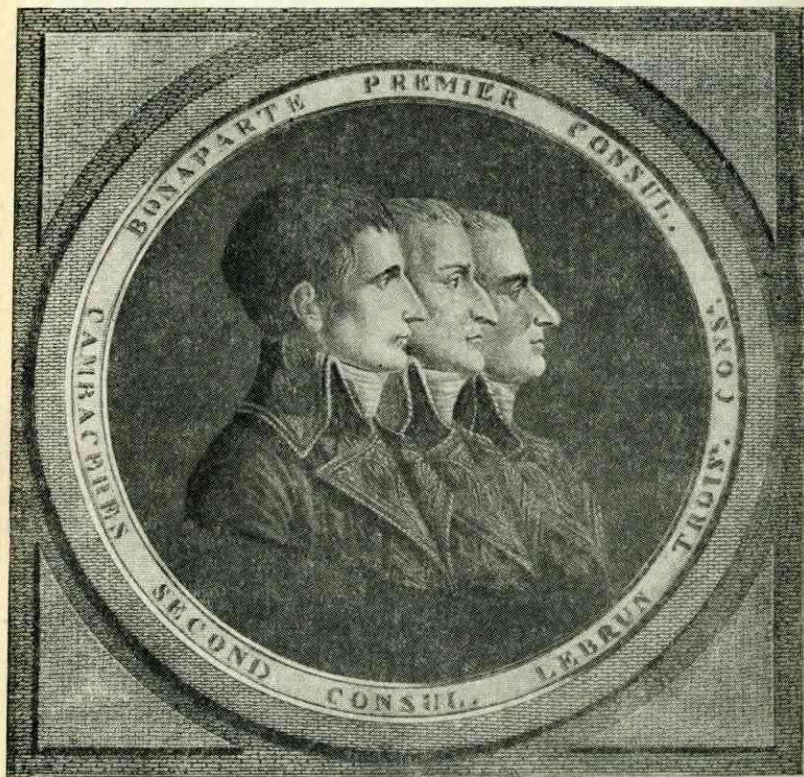
¹ На пятерых из государственных советников были возложены обязанности, обрацавшие их в помощников или, скорее, контролеров министров. Действительно, статья 7-я уложения о Государственном совете гласила: «На пятерых государственных советников будет возложена специальная обязанность заниматься различными отраслями администрации, но только в смысле общего руководства: они будут следить за всеми деталями, подписывать письма, получать и собирать все сведения и сообщать министрам проекты решений, которые те будут представлять корпусам». Таким образом, Шантало было поручено заниматься народным просвещением, Дюфрену — казначейством, Ренье — государственными имуществами, Лескалье — колониями, Кретэ — общественными работами.

² Некоторые из государственных советников были отправлены с миссиями в департаменты, где они собирали сведения и распространяли идеи первого консула. Некоторые из их докладов можно найти в сочинении *Rocquain, Etat de la France au 18 brumaire, 1874, in-8.*

³ Протоколы заседаний Сената не напечатаны. Их можно найти в Над. архиве под рубрикой CC 1-9.

18 и 19 брюмера VIII г.

Бонапарт, Камбасерес, Лебрен — три консула.

В состав Трибуната вошли люди, характер и прошлое которых делали их годными для той роли конституционной оппозиции, которая составляла, повидимому, главную задачу этого собрания: Андриё, Байёль, Мари-Жозеф Шенье, Бенжамен Констан, Жан де Бри, Демёнье, Генгенэ, Станислав де Жирарден, Жар-Панвилье, Лалуа, Ларомигьер, Пеньер¹.

Трибуна́т и Законодательный корпус с твердостью и пониманием дела выполняли свой долг в борьбе с нарождающимся деспотизмом и отвергли многие из антилиберальных законопроектов; но эти собрания, выдававшиеся своим личным составом, не носили характера национального представительства; это не было даже представительство тех «нотаблей», списки которых должны были появиться лишь в IX году. Вот почему оппозиция их была бесплодной и бессильной, и Бонапарту не стоило большого труда сломить ее.

II

В период временного консулата периодическая пресса пользовалась, быть может, большей свободой, чем какая была предоставляема ей с самого 2 июня 1793 г. Так, «Moniteur» в номере от 29 брюмера VIII года, хотя и в почтительной форме простого предположения, предостерегал общественное мнение против честолюбия Бонапарта, советуя в то же время этому последнему, в случае если бы через три месяца не был заключен мир, «сложить с себя гражданскую власть» и снова стать во главе армии. Газета «Le Bien-Informé» в номерах от 14 и 24 фримера смело обличала реакционные проекты конституции, противопоставляя им американскую конституцию, которую перепечатала на своих столбцах. Во «Французской Газете» от 26 фримера можно было прочесть следующие строки: «Конституция провозглашена 24-го числа во всех округах Парижа. Вот анекдот, хорошо обнаруживающий настроение парижан. Во время чтения конституции одним из муниципальных чиновников каждый из слушателей старался протесниться вперед, чтобы лучше расслышать читаемое, вследствие чего никто не мог уловить подряд двух фраз; и вот какая-то женщина говорит своей соседке: «Я ничего не разобрала». — «А я не проронила ни одного слова», — отвечает та. — «Ну что же там сказано?» — «Что у нас есть Бонапарт». В форме подобных сатирических анекдотов проявлялась оппозиция нескольких газет. Бонапарт боялся, чтобы в союзе с оппозицией Трибуната и За-

¹ Протоколы заседаний Законодательного корпуса и Трибуната были напечатаны. В Нац. библ. имеется неполный экземпляр этого издания; но в Нац. архиве хранится полный экземпляр.

конодательного корпуса она не помешала ему овладеть властью. И вот, 27 нивоза VIII года, «принимая во внимание, что часть газет, издающихся в Сенском департаменте, служит орудием в руках врагов республики», он издал постановление о запрещении всех парижских политических газет, за исключением следующих тринадцати: «Moniteur», «Journal des Débats», «Journal de Paris», «Bien-Informé», «Publiciste», «Ami des lois», «Clef du cabinet», «Cytoyen français», «Gazette de France», «Journal des hommes libres», «Journal du soir des frères Chaigneau», «Journal des défenseurs de la patrie», «Décade philosophique».

Правда, мы видим, что лучшая часть парижской прессы уцелела. Уцелела даже оппозиционная «Французская Газета»; но «Moniteur», главнейшая из тогдашних газет, сделалась с 7 нивоза официальной, а двенадцать остальных находились под угрозой немедленного запрещения, если бы они стали помещать статьи, «обнаруживающие недостаточное уважение к общественному договору, верховной власти народа и славе французской армии», или же если бы они печатали «оскорбительные отзывы о правительствах и нациях, дружественных французской республике или находящихся в союзе с ней, хотя бы даже подобные статьи были извлечены из иностранных периодических изданий». В конце концов всякая оппозиция сделалась невозможной для печати, и можно почти сказать, что постановление 27 нивоза VIII года послужило фактически началом деспотизма.

Эта приостановка свободы печати, объявленная сначала временной мерой, предназначенной действовать «до окончания войны», не была отменена после Амьенского мира и оставалась в силе в течение всего периода Консулата и Империи, с различными, отягчавшими ее добавлениями, в числе которых (если говорить только о времени Консулата) можно указать на запрещение говорить о передвижениях армии и флота (16 плувיוза VIII года; 11 и 14 прериала XI года), печатать какое бы то ни было перечисление или резюме статей в заголовке номера (15 термидора VIII года), сообщать известия, способные встревожить торговый мир и взволновать общественное мнение (9 термидора IX года), говорить о религиозных делах (18 термидора IX года) или о средствах продовольствия (18 фримера X года), сообщать о самоубийствах (фример XI года)¹.

Ни одна новая политическая газета не получала разрешения на выход в свет, за исключением официозного и эфемерного «Парижского бюллетеня». «Друг законов» был запрещен

¹ Относительно полицейских мер против прессы смотри Arch. nat. 3452—3455.

9 прериаля VIII года за то, что печатал эпиграммы, задевавшие Академию. Две других газеты, «*Bien-Informé*» и «*Journal des hommes libres*», волей-неволей прекратили свое существование — первая в жерминале, а вторая в фруктидоре VIII года. Если оставить в стороне официальный «*Moniteur*» и журнал «*La Décade philosophique*», почти переставшей говорить о политике, то в жерминале XI года в Париже выходило только восемь политических газет: «*Journal des Débats*» (8 150 подписчиков), «*Publiciste*» (2 850), «*Gazette de France*» (3 250), «*Clef du cabinet*» (1 080), «*Citoyen français*» (1 300), «*Journal des défenseurs de la patrie*» (900), «*Journal du soir*» (550), «*Journal de Paris*» (600); всего 18 680 подписчиков¹.

Постановление 27 нивоза не касалось провинциальных политических газет; но те из них, которые проявляли какую-нибудь независимость, были прекращены особыми распоряжениями, как например «*Républicain démocrate*», издававшийся в городе Ош, тулузский «*Antiroyaliste*» или руанская «*Vedette*»². Правительство старалось добиться того, чтобы в каждом департаменте издавалось только по одной газете, руководимой или вдохновляемой префектом. Что касалось иностранных газет, то, за исключением нескольких недель, следовавших за Амьенским миром, почти всем им было запрещено проникать во Францию.

В тени и несогласно действовал цензурный комитет. Предостережения, выговоры, угрозы и случаи запрещений довели газеты (как и в эпоху Директории, после 18 фруктидора) до того, что они выражали свои политические симпатии лишь подбором известий или историческими намеками в своих литературных отделах, да и то не всегда безнаказанно.

Запуганные таким образом газеты сделались незначительными, почти несуществующими. Но это не входило в расчеты Бонапарта: он хотел бы, чтобы пресса была послушна и интересна, чтобы она имела вид свободной³. Подобно тому, как пыталась делать это Директория, он попробовал вдохновлять ее, руководить ею сам. Издатели газет должны были выбирать сотрудников, которые нравились бы правительству. Каждой газете доставлялись готовые статьи, соответствовавшие ее преж-

¹ Доклад государственного советника Рёдерера, цитируемый в «*Histoire de la presse*», par Hatin, т. VII, стр. 412.

² См. *Henri Welschinger*, *La Censure sous le premier Empire*, стр. 82 и след.

³ См. доклад Порталиса от 23 брюмера IX года (журнал «*La Révolution française*», т. XXXII, стр. 66-72). «Первым правилом, — говорит он, — должно быть признано не предоставлять журналистам полной свободы, но вместе с тем внушить читателю приятную уверенность, что эти журналисты свободны. Для этого стоит только постоянно тайной и невидимой рукой руководить редактированием газет».

нему политическому оттенку. Но все эти ухищрения никого не ввели в заблуждение.

Не следует, однако, думать, чтобы к концу Консулата вся печать сделалась безусловно прирученной. После убийства герцога Энгийенского «*Journal des Débats*» осмелился высказать свое порицание, напечатав перевод речи из Силия Италика, в которой Пакувий отклоняет своего сына от замысла убить Аннибаала. Сюар, которого просили напечатать в «*Publiciste*» апологию этому убийству, отказался, написав очень гордое письмо.

Но когда была учреждена Империя, исчезли последние следы независимости, и вся печать всецело принадлежала правительству.

III

Деспотизм существовал уже в конституции VIII года, но только в скрытом состоянии, замаскированный наполовину такими формулами, которые Бонапарт, как он сам высказывал это позже по поводу итальянской конституции, намеренно делал краткими и туманными. В тот самый день, когда стало известным, что конституция принята нацией, маска была сброшена, и первый консул представил Трибунату и Законодательному корпусу законопроект (сделавшийся законом 28 плювиоза VIII года) о преобразовании администрации, законопроект, устанавливавший безусловную централизацию в пользу одного человека и отнимавший у народа всякое право избирать каких бы то ни было должностных лиц, оставляя ему от его прежней верховной власти разве только одно право избирать непосредственно мировых судей.

В конституции было сказано, что территория республики подразделяется на «департаменты» и «коммунальные округа». Деление на департаменты было оставлено без всяких перемен, кроме упразднения департамента Мон-Террибль, который был присоединен к департаменту Верхнего Рейна. Что касалось «коммунальных округов», о которых конституция упоминала, не определяя их границ, то все думали, что это означало сохранение тех кантональных муниципалитетов, посредством которых авторы конституции III года пытались установить действительную коммунальную жизнь. Но такого рода коммуны, достаточно крупные, чтобы проявлять жизнь и инициативу, могли бы быть помехой для деспотической централизации. Поэтому все муниципалитеты были восстановлены в том виде, в каком их установило Учредительное собрание и в каком они существуют до сих пор, т. е. было восстановлено то мелкое административное дробление, которое уничтожало муниципальную жизнь.

Под именем «округов» были восстановлены округа, упраздненные конституцией III года, но только в меньшем числе. Что же касалось состава местной администрации, то хотя конституция и позволяла предвидеть, что члены ее будут назначаться исполнительною властью, но из нее все-таки не вытекало, чтобы вся административная власть как в департаментах, так и в округах могла быть предоставлена одному лицу. Между тем, статья 3-я закона 28 пловиоза гласила, что «местная администрация должна быть возложена на одного префекта», причем в каждом округе должны были находиться супрефекты, состоявшие под его начальством¹. Это было восстановление интендантств старого порядка с их субделегатами, но только с еще большею властью, потому что эта власть уже не сталкивалась теперь ни с какою корпорациею, ни с каким учреждением, ни с какою традицией.

В изложении мотивов этого закона признавалось в принципе, «что управлять должен был один человек, а решать — многие». Решения могли быть в данном случае двоякого рода: во-первых, относившиеся к распределению налогов; такого рода решения возлагались на «генеральные советы», «окружные советы» и «муниципальных раскладчиков»; во-вторых, решения административно-судебного характера; они возлагались на «советы префектуры».

Генеральные и окружные советы, избиравшиеся на три года, заседали лишь в течение пятнадцати дней в году, с целью распределения прямых налогов между округами и коммунами. Кроме того, генеральный совет вотировал, для покрытия департаментских расходов, «добавочные сантимы», которые префект расходовал по своему усмотрению, под условием давать в них раз в год отчет генеральному совету, причем права последнего ограничивались тем, что он «выслушивал» этот отчет и выражал свое мнение относительно нужд департамента.

Права «муниципальных советов» были несколько обширнее: они могли не только выслушивать, но и обсуждать отчеты о приходах и расходах, которые мэр представлял затем супре-

---

¹ Без сомнения, при предшествующем режиме комиссары Директории, состоявшие при центральных администрациях и муниципалитетах, благодаря все большему и большему расширению своих полномочий, уже подготовили умы к этому институту префектов и супрефектов. Но так как комиссары должны были назначаться из среды жителей того района, в котором им приходилось действовать, то, будучи в такой же степени местными людьми, как и агентами центральной власти, они старались бережно относиться к местному настроению, даже когда упраздняли выборные администрации. Напротив того, префекты и супрефекты почти никогда не назначались из жителей данного департамента или округа, почти никогда не были «местными людьми», и это обстоятельство придавало гораздо более суровый характер новому способу административной централизации.

фекту, утверждавшему их окончательно; они постановляли также решения относительно займов, таможенных сборов и пр. Ведение метрических книг, так же как и заведывание полицией, поручалось мэрам и их помощникам. Но в городах с населением, превышающим сто тысяч душ, полиция находилась в руках правительства. Париж был подчинен особому режиму и имел своего «префекта полиции». Префекты, супрефекты, члены генеральных и окружных советов, мэры, их помощники и муниципальные советники назначались одни — первым консулом, а другие — префектами. Что касалось судебно-административного трибунала, установленного в каждом департаменте под именем «совета префектуры» и состоявшего, смотря по департаменту, из 5, 4 или 3 членов, то последние назначались первым консулом; президентом этого трибунала мог быть префект, голос которого, в случае разделения голосов, имел преобладающее значение¹. Таким образом, отделив сначала чисто административную власть от решающей, авторы закона затем слили их в интересах деспотизма.

Трибунат пришел в ужас, когда был внесен этот проект; либералы этого собрания увидели в нем узаконенную тиранию. Докладчик, которым был Дону, подверг его беспощадной критике (23 плювиоза VIII года), но в заключении высказался за его принятие на том единственном основании, что «опасно было бы» отвергнуть его². Печать безмолствовала, Трибунат чувствовал себя бессильным. Были произнесены красноречивые речи против такого упразднения всех вольностей, но в конце концов Трибунат принял проект большинством 71 голоса против 25, а Законодательный корпус сделал то же самое большинством 217 голосов против 63.

Таким путем возникла деспотическая централизация; но на первых порах обнаружили лишь ее благоприятные последствия, благодаря искусному выбору префектов и супрефектов,

¹ Советники префектуры не получали такого жалования, которое могло бы обеспечить их независимость: смотря по населению города, это жалование равнялось 1 200, 1 600, 2 000 и 2 400 франков. Жалование префекта равнялось 8 000, 12 000, 16 000 и 20 000 франков. Жалование супрефекта равнялось 3 000 франков в городах с населением менее чем в 20 000 душ и 4 000 франков во всех остальных.

² В самом деле, вот каково было заключение этого доклада (Нац. библ., Le. 54/40, in-8): «Комиссия желала бы найти в самом проекте более многочисленные и прямые мотивы для его принятия. Она должна была откровенно изложить вам те недостатки, которые она усмотрела в нем. Она не может сказать вам: одобрите его, потому что он представляет собою нечто совершенное, потому что он отвечает всем желаниям, выраженным в конституции, потому что все статьи его суть применение тех превосходных принципов, которые значатся на его заголовке; но она приглашает вас согласиться на него, потому что было бы опасно ждать слишком долго его усовершенствования».

сделанному Бонапартом¹, а также благодаря тому, что вначале он мог быстро совершить разного рода улучшения, подсказанные ему его гением. Администрация была проста и функционировала быстро; ее находили справедливой; Европа «завидовала нам». Эта администрация становилась грубой и тиранической лишь мало-помалу, по мере того как сам властелин из доброго деспота превращался в злого.

IV

Эта трансформация совершалась медленно, и различные фазисы ее плохо улавливались современниками. В момент вступления конституции VIII года Бонапарт еще сохранял своего рода республиканскую простоту. Лишь 30 пловноза он перешел на жительство в Тюильери, как уполномочивал его на это закон². Консульского двора еще не существовало; вместо придворных Бонапарт задумал окружить себя статуями героев: он приказал, чтобы большая галерея Тюильерийского дворца была украшена изображениями Демосфена, Александра Македонского, Аннибала, Сципиона, Брута, Цицерона, Цезаря, Тюренна, Конде, Вашингтона, Фридриха Великого, Мирабо, Марсо³ и т. д. Он еще удерживал отчасти республиканский этикет и еще не разрешал употребления другого титула, кроме

¹ Личный состав префектов и супрефектов был набран из лучшей части политического и административного персонала, созданного революцией. Вопреки общепринятым утверждениям, среди этого состава было лишь очень немногое монпаньяров. Всего более людей, готовых ревностно служить Консулату, оказалось среди умеренных либералов, бывших членов Учредительного и Законодательного собраний и бывших членов Жиронды или Болота в Конвенте. (Кроме национальных альманахов за годы VIII—XII, см. мой сборник, озаглавленный «L'état de la France en l'an VIII et en l'an XII», 1897, in-8, а также в журнале «La Révolution française», т. XXXVII, стр. 193, статью А. Kuscinsky, Les Conventionnels fonctionnaires après le 18 brumaire). Вначале многие из них захотели стать в положение бывших эмиссаров: печатали прокламации, издавали газеты; но их быстро призвали к их скромным обязанностям второстепенных агентов и скоро добились от них самого полного повиновения.

² Закон 3 нивоа VIII года назначил различным установленным властям следующие национальные здания: 1) Люксембургский дворец — Охранительному сенату; 2) дворцы Тюильери — консулам (Бонапарт жил в апартаментах Людовика XVI, Лебрён — в павильоне Флоры, Камбасерес — в отеле Эльбёф); 3) дворец Совета пятисот (Бурбонский) — Законодательному корпусу; 4) Дворец Эгалитэ (Палэ-Рояль) — Трибунату. Тибодо («Mémoires sur le Consulat», стр. 2) говорит, что церемония переезда в Тюильери все еще носила характер республиканской простоты. Госпожа Сталь («Considérations», изд. 1843 г., стр. 364) была, напротив того, поражена королевским видом Бонапарта и рабским видом его свиты.

³ «Moniteur» от 19 пловноза VIII года, стр. 553. — Скромность и простота Бонапарта в начале Консулата были отмечены одной роялистской газетой, издававшейся в Гамбурге, «Le Spectateur du Nord», январский номер 1800 г., стр. 123 (Нац. библ. Инвентарь, L. 61074, in-8).

титула гражданина¹. Когда было получено известие о смерти Вашингтона, появился приказ (18 плювиоза VIII года) о паложении траура во имя идей «свободы и равенства».

Но наряду с республиканскими обычаями уже начинали обнаруживаться новые нравы, или, скорее, опять начинали робко появляться нравы старого порядка. Вновь открылись оперные маскарады, запрещенные с 1790 г., причем на них переодевались в монахов и советников парламента столько же по духу реакции, как и ради насмешки. Блестящий вечер, устроенный Талейраном 6 вантоза VIII года (25 февраля 1800 г.), обнаружил намерения первого консула сгруппировать вокруг себя людей старого и нового порядка: на этом вечере присутствовали Куаньи, Дюма, Порталис, Сегюр-старший, Ларошфуко-Лианкур, де Крильон, госпожи де Вержени, де Кастеллан, д'Эгильон, де Ноайль². В момент государственного переворота 18 брюмера и в период временного консулата Бонапарт окружал себя исключительно людьми 1789 г., либералами, членами Академии. Теперь он начал притягивать к себе новые элементы для формирования своего будущего двора и обратился за ними к старому порядку. Что касалось либералов, которые серьезно смотрели на себя как на трибунов и законодателей и уже стали составлять оппозицию, то он был недоволен ими и клеймил их названием «идеологов»³.

Скоро он еще более изменил характер того французского патриотизма, вырождение которого способствовало успеху государственного переворота 18 брюмера. Люди революционной эпохи привыкли связывать слово «патриотизм» со словом «добродетель»; вместо этого последнего слова Бонапарт начал употреблять слово «честь». Так, 17 вантоза VIII года он потребовал «во имя чести», чтобы новобранцы отправились в свои полки ранее 15 жерминаля того же года. Новый патриотизм заключался в соревновании французов ради достижения цели, поставленной Бонапартом, честь заключалась в славе быть провозглашенным от имени Бонапарта победителем. В такого рода «чести» Монтескье видел движущую силу монархий, и этот именно возврат к монархическому духу, это превращение граждан в подданных подготавливал тогда Бонапарт своей заменой словом «честь» слов «добродетель», «свобода» и «равенство», которыми революция украшала патриотизм. Теперь речь шла уже не столько о том, чтобы любить отечество ради него самого, сколько о том, чтобы любить его ради известного властелина и в лице этого властелина, как это было во времена старого порядка.

¹ Однако он первый подал пример говорить *madame*, а не *citoyenne*.

² «*Journal de défenseurs de la patrie*» от 9 вантоза VIII года.

³ См. ниже. 903, прим. 2.

V

Так как переговоры с Австрией не удались, то Бонапарту представился случай стяжать новую военную славу, которая послужила ему для обеспечения своего господства внутри государства. Но конституция не предоставляла ему командования армией. Это командование было поручено Бертье, который уступил тогда пост военного министра Карно. Первый консул мог принять участие в походе лишь в качестве «зрителя», но этот «зритель» был в действительности настоящим главнокомандующим.

Военные приготовления сопровождались мерами предосторожности, направленными против свободы. Были запрещены три газеты: «Le Bien-Informé», «Le Journal des hommes libres» и «Le Journal des défenseurs de la patrie»; была восстановлена театральная цензура (15 жерминаля VIII года), причем тогда кончил свое существование во Франции тот аристофановский театр, который до той поры пользовался сравнительно большой свободой и уже почти не появлялся вновь после того.

На время своего отсутствия, длившегося с 16 флореаля по 12 мессидора VIII года, Бонапарт не решился удержать в своих руках осуществление исполнительной власти, и оно перешло согласно конституции ко второму консулу, Камбасересу, который с успехом справлялся со своими временными обязанностями. Оказалось, что правительственный механизм мог функционировать без Бонапарта, и даже распространился слух, что временное правительство уже заранее установило порядок избрания первого консула, на случай если бы Бонапарт погиб на войне¹.

После победы при Маренго (25 прериала VIII года, 14 июля 1800 г.) он поторопился вернуться в Париж, даже не воспользовавшись всеми плодами своей победы.

Он был встречен с почестями, но без раболепия, и Трибунал старался даже превозносить скорее героизм Дезэ². Но в сельской и рабочей массе обнаружился восторженный порыв, и народ стал верить в «звезду» и в «провиденциальную миссию» первого консула. В этот именно момент вполне определилась, повидимому, и формулировалась в уме Бонапарта его честолюбивая мечта.

¹ См. мемуары Мио де Мелито, т. I, стр. 209 и след., а также мемуары Станислава Жирардена, т. I, стр. 175, и мемуары Люсьена Бонапарта, т. I, стр. 410.

² См. доклад Дону от 3 мессидора VIII года. (Прим. переводчика: Дезэ (Desaix) — один из самых знаменитых генералов революционной эпохи, убитый в сражении при Маренго.)

Вскоре после того одно непредвиденное событие еще более усилило его популярность и предоставило новые орудия его честолюбия.

3 нивоза IX года (24 декабря 1800 г.), в то время как Бонапарт ехал в карете в Оперу по улице Сен-Никез, один из роялистов, по имени Сен-Режан, попытался убить его посредством взрыва бочонка с порохом, спрятанного в тележке. Четыре человека были убиты взрывом и около шестидесяти ранены. Первый консул остался невредим. Его гнев немедленно же ассоциировался с его политическими интересами, и он приписал это преступление «якобинцам», т. е. тем республиканцам, которые не хотели отдать республику в руки одного человека. То время, когда он старался приобрести их расположение, чтобы обеспечить успех плебисцита, уже прошло. Он ненавидел их и боялся более чем какой-либо другой партии. Крики: «вне закона!», которыми они преследовали его в день 18 брюмера, еще раздавались в его ушах. Ему представился хороший случай избавиться от некоторых из них и утратить остальных. Он хотел также блестящим образом опровергнуть Питта, называвшего первого консула «детисцем и поборником якобинцев», а также выставить себя перед Европой человеком, защищающим порядок.

Со всех сторон притекали доказательства, что покушение на улице Сен-Никез было роялистским; но это не помешало Бонапарту настаивать на своем желании нанести удар республиканцам. Так как нельзя было бы добиться закона о проскрипции ни от Трибуната, ни от Законодательного корпуса, то была принята исключительная мера, в виде «правительственного акта», который был составлен в Государственном совете 14 нивоза и в силу которого 130 республиканцев должны были «быть подвергнуты особому надзору вне европейской территории республики», уже не в качестве соучастников в преступлении Сен-Режана, а как участники сентябрьских убийств и анархисты, т. е. как члены оппозиционной партии.

Мотивировка того сенатус-консульта, которым был одобрен этот акт (15 нивоза), показывает, что республиканцы-консерваторы были также рады отделаться от республиканцев-демократов: «Охранительный сенат и пр., принимая во внимание, что, как это всем известно, в течение уже нескольких последних лет в республике, а особенно в Париже, проживает значительное число лиц, которые в различные моменты революции загрязняли себя величайшими преступлениями, что эти лица облекались именем и правами народа, являлись и продолжают являться, по всякому поводу, очагом всевозможных заговоров, агентами всяких покушений, продажными орудиями в руках всякого внешнего или внутреннего врага, людьми, подрываю-

щими всякое правительство, и бичами общественного порядка, что амнистии, дарованные этим лицам при разных обстоятельствах, не только не вернули их на путь повиновения закону, но сделали их еще более дерзкими, благодаря привычке и безнаказанности, что их заговоры и покушения, участвовавшие за последнее время, благодаря именно тому, что они были неудачными, являются для них новым мотивом нападать на правительство, правосудие которого грозит им окончательной карой; что из документов, представленных Охранительному сенату, явствует, что присутствие этих лиц в республике, а особенно в нашей громадной столице, служит постоянной причиной тревог и тайного страха для мирных граждан, опасющихся возможного успеха какого-либо из заговоров этих кровожадных людей и нового проявления их мести; принимая во внимание, что конституция не установила необходимых спасительных мер для подобного рода случаев и что при отсутствии в конституции и в законах тех средств, которые могли бы положить конец опасностям, угрожающим каждодневно обществу, воля и желание народа могут быть выражены тою властью, на которую он возложил специальную миссию охранять общественный договор и подтверждать или уничтожать акты, благоприятствующие или противоречащие конституционной хартии; что, согласно этому, Сенат, истолкователь и охранитель этой хартии, является естественным судьей по отношению к мере, предложенной в данном случае правительством; что эта мера соединяет в себе все преимущества твердости и снисходительности, так как, с одной стороны, она удаляет из общества беспокойные элементы, ставящие его в опасное положение, а с другой стороны, предоставляет им последнюю возможность исправиться; принимая во внимание, наконец, согласно подлинным словам Государственного совета, «что обращение правительства к Охранительному сенату с целью вызвать обсуждение и решение этого авторитетного учреждения по отношению к его собственному акту становится в силу примера гарантией, способной успокоить в дальнейшем нацию и предостеречь само правительство от всякого действия, опасного для общественной свободы»; в силу всех этих соображений, Охранительный сенат объявляет, что правительственный акт от 14 нивоза представляет собою меру, охраняющую конституцию»¹.

¹ Согласно устному преданию, записанному в 1838 г. Боше (т. XXXVIII, стр. 379), этот сенатус-консулт был вотирован не без энергичного сопротивления со стороны меньшинства. «Гара, Ламбрехтс и Ленуар-Ларош горячо оспаривали его. Ланжоннз воскликнул: «Не надо государственных переворотов! Государственные перевороты губят государства!» Один Снейс пытался защищать меру соображениями относительно «общественной безопасности», соображениями, чудовищное применение которых

Хотя подвергавшиеся этой проскрипции республиканцы, к которым присоединили еще несколько человек уже без всякого сенатус-консульта, были все одинаково невиновны, они не все испытали на себе одни и те же репрессивные меры. Наиболее известные из них: Тало, Феликс Лепелетье, принц Гессенский и Шудьё, избегли ссылки, благодаря, без сомнения, той двойной игре, которую вел тогда министр полиции Фуше; но бывший член Совета пятисот Дестрем, обратившийся к Бонапарту с суровым порицанием в Сен-Клу, был сослан в Гвиану и уже не увидел больше Франции. Около сорока сосланных также были отправлены в Гвиану; остальных, среди которых находился бывший генерал Россиньоль, отправили на Маге, один из Сейшельских островов.

Только около двадцати из них остались живы и вернулись во Францию в эпоху Реставрации¹.

Но этим еще не ограничились меры, принятые тогда против республиканцев-демократов. Постановлением от 17 нивоза IX года были отданы под надзор полиции в самой Франции, с запрещением жить в Сенском и в соседних с ним департаментах, 52 гражданина, известных своими демократическими убеждениями: Антонель, Моиз Бэйль, Ленъело, Лекуантр, Сержан и т. д. Кроме того, были заключены в тюрьму без всякого суда жены и вдовы республиканцев: вдовы Шометта, Марата, Бабёфа². Не обошлось также без пролития крови и незаконных смертных приговоров. Шесть человек, а именно: Шевалье, Вейсер, Метж, Эмбар и Шапельль, обвиненные в воображаемом заговоре, устроенном полицией, были преданы военному суду и расстреляны на Гренельской равнине. Другие, более известные республиканцы: Арена, Серакки, Топпино-Лебрен и Демервиль, были приговорены к смертной казни сенским уголовным трибуналом, хотя все их преступление заключалось в речах, враждебных Бонапарту, или, в самом худшем случае, в каких-либо слабых поползновениях на заговор; они были гильотинированы 10 плювиоза IX года. Что касается истинных виновников покушения на улице Сен-Никез, то роялист Сен-Режан и его соучастник Карбон, ввиду многочисленных и непроверженных доказательств их преступности, были приговорены к смерти и казнены 16 жерминаля того же года (6 апреля 1801 г.).

могло бы повести к ссылке всей республиканской Франции. Прения были прекращены; начались переговоры. Правительство требовало большинство было предано ему».

¹ См. *J. Destrem, Les Déportations du Consulat et de l'Empire, Париж 1885 г., in-12.*

² Бонапарт назначил, однако, пенсию сестре Робеспьера.

Вопреки тому, что утверждалось многими историками, материальный общественный порядок не был обеспечен во Франции в эпоху Консулата. Разбойничьи шайки роялистов остана-вливали дилижансы, как и во времена Директории, убивали патриотов и грабили в деревнях дома граждан, приобретших национальные имущества. 1 вандемьера IX года шайка шуанов захватила сенатора Клемана де Ри, жившего на даче в своем Туреньском замке; 28 брюмера того же года другая шайка убила «конституционного» епископа Одрена, объезжавшего в департаменте Финистер свою епархию.

Для борьбы с такого рода преступлениями достаточно было бы жандармов, летучих отрядов и военных судов; но Бонапарт воспользовался общественным негодованием, чтобы добиться учреждения «особых трибуналов», которые в случае надобности могли бы избавлять его не только от роялистских разбойничьих шаяк, но также и от республиканской оппозиции. Закон 18 плувioза IX года, который едва не был отвергнут Трибуналом (вотировавшим его 49 голосами против 41) и имел против себя значительное меньшинство в Законодательном корпусе (где было подано 192 утвердительных и 88 отрицательных вотумов), уполномочил правительство учреждать в тех департаментах, в которых, по его мнению, это было необходимо, особые трибуналы, состоявшие из президента и двух судей обыкновенных уголовных трибуналов и, кроме того, из трех военных и двух штатских лиц по назначению первого консула. Ведению этих трибуналов подлежали почти все преступления такого характера, что они могли тревожить правительство, причем их приговоры не допускали ни апелляции, ни кассации, за исключением вопроса о компетентности. Таким образом, Бонапарт мог в любом департаменте создать, по своему усмотрению, нечто в роде революционного трибунала для того, чтобы мстить своим врагам, и он действительно учредил такие трибуналы не менее чем в 32 департаментах.

Возраставший деспотизм Бонапарта не устранил либералов Трибуната и Законодательного корпуса, хотя этот деспотизм опирался на еще более увеличившуюся популярность первого консула после мирного договора с Австрией, заключенного в Люневилле 20 плувioза IX года. Три первых титула гражданского кодекса, выработанные в Государственном совете при личном и преобладающем участии первого консула, подверглись сильной критике в Трибунате, как мало согласованные с основными принципами 1789 г. и отмечавшие собою реакцию по сравнению с прежним проектом, уже вотированным в некоторой своей части Конвентом. Первый из этих титулов был отвергнут Трибуналом и Законодательным корпусом, а второй, также отвергнутый Трибуналом, должен был подвергнуться

рассмотрению Законодательного корпуса, когда правительство взяло свой проект назад, сопровождая этот акт оскорбительным посланием (нивоз X года).

В то же самое время Законодательный корпус и Трибунат еще сильнее подчеркнули свою оппозицию, избрав кандидатами на должность сенаторов таких «идеологов», как, например, Дону.

Вернувшись из своего триумфального путешествия в Лион с титулом президента Итальянской республики (плювиоз X года) и престижем популярности, вызывавшей более энтузиазма в департаментах, чем в Париже, Бонапарт почувствовал себя достаточно сильным, чтобы нанести, в виде наказания, удар вождям оппозиции в обоих представительных собраниях.

Приближался момент, когда надо было, согласно конституции, приступить к возобновлению одной пятой части Трибуната и Законодательного собрания. Вместо того чтобы назначить выходящих членов по жребию, первый консул, по внушению (как говорят) Камбасереса, задумал заставить Сенат составить список тех из членов этих двух Собраний, которые должны были сохранить свои полномочия. Действительно сенатус-консультом от 27 вантоза X года были указаны в Законодательном корпусе 240 членов, а в Трибунате — 80, как неподлежащие возобновлению; благодаря именно этому были удалены со сцены все вожди оппозиции, а в том числе трибуны Дону, Байёль, Иснар, Тибо и особенно Бенжамен Констан, который уже успел проявить тогда способности оратора и парламентского деятеля. Их заменили более послушными людьми. Тем не менее, именно тогда вошел в Трибунат Карно. Подвернувшись такой очистке, эти Собрания стали оказывать менее оппозиции; но они все-таки еще сохранили до известной степени, как мы это увидим ниже, свою независимость.

Мир, заключенный с Англией в Амьене 4 жерминаля X года (25 марта 1802 г.), привел к тому общему замирению, которого так желали французы после восьмилетней войны. Бонапарту показалось тогда, что наступил момент осуществить в форме пожизненного консульства один из своих честолюбивых замыслов, средства выполнения которого уже были подготовлены им переменой в его религиозной политике. Эта перемена имеет такое важное значение для истории плебисцитарной республики, что мы должны посвятить ей особую главу.

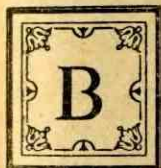

ГЛАВА III

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА

I. Система отделения церкви от государства при Консулате. Культ десятого дня декады. Теофилянтропия. — II. Две категории католиков. — III. Общие результаты системы отделения церкви от государства. — IV. Причины отмены этой системы. — V. Конкордат. — VI. Его практическое применение. — VII. Новые преимущества, дарованные римской церкви.

I

течение довольно долгого времени, т. е. до самого Конкордата, религиозная политика Консулата казалась лишь продолжением религиозной политики Директории. 30 брюмера VIII года министр внутренних дел Лаплас писал департаментским властям: «Не упускайте ни одного случая доказать вашим согражданам, что суеверие так же мало может радоваться происшедшей политической перемене, как и роялизм. Вы оправдаете доверие правительства лишь в том случае, если будете с самою неуклонною точностью исполнять законы, которыми установлены национальные празднества и празднование десятого дня декады, республиканский календарь, новая система мер и весов и т. д.» 6 фримера того же года министр полиции Фуше писал тем же властям: «Пусть фанатики не надеются, что им удастся доставить преобладание нетерпимому культу: правительство будет одинаково охранять все культы, не отдавая предпочтения ни одному из них». 26-го числа того же месяца в циркуляре, обращенном к епископам бывшей конституционной церкви, он старался вызвать соревнование между различными культурами по отношению к тому, какой из них, не по внешности только, а на самом деле, будет наилучше служить республике. «Знайте, — писал он, — что напрасно было бы говорить одним языком в проповедях,

которые слышатся всеми, и другим языком на исповедях, которые остаются тайными; тайна ваших внушений в этом трибунале, где вы располагаете сердцами людей, будет обнаружена настроением тех людей, которыми вы руководите и сердца которых формируете». Префектам Фуше писал 26 прериаля VIII года следующее: «Пусть храмы всех вероисповеданий будут открыты, пусть совесть каждого будет свободна и пусть все культы пользуются одинаковым уважением; но пусть их алтари мирно стоят рядом с алтарями отечества и пусть первая из общественных добродетелей, любовь к порядку, играет преобладающую роль во всех церемониях, внушает все речи и руководит всеми умами»¹.

Законы 9 вандемьера и 22 жерминаля IV года, запрещавшие отправление культа вне храмов, продолжали применяться². Когда, накануне Конкордата, бдительность властей начала ослабевать в этой области, Фуше в циркуляре от 13 флореаля IX года приказывал префектам принуждать католиков к строгому выполнению законов, и этот циркуляр не остался мертвой буквой: 1 прериаля того же года префект Сенского департамента Фрошо приглашал парижских мэров выполнять его с точностью³. Роялистские манифестации католического духовенства вызывали суровые репрессивные меры. Так, когда аббат Фурнье назвал в своей проповеди, в церкви Сен-Жермен-Локсеруа (4 прериаля IX года), казнь Людовика XVI преступлением, он был посажен в Бисетр как страдающий «манией мятежа».

С другой стороны, поддерживался и охранялся от церковных культов принцип светского государства, хотя с менее воинствующим рвением, чем во времена Директории, но все-таки и без заметного ослабления. Действительно, в основе на-

¹ Ср. Madelin, Fouché, т. I, стр. 322.

² Так, префект Верхней Гаронны писал министру полиции от 20 мессидора VIII года: «В коммуне Гардуш один священник позволил себе приказывать звонить во все колокола. Я сообщил мэру, что при первом же нарушении закона, которое позволит себе этот священник, он будет арестован, а церковь заперта. Мне неизвестно, чтобы подобный факт повторился. Другой священник устроил в коммуне Лавелана, кантона Рийе, церковную процессию. Я также отдал строгие распоряжения по этому поводу и убежден, что это не повторится» (см. журнал «La Révolution française», т. XXXIII, стр. 184).

³ Надлежало наблюдать, чтобы не повторялись более следующие манифестации: звон в колокола для созыва в церковь; афиши на входных дверях храмов с возвещением о проповедях, христианских праздниках и т. д.; внешние похоронные драпировки с крестом на них; похоронные церемонии вне церкви с внешним проявлением какого-нибудь культа. «Благодаря нынешнему правительству, мы видим господство не атеизма и не нетерпимости, а истинно-философского законодательства» («Catalogue d'une importante collection», etc., Paris, Charavay, 1862, in-8, № 187).

родного просвещения лежали попрежнему принципы 1789 г., что продолжалось в течение некоторого времени даже и после подписания Конкордата. Закон 11 флореаля X года не восстанавливал религиозного обучения в школах республики; защищая проект этого закона перед Трибуналом, государственный советник Рёдерер провозгласил «независимость государства» и заявил, что «народное просвещение и религия — два отдельных учреждения».

Не подлежит сомнению, следовательно, что Бонапарт продолжал применять систему отделения церкви от государства, систему светского государства; но он применял ее в несколько ином направлении, чем Директория. Последняя надеялась уничтожить постепенно католическую религию во Франции, так как считала ее несовместимой с республиканскими принципами. Первый консул, до того дня как он решил завязать переговоры с папой о Конкордате, старался показать, что он держится своего рода нейтральной политики, и отменил многие из боевых мер, принятых ранее, как против священников католического культа, так и против самого этого культа.

Постановлением от 8 фримера VIII года были отменены постановления Директории о ссылке тех священников, которые или приняли все установленные присяги, или женились, или перестали выполнять свои обязанности ранее закона 7 вандемьера IV года.

Тремя постановлениями от 7 нивоза VIII года культам были дарованы такие преимущества и льготы, какими должны были воспользоваться главным образом католики: 1) все церкви, еще не отчужденные, были предоставлены в распоряжение «тех граждан коммун, которым они принадлежали в первый день II года»; 2) от служителей культа требовалось впредь (как и от всех чиновников) только следующее заявление: «Я обещаю оставаться верным конституции»; и это предписание было подтверждено законом от 21 нивоза того же года; 3) были кассированы и признаны недействительными все постановления, которыми некоторые из местных административных властей разрешали отпирать церкви только в десятые дни декад, причем «должны выполняться согласно их букве и содержанию».

В течение VIII и IX годов, в эпоху консульства, во Франции существовали одновременно все те культы, какие существовали в ней и в эпоху Директории.

«Гражданская религия» (или «культ декады») не была упразднена. В силу постановления от 2 плювиоза VIII года те же самые здания должны были попрежнему служить одновременно «для церемоний, устраиваемых в десятый день декады», и для «религиозных церемоний», причем административным властям предоставлялось назначать для каждого культа опре-

деленные часы, чтобы избежать столкновения. Но культ декады был умален и сужен в своих размерах. Опираясь на что-то соображение, что «свобода и национальное благоденствие требуют сохранения только тех национальных празднеств, которые признаны всеми французами и не пробуждают никаких воспоминаний, способных породить раздоры между друзьями республики», закон 3 нивоза VIII года отменил все другие гражданские празднества, кроме празднеств в честь 14 июля и в честь основания республики. Постановлением от 7 термидора того же года празднование десятого дня декады признавалось обязательным только «для установленных властей, общественных и должностных лиц и служащих, получающих жалованье от правительства»¹. Обязательство совершать свадьбы только в десятые дни декад и только в административном центре кантона было косвенным путем отменено другим постановлением того же дня, и хотя в силу этого постановления о браках должны были происходить только в десятые дни декад, но тем не менее церемониям в честь декад был нанесен большой удар, так как свадьбы составляли главную приманку этих церемоний².

¹ Это постановление требовало, чтобы «ярмарочные и базарные дни назначались попрежнему сообразно с республиканским календарем и постановлениями центральных и муниципальных административных советов».

² Еще ранее этих постановлений консульское правительство рекомендовало префектам не применять больше законов об обязательном праздновании десятых дней декад. Всего знаменательнее в этом отношении следующее письмо, посланное из Бордо министру внутренних дел префектом Жиронды, бывшим членом Конвента Тибодо, 3 прерриала VIII года: «Гражданин министр, я не должен скрыть от вас, что, по приезде в этот департамент, я нашел большое нерадение со стороны граждан и властей по отношению к празднованию десятого дня декад и большое усердие к соблюдению старых праздников. Десятые дни декад находятся в совершенном забвении, а старые праздники посвящены отдыху и развлечениям. Такое положение вещей не вызвало никаких смут, но оно тем не менее вызвало ропот со стороны некоторых лиц, придающих большое значение этому республиканскому учреждению. У меня были перед отъездом из Парижа некоторые объяснения по этому поводу с консулами. Мне ответили, что в намерения правительства не входило принуждать граждан работать или отдыхать в определенные дни, что необходимо было предоставить им в этом случае самую полную свободу, что опыт показал бесплодность всех усилий поддержать празднование десятых дней декад, что этому постоянно препятствовали привычки и обычаи огромного большинства нации. Вследствие этого я должен был смотреть сквозь пальцы на то, что происходило. Однако все это находится в противоречии с законами. Эти законы существуют; они еще не отмечены. Администратору неудобно видеть с одной стороны нарушение закона, как бы поощряемое терпимостью правительства, а с другой — прямое требование закона. Сблагословите, гражданин министр, разрешить мое недоумение на этот счет и указать путь, которого я должен держаться. Привет и почтение. А. Тибодо». Вверху бумаги с изложением этого письма, помеченной

Тем не менее эти церемонии продолжали совершаться до самого вступления в силу Конкордата. Присутствовали на них почти одни чиновники¹. Но алтарь отечества попрежнему занимал почетное место во всех главнейших церквях Франции, и вокруг него собирались верные адепты вплоть до 1802 г.

Что касается теофилантропов, то сначала хорошие отношения между ними и правительством не были нарушены государственным переворотом 18 брюмера, который многие из адептов этой «естественной религии» одобряли и даже принимали в нем участие, разделяя иллюзии академиков. Бонапарт оставил их в покое², но затем почувствовал к ним ту же неприязнь, как и ко всем «идеологам», когда захотел сделаться деспотом. Во время реакции, последовавшей за победою при Маренго, полиция получила приказание не покровительствовать им более. 20 нивоза IX года толпа, состоявшая, вероятно, из католиков, ворвалась в церковь Сен-Жервэ, разрушила алтарь теофилантропов и сорвала все их украшения. Правительство не стало ждать обнародования Конкордата, чтобы упразднить этот культ: 12 вандемьера X года (4 октября 1801 г.) консульское постановление лишило теофилантропов права пользоваться национальными зданиями, а когда они обратились с просьбою разрешить им нанять частное помещение, то эта просьба осталась без ответа³.

II

Если мы перейдем от рационалистических групп к мистическим культам, мы увидим, что евреи и протестанты вели попрежнему свое скромное существование, причем государство попрежнему мало занималось ими. В эпоху Консулата, так же как и при Директории, для политической истории революции интересны лишь соперничество двух католических фракций и их отношения к государству.

14 прериаля, написаны следующие слова: «Пусть он делает все, что может, чтобы примирить закон с желанием правительства, до тех пор, пока ему не сообщат о результатах трудов, начатых по этому предмету (Arch. nat., F. 1-e III, Gironde, 8).

¹ См., например, письмо мэра города Бове от 6 вандемьера IX года в книге *Scioul, Le Directoire*, стр. 414.

² 13 фримера VIII года они праздновали в церкви Сен-Жермен-Локсерруа праздник веротерпимости (Нац. библ., Lb. 43/493, in-8).

³ Грегуар (*Histoire des Sectes*, т. I, стр. 454) утверждает, что Шемен продолжал тайно отправлять этот культ в школе, где он давал уроки латинского языка. Этот культ поддерживался в некоторых семьях и, быть может, поддерживается до сих пор, ибо я вспоминаю, что несколько лет назад получил несколько номеров теофилантропической газеты. Но после постановления 12 вандемьера X года теофилантропия уже не имела ни легального существования, ни исторического значения.

Бывшая конституционная церковь радостно приветствовала государственный переворот, который, упразднив Директорию, должен был упразднить и те гонения во имя десятого дня декад, на которые она так сильно жаловалась. «С того момента, как произошла революция 18 брюмера, — писал Грегуар, — духовенство могло свободно дышать»¹. Епископ Руайе произнес апологию 18 брюмера в Соборе парижской богоматери. Бонапарт относился очень благосклонно к конституционному духовенству. Он разрешил ему съехаться в 1801 г. на национальный собор, так же как Директория разрешила это в 1797 г.; он льстил Грегуару и советовался с ним; он проявил много внимания и даже заискиваний, позволяя конституционному духовенству надеяться, что подготовлявшийся Конкордат будет выгоден для него. Таким образом, в последние дни существования системы отделения церкви от государства отношения между конституционной церковью и государством были превосходны.

Но эта церковь не делала успехов. Она плохо выдерживала конкуренцию с огромным числом неприсягнувших священников (папистов), выпущенных из тюрьмы или вернувшихся из-за границы и давших обещание быть верными конституции. Она терпела серьезные уронны, и число ее верующих уменьшалось. В IX году из пятнадцати национальных зданий, уступленных в Париже культам, конституционное духовенство отправляло богослужение только в пяти, в то время как неприсягнувшие священники служили в десяти остальных². В деревнях священники-непаписты отправляли иногда службу в пустых церквях. В некоторых городах этого культа придерживалась лишь небольшая часть буржуазии или же лишь несколько бедняков. Тот факт, что в момент заключения Конкордата довольно значительное число епископских кафедр оставалось вакантным, хорошо, повидимому, доказывает, что эта (национальная) церковь была национальной только по имени, что она не расширяла своего влияния, а скорее теряла его, что у нее было мало сторонников и, главное, что она была бедна³.

Но она все еще была сильнее, чем этого желали бы ее противники: она насчитывала в своих рядах почетное меньшинство нации; у нее были пастырями добродетельные и выдающиеся люди; она созывала архиепископские соборы; она со-

¹ См. отчет Грегуара в «Актах второго собора», т. III, стр. 232 (Над библ., Ld. 4/4120, 3 т., in-8).

² *Rocquain*, *Etat de la France au 18 brumaire*, стр. 281 (доклад Лакюз).

³ В докладе Отрива (Hauterive) первому консулу (без даты, хотя Бузэ (из департамента Мёрты), т. I, стр. 269, считает возможным отнести его к 15 нивоза IX г.) читаем следующее: «Конституционное духовенство богато священниками и бедно верующими. У него много священников и мало прихожан: у него хорошие принципы, но нет кредита...»

звала второй национальный собор¹; она торжественно и регулярно выполняла свои функции; она занимала почетное положение. Это была живая и деятельная сила в общественном развитии Франции, и всякому приходилось считаться с ней.

Папистское духовенство сохранило почти такое же положение, как и при Директории. Государственный советник Лакюэ в своем докладе IX года отзывался об этом духовенстве как о возбуждавшем ненависть к республике². По поводу обещания верности, которое требовалось законом 21 нивоза VIII года, папистские священники, так же как незадолго перед тем по поводу различных присяг, разделились на оппортунистов и непримиримых, на присоединившихся и роялистов³. Многие из епископов приглашали свое духовенство отказываться от дачи обещания, побуждаемые к тому советами аббата Мори, представителя претендента в Риме, а также поведением нового папы Пия VII, который, не высказываясь определенно относительно «обещания», признал Людовика XVIII королем Франции. Но, хотя у нас и нет статистических данных, можно все-таки думать, что большинство низшего духовенства дало тогда обещание и примкнуло к консульскому правительству⁴.

¹ На этом втором национальном соборе, происходившем в Париже в церкви св. Сульпиция, с 29 июня по 16 августа 1801 г. (с 18 преряла по 28 термидора IX года), эти католики, ставшие еретиками помимо своей воли, написали новое письмо папе, с целью добиться примирения с ним. В то же самое время они предложили своим строптивым собратьям повторить знаменитые карфагенские совещания (происходившие в V веке между католическими епископами и донатистами). Каждая из сторон должна была бы избрать по 18 делегатов, которые собрались бы на совещание в соборе Богоматери 1 сентября 1801 г. Восемнадцать делегатов конституционного духовенства действительно отправились в этот день в Собор Богоматери и провели там, в напрасном ожидании, целых восемь дней. Со стороны папистов не явился никто, и они печально разошлись.

² *Rocquain*, *Etat de la France au 18 brumaire*.

³ См. *A. Mathiez*, *Les divisions du clergé réfractaire*, в журнале «*La Révolution française*», т. XXXIX, стр. 113—115.

⁴ Относительно религиозного положения департамента мы находим статистические данные в таблицах, которые составило министерство внутренних дел в IX году на основании ответов, полученных им на вопросы, с которыми оно обратилось главным образом (повидимому) к членам Законодательного корпуса (*Arch. nat.*, *AF*, *IV*, 1065). Я напечатал этот документ в моем сборнике *L'Etat de la France en l'an VIII et en l'an IX*, 1897, in-8). Из этой таблицы видно, что большинство или по крайней мере значительное число священников дало обещание в следующих 18 департаментах: Эн (Ain), Нижние Альпы, Верхние Альпы, Приморские Альпы, Аръеж, Об, Од, Шаранга, Шер, Коррез, Эр-и-Луар, Жерс, Жиронда, Ланды, Луара, Вьенна, Саона-и-Луара, Вар. Все священники дали обещание в двух департаментах: Верхней Марны и Нижнего Рейна. Лишь меньшинство дало обещание в 21 департаменте: Эна (Aisne), Ардеш, Арденны, Авейрон, Устья Роны, Канталь, Нижняя Шаранга, Кот д'Ор, Дрома, Шельда, Финистер, Гар, Эро, Иль-и-Виллэ, Жемапп, Юра, Верхняя Луара, Самбра-и-Маас, Два Севра, Воклюза, Верхняя Вьенна. Что ка-

Во главе этого примирительного движения и на этот раз стояли Эмери, Боссе и Сикар, увлекшие за собою значительное меньшинство епископов как живших во Франции, так и эмигрировавших. В рядах папистского духовенства королевское дело день за днем теряло своих приверженцев.

III

Таково было в конце периода отделения церкви от государства положение различных религиозных групп во Франции, положение очень сносное для церквей и очень выгодное для государства.

Ни теофилантропы, ни евреи, ни протестанты, ни бывшие конституционные католики не имели причин жаловаться ни на этот порядок, ни на правительство; и действительно мы не находим никаких следов сколько-нибудь серьезного недовольства с их стороны; они желали только установить или восстановить свою внутреннюю иерархию, причем, повидимому, не было никакого непреодолимого препятствия для осуществления этого их желания. Среди папистского духовенства, примкнувшего к республике, обнаруживалось всеобщее пожелание в пользу того, чтобы были разрешены некоторые внешние проявления культа, как, например, колокольный звон; и можно было надеяться, что когда общий мир был бы заключен с Европой и всякие поводы к гражданской религиозной войне исчезли бы, то католикам было бы дозволено пользоваться их колоколами. Папистское духовенство, не примкнувшее к республике, было проникнуто непримиримую ненавистью ко всей революции; но эта ненависть, не разделявшаяся населением, становилась с каждым днем все менее и менее опасною; притом же недовольство непримиримых священников носило скорее политический, чем религиозный характер.

В общем система отделения церкви от государства вызвала во Франции необычайное развитие религиозной жизни и

сается остальных департаментов, то в ответах на предложенные вопросы не говорится о числе священников, которые дали обещание; но в 22 следующих департаментах отмечены религиозные волнения: Кальвадос, Кот д'Ор, Дрома, Диль, Шельда, Финнстер, Верхняя Гаронна, Лозер, Лис (Lys), Мэи-и-Луара, Ламанш, Майенна, Нижний Маас, Монблан, Морбиган, Мозель, Нор, Рона, Нижняя Сена, Сомма, Тарн, Вогезы. Никаких религиозных беспорядков не указано в следующих 22 департаментах: Алье, Креза, Иль-и-Виллэн, Эндра, Эндра-и-Луара, Изера, Леман, Луар-и-Шер, Луара, Ло, Марна, Маас, Уаза, Урт, Па-де-Калэ, Нижние Пиренеи, Верхние Пиренеи, Восточные Пиренеи, Верхний Рейн, Верхняя Саона, Вьенна, Понна. В таблице, о которой идет речь, ничего не говорится о следующих 12 департаментах: Ду, Эр, Форэ, Голо, Лиамон, Нижняя Луара, Мэрта, Два Севра, Сена, Сена-и-Марна, Сена-и-Уаза, Вандей.

большое разнообразие религиозных групп; никогда еще в ней не было столько алтарей и культов, как накануне Конкордата.

Что касается взаимного отношения этих религиозных групп, то католики римской церкви попрежнему проявляли нетерпимость. Но твердая и искусная политика консульского правительства не позволяла им добиться того тиранического преобладания, к которому они стремились, и подавить остальные культы. Им пришлось ограничиться в пользовании предоставленной им свободой скорее борьбою с свободными мыслителями, чем с другими мистическими культурами.

Свободная мысль еще насчитывала тогда много приверженцев среди образованного французского общества; к ним принадлежало, повидимому, большинство академиков, по крайней мере в отделе нравственных наук. Но мода уже не поддерживала их более. Воинствующие рационалисты вроде Фуркруа приносили свою тогда покаянную, и хотя этот ученый открыто заявлял о своем предпочтении протестантства¹, но его отпадение послужило все-таки на пользу католической церкви. В литературе прославление католицизма уже сделалось одним из способов достигнуть известности, как это показали примеры Лагарпа и Фонтана. Шатобриан напечатал в марте 1801 г. свою «Аталу», где в рамках романтического приключения возвещивал евангелие и католическую религию, причем его литературный успех был таков, подобного какому Франция не видела со времен Вольтера. Римский католицизм делал, следовательно, завоевания в среде буржуазии, но не в качестве нетерпимой и исключительной религии. Ни Шатобриан, ни его поклонники не требовали низвержения алтарей других культов. С поддержанием либеральной системы отделения церкви от государства не могли примириться только одни непримиримые паписты.

Хотя римский католицизм делал успехи, а другие группы не двигались вперед или даже регрессировали, между всеми ними все еще поддерживалось своего рода равновесие, — и эта религиозная конкуренция происходила в интересах свободы совести и была выгодна для государства. По словам Рёдерера, «независимость» государства все более и более упрочивалась. Существует мнение, что преданность части папистского духовенства делу Людовика XVIII была одною из причин, заставивших Бонапарта покончить с системою отделения церкви от государства; но после победы при Маренго эта преданность уже не представляла более опасности, и число священников, остававшихся верными королю, уменьшалось с каждым днем. Вернее было бы сказать, что непримиримый роялизм со стороны одной

¹ См. его доклад у Рокана, стр. 154.

части папистского духовенства был скорее полезен, чем вреден государству, потому что этот роялизм вызывал раскол в наиболее могущественной из религиозных групп, в той именно, численность которой наиболее угрожала независимости государства.

В действительности французская революция — не без труда, но победоносно — достигла, наконец, того результата, что наиболее опасная из сил прошлого, с которой ей приходилось бороться, а именно католическая церковь, оказалась распавшейся на три группы: 1) бывшее конституционное духовенство, 2) папистов, примкнувших к республике, 3) папистов-роялистов, которые ссорились между собой. В то же время довольно значительная рационалистическая группа теофилантропов подавала своею настойчивостью пример организации свободной мысли, а евреи и особенно протестанты, число которых возросло вследствие территориальных присоединений, также составляли с своей стороны известный противовес; наконец, в главнейших церквях все еще возвышались алтари отечества, вокруг которых собирались каждый десятый день декады. Католическая религия нигде не господствовала исключительно. Народное образование оставалось светским; государство было светским, свободным и независимым.

IV

Почему же Бонапарт отрекся от системы, до такой степени благоприятствовавшей государству, от тех преимуществ, которые он искусно закрепил своей собственной политикой, от положения вещей, до такой степени выгодного для Франции и для него самого? Почему он вернул католической церкви ее прежнее преобладание?

Быть может, в пользу Конкордата высказывалось общественное мнение? Напротив того, Конкордат 1516 г., косвенно уничтоженный Учредительным собранием в 1790 г., был до такой степени непопулярен, что тому договору, который готовились заключить с папой, не решались даже дать название Конкордата. Если бы тогда существовала свобода печати, то идея Конкордата вызвала бы почти единодушный протест со стороны общественного мнения. Ни среди окружавших Бонапарта, ни среди его противников, ни в рядах какого-либо духовенства, ни при римском дворе (где не могли думать, чтобы глава французского государства самопроизвольно отказался от выгод системы отделения церкви от государства) никто не требовал Конкордата.

Быть может, Бонапарт, корсиканский уроженец и католик, хотел из благочестия покровительствовать римской церкви?

Но ничто не показывает, чтобы он когда-либо обладал тем, что называется верой. Многие из его поступков обнаруживают в нем религиозный индифферентизм. В Египте он воздавал почести мусульманской религии, как если бы он был сам мусульманином. Будучи женат гражданским браком, он согласился обвенчаться в церкви только накануне своего коронования и только потому, что это необходимо было для коронования. Хотя он и присутствовал на мессах, но отказывался соблюдать католические обряды. Даже при религиозной церемонии по случаю заключения Конкордата он соглашался сначала только на один «Te Deum». Рёдерер сообщает нам, что потребовалось настоящие Порталиса и Камбасереса, чтобы убедить его согласиться на мессу, но что им так и не удалось убедить его поцеловать дискос. Он не исповедывался и не приобщался, даже (повидимому) перед смертью¹, а в его завещании сказано только, что он умер в той религии, в которой родился.

Недоступный религиозному настроению и даже неспособный смотреть на религию с точки зрения человеческой совести, он говорил в присутствии Пелэ (из департамента Лозеры): «Что касается меня, то я вижу в религии не тайну воплощения, а тайну социального порядка; она связывает идею равенства с небом, что мешает бедняку убивать богатого. Кроме того религия представляет собою своего рода прививку, которая, удовлетворяя нашей любви к чудесному, гарантирует нас от шарлатанов и волшебников; священники все же лучше Калиостров, Кантов и всех германских мечтателей»². То же самое он говорил Рёдереру: «Общество не может существовать без неравенства богатств, а неравенство богатств не может существовать без религии. Когда человек умирает с голоду рядом с другим, у которого всего в изобилии, ему невозможно было бы примириться с таким неравенством, если бы не было власти, которая говорит ему: «Так угодно богу; необходимо, чтобы на свете существовали богатые и бедные; но после и на вечные времена раздел совершится иначе»³.

Таким образом, если после того как Бонапарт сам с удивительным тактом и успехом поддерживал систему отделения церкви от государства, он стал желать союза с Римом и заключил Конкордат, то он сделал это не из благочестия, а с целью

¹ Ср. A. Guillois, Napoléon, l'homme, le politique, l'orateur, т. I, стр. 295.

² Pelet, Opinions de Napoléon, стр. 223 (Нац. библ., Lb. 44/346, in-8).

³ Разговор в Мальмезоне 30 термидора VIII года, «Oeuvres de Roderer», т. III, стр. 335. Разговаривая с Бонапартом в момент переговоров о Конкордате, Грегуар был скандализован тем, что он хотел религии не для самого себя и не для своих близких, а для народа, для «служанок и сапожников». (По писанным заметкам Грегуара, некоторые извлечения из которых любезно сообщены мне г. Газье.)

повлиять через посредство папы на умы людей и осуществить с его помощью свои мечты об империи, и притом империи всемирной. Кроме того, он видел здесь попутную выгоду в возможности освободиться от бывшей конституционной церкви, оставшейся демократической, благодаря избирательному режиму, лежавшему в основе ее, а также в возможности отнять у Людовика XVIII его последнее средство влиять на Францию, и, наконец, в возможности окончательно умиротворить Вандею.

V

Возможно, что, редактируя конституцию VIII года, Бонапарт намеренно, т. е. уже имея в виду переговоры о Конкордате, ничего не говорит в ней о религии. Во всяком случае проект Конкордата был одним из военных и дипломатических ресурсов, увезенных им с собою во вторую итальянскую кампанию. Еще 16 прериаля VIII года (5 июня 1800 г.) он говорил миланским священникам: «Французы одной религии с вами. Правда, у нас были с вами кое-какие разногласия, но все это уладится». Оказавшись победителем при Маренго, он велел отслужить «Te Deum» в Милане (29 прериаля), «незвизрая на то, что скажут об этом наши парижские атеисты»¹. Затем он вступил в сношение с папой через верчельского епископа Мартина, имея в виду Конкордат. Папа немедленно же согласился начать переговоры и прислал к Бонапарту коринфского архиепископа Спинà вместе с богословом, отцом Казелли.

Спинà приехал в Париж 14 брюмера IX года (5 ноября 1801 г.), после чего немедленно же начались переговоры, сначала только официозные. Министр иностранных дел Талейран, слышавший за противника проекта Конкордата, держался или был оставлен вдали. Спинà имел дело преимущественно с вандейцем аббатом Бернье, бывшим роялистом, человеком мало уважавшимся, но очень умным. 2 мессидора IX года (21 июня 1801 г.) Спину заменил государственный секретарь кардинал Консальви с полномочиями заключить и подписать договор. Договор был подписан 26 мессидора IX года (15 июля 1801 г.).

Эти продолжительные переговоры велись при полном молчании французской прессы, получившей приказание совсем не говорить более о религиозных делах; но в тех сферах, где знали о том, что подготавливалось, существовало мнение, о котором римский уполномоченный сообщал своему двору 2 июля 1801 г. в следующих выражениях: «Борьба, начатая с целью помешать союзу с Римом, превышает всякое вероятие. Все судебные корпорации, все философы, все свободомыслящие и

¹ Письмо Бонапарта к консулам, «Correspondance», № 4923.

значительная часть армии относятся враждебно. Они прямо говорят первому консулу, что если он хочет уничтожить республику и вернуть монархию, то этот союз — самое верное средство. Он совершенно поражен этим. В сущности только он один и желает этого союза». Весьма вероятно, что в разговорах со Спидю и Консальви аббат Бернье преувеличивал смелость и единодушие противников Конкордата с целью оказать давление на папу, но оппозиция все-таки существовала и по всем признакам она была до самого конца всеобщей¹.

Если переговоры так затянулись, то это не значило, чтобы с самого же начала не установилось согласия по основному пункту, а именно, чтобы епископы, назначаемые первым консулом, утверждались папою и чтобы таким образом расколу конституционного духовенства был положен конец. Дело в том, что сначала папа, как светский государь, еще не находился в полной зависимости от Бонапарта и потому колебался покинуть епископов, оставшихся верными ему, а также Людовика XVIII, которого он только что признал французским королем; он тем более колебался, что еще не был вполне уверен, что первый консул окончательно победит коалицию. Но победа Моро при Гогенлиндене (12 фримера IX года), изгнание Людовика XVIII из России (3 плювиоза), Люневильский мир с Австрией (20 плювиоза) и мир с Наполеоном (7 жерминаля) прекратили все колебания папы, усилив в то же время требования Бонапарта.

Вначале Бонапарт предложил провозгласить католическую религию государственной; после победы при Гогенлиндене он взял назад это предложение и настоял на формуле, которая была принята и согласно которой французское правительство признавало, «что католическая, апостолическая и римская религия составляла религию огромного большинства французских граждан». Пока Бонапарт был в войне с королем обеих Сицилий, он терпеливо вел переговоры, но как только с этим государем был заключен мир, он обратился к папе с грубым ультиматумом (29 флореаля IX года), поведшим за собою приезд в Париж Консальви и заключение Конкордата.

Мы не будем рассказывать об этих переговорах, все подробности которых читатель найдет в превосходном сборнике Була (из департамента Мерты); мы не будем также воспроизводить здесь текста «конвенции между французским правительством и его святейшеством Пием VII», текста, который хорошо известен и находится повсюду. Мы скажем только, в чем этот Конкордат изменил религиозно-политическое положение Франции.

¹ Boulay (de la Meurthe), Négociations du Concordat, t. III, стр. 159.

Принцип светского или, как говорили тогда, независимого государства не был вполне упразднен, так как католичество не было объявлено государственной религией. Но, признав, что оно составляло религию огромного большинства французов (*longe maxima pars civium*), позволив папе «признать», что консулы республики смотрели на католический культ как на «особое вероисповедание», согласившись также, что в случае если бы кто-нибудь из преемников первого консула оказался не католиком, то понадобился бы новый договор, чтобы установить способ назначения епископов, — французское правительство придало римской церкви преобладающее моральное значение во Франции и нарушило в ее пользу то равновесие, которое было установлено между различными религиозными группами системой отделения церкви от государства.

Эта система была, впрочем, формально отменена статьями 2, 3 и 5 конвенции, где говорилось, что папа и французское правительство должны были по взаимному соглашению сделать новое распределение епархий, что папа должен был обязать всех епископов и архиепископов, занимавших тогда кафедры, подать в отставку, что первый консул должен был затем назначить архиепископов и епископов согласно новому распределению епархий, а папа — утвердить их согласно каноническим правилам, установленным для Франции ранее изменения ее прежнего правительства, и что таким же способом должны были замещаться вакантные епископские кафедры впоследствии. Священники должны были назначаться епископами, но их выбор мог падать только на лиц, угодных правительству (ст. 10). Галликанская идея старого порядка, согласно которой священнослужители были в то же время чиновниками государства, восстанавливалась статьями 6-й и 7-й, требовавшими от епископов и священников следующей присяги (очень похожей на ту, которую приносили когда-то королям): «Клянусь и обещаю богу на святых евангелиях хранить повиновение и верность правительству, установленному конституцией французской республики. Обещаю также не входить ни в какое соглашение, не присутствовать ни на каком совещании, не вступать ни в какую лигу как вне, так и внутри государства, которые были бы противны общественному спокойствию; а если я узнаю, что в моей епархии или где-либо в другом месте затевается что-либо вредное для государства, то я сообщу об этом правительству». Правительство обязывалось обеспечить «приличное жалованье» епископам и священникам.

Таким путем восстанавливалось и даже усиливалось прежнее смешение церкви с государством.

Для того чтобы этот возврат к прошлому был принят французами, он как бы маскировался разными прямыми и косвен-

ными выгодами, закреплявшими, повидимому, в известных отношениях те из результатов французской революции, которым люди того времени придавали наибольшую цену, а именно: 1) тем самым фактом, что папа заключил договор с французской республикой, он признавал это правительство и отрекался от Людовика XVIII, для которого его союз с папой являлся тогда единственным шансом на успех; 2) Франция получала возможность избавиться от роялистских епископов, как эмигрировавших, так и вернувшихся, которые вели борьбу с революцией в своих прежних епархиях; 3) владельцы национальных имуществ, конфискованных у церкви, могли, наконец, считать себя гарантированными статьей 13-ю, гласившею, что ни тогдашний папа, ни его преемники «не должны были каким бы то ни было образом тревожить владельцев отчужденных церковных имуществ и что вследствие того собственность на эти имущества и все связанные с нею права и доходы должны были оставаться неотъемлемыми в их руках или в руках их наследников».

Но все эти уступки папы только санкционировали то положение вещей, которое уже было обеспечено военными победами республики. Это были чисто воображаемые выгоды для французов или, если хотите, выгоды, удовлетворявшие их воображению; напротив того, римская церковь получила столь же реальные, как и неожиданные выгоды в виде отмены религиозно-политической системы, созданной революцией, в виде прекращения раскола, который так беспокоил ее, и в виде права назначения епископов, возвращенного папе. 27 июля 1801 г. Консальви писал из Парижа своему двору: «Все находящиеся здесь послы иностранных держав, так же как и все благонамеренные и просвещенные лица, считают заключение Конкордата настоящим чудом, а особенно то обстоятельство, что его удалось заключить таким выгодным путем, какой казался невозможным при настоящем положении вещей. Я сам, на глазах которого он заключен, с трудом могу верить этому». Радость папы была не меньше. В то время как кардиналы обсуждали в Риме конвенцию, папа, по словам нашего посла Како, находился «в агитации, беспокойстве и нетерпении молодого супруга, еще не смеющего наслаждаться великим днем своего бракосочетания»¹.

VI

23 фруктидора IX года (10 сентября 1801 г.) Конкордат был подписан обеими сторонами; но обнародован он был лишь через семь месяцев после того. Эти семь месяцев были

¹ *Boulay*, т. III, стр. 359.

употреблены на то, чтобы сделать возможным приведение в исполнение конвенции путем отставки прежних епископов и назначения новых, а также путем утвердительного вотума Трибуната и Законодательного корпуса и путем изготовления необходимых административных постановлений и органических статей.

Бонапарт передал папе проект буллы о новом распределении епархий, число которых доходило до шестидесяти. Но прежде надо было добиться отставки всех епископов, занимавших тогда места. Со стороны прежней конституционной церкви не последовало никаких затруднений. Узнав о заключении Конкордата, ее епископы решили все подать в отставку и привели это в исполнение¹; это очевидно было одним из условий того обещания, которое дал им первый консул относительно назначения некоторых из них на новые епископские кафедры. Таким образом, «конституционная» церковь исчезла совершенно; ни один из ее священнослужителей не отказался от Конкордата, так что от этого раскола не осталось никакого следа.

Но не так было с неприягнувшими когда-то епископами: из них не все повиновались посланию, в котором папа требовал от них отставки (15 августа 1801 г.). Пятнадцать епископов, находившихся во Франции, подали в отставку; так же поступило пятеро живших в Италии (один из них, епископ Базьерский, послал свою отставку Людовику XVIII). Четырнадцать епископов, нашедших убежище в Лондоне, отказались подать в отставку. В общем, согласно аббату де Булонь², из 81 епископа старого порядка 45 подали в отставку, а 36 не подали и обнародовали протесты, повторенные ими также и в 1806 г. Почти все они умерли, сохранив свое непримиримое положение; последний из них, оставшийся в живых, монсеньор де Тэмин, епископ Блуа, называл себя в 1828 г. епископом всей Франции³. Мотивом, на который они ссылались, хотя большинство их были ультрамонтанами, было уважение к галликанским вольностям. В действительности эти неофиты галликанства восстали против папы, называя его в своих посланиях еретиком, евреем, язычником и мытарем⁴, из верности к Людовику XVIII, скорее в качестве дворян, нежели священников. Этот раскол, названный сначала «бланшардизмом», по имени аббата Бланшара, много писавшего тогда против Конкордата, сгруппировал вокруг себя такое малое число приверженцев, что их стали

¹ За исключением Лафон де Савиня, который был одновременно епископом старого порядка и конституционным епископом.

² Oeuures, t. I, стр. CXXVI.

³ Gazier, Etudes, стр. 161.

⁴ Grégoire, Sectes, t. II, стр. 482.

называть «маленькою церковью», и римская церковь несколько не была ослаблена им.

Когда все прежние епископы были устранены, оставалось назначить кандидатов на новые места. Бонапарт обещал предоставить многие из них членам конституционного духовенства; это, как мы сказали, было условием того самозаклания, которого он потребовал от их церкви. Он не любил этих республиканцев и охотно пожертвовал бы ими¹. Но Законодательный корпус избрал Грегуара, истинного главу конституционной церкви, кандидатом на вакантное место сенатора (22 вантоза IX года), и Сенат утвердил этот выбор (15 фримера X года). Бонапарт понял предупреждение и назначил двенадцать конституционных епископов². Папский легат хотел обязать их заявить о своем формальном отречении от прежнего заблуждения, но они отказались. Чтобы покончить с этим, аббат Бернье взял на себя засвидетельствовать, что они объявили ему о своем отречении тайно. Узнав об этом ложном свидетельстве, они стали протестовать против такого обмана³, и папа должен был удовольствоваться письмом, которое они написали ему в момент их назначения и в котором они просто заявляли, что отказывались от гражданского устройства церкви и примыкали к Конкордату.

Когда епископы были назначены, оставалось обратить Конкордат в государственный закон. Для этого необходимо было содействие и вотум Государственного совета, Трибуната и Законодательного корпуса, а это содействие далеко не представлялось обеспеченным, если судить по тому недовольству, которое господствовало даже среди окружавших самого Бонапарта. Через пять дней после заключения Конкордата, 1 термидора IX года, министр полиции Фуше осмелился разослать префектам циркуляр, представлявший собою незамаскированную сатиру на религиозную политику первого консула. Фуше с негодованием обличал в нем всех римско-католических священ-

¹ Несмотря на полученные ею места, конституционная церковь действительно оказалась принесенною в жертву. В тех рукописных заметках, извлечения из которых мне были любезно сообщены г. Газье (см. выше, стр. 889), Грегуар говорит: «Конституционное духовенство было принесено Бонапартом в жертву Конкордату, потому что оно слыло за республиканское, потому что его не боялись, зная, что оно все равно подчинится».

² Сначала он назначил только десять, но немного позже решился прибавить еще двух. В общем, в числе 60 первых архиепископов и епископов было 16 членов прежнего епископата, 12 конституционных епископов и 32 различных духовных лица, из которых около двух третей были викариями, канониками и т. д. (см. *Boulay*, т. V, стр. 464.)

³ Этот протест был заявлен от их имени ангулемским епископом Лакомбом в открытом письме от 4 июля 1802 г., напечатанном в «*Annales de la Religion*», т. XV, стр. 134.

ников. Если они отказывались дать обещание в верности, их дело было ясное: они подлежали изгнанию из республики. Если они давали обещание, это были лицемеры. Все их поведение, говорил министр, состояло из непрерывного клятвопреступления: «Они сеяли раздор среди граждан и ненависть в семьях; они возбуждали партийные распри, тревожили умы, фанатизировали пылкие головы, злоупотребляли доверчивостью слабых и, наконец, возобновили в век просвещения и свободы все нечестности и скандалы веков невежества и суеверия». Министр приказывал префектам: 1) изгнать из Франции священников, отказывавшихся дать обещание; 2) удалить из «коммун тех, которые, дав обещание, стали бы нарушать общественное спокойствие»; 3) предоставить все церкви тем священникам, которые служили в них ранее 18 брюмера, т. е. почти исключительно бывшему конституционному духовенству. Первый консул, если верить ему, узнал об этом циркуляре только из газет. Он написал 21 термидора Фуше, порицая его и приказывая ему отменить циркуляр, что тот и сделал 23 термидора. Но Бонапарт еще не решался лишить себя услуг этого министра, осмелившегося так явно противодействовать его политике¹. (Или, быть может, это была лишь комедия, разыгранная господином и его слугой, чтоб усилить признательность католиков к Бонапарту.)

Бонапарт решил прочесть Конкордат в Государственном совете, отнесемся к этому чтению с многозначительной холодностью, причем при некоторых мистических * выражениях кое-где раздавался смех². 12 жерминаля X года Государственный совет одобрил без прений различные акты, относившиеся к Конкордату и подвергнутые на его рассмотрение. Тем временем были очищены Трибунат и Законодательный корпус³; таким путем были получены благоприятные вотумы, а именно: в Трибунате 78 голосов против 7, а в Законодательном корпусе 228 голосов против 21 (17 и 18 жерминаля X года). Однако чистка все еще была не такова, чтобы оба Собрания сделались раболопными. Если они признали таким большинством Конкордат, то только потому, что одновременно с тем ими были вотированы акты, смягчавшие, повидимому, его антиреволюционный характер. Вот буквально то, что было тогда вотировано: «Конвенция, заключенная в Париже 26 мессидора IX года между папой и французским правительством, подписанная обеими сторонами в Париже 23 фруктидора IX года, вместе с органическими статьями вышеупомянутой конвенции

¹ См. эти документы у Буля, т. III, стр. 445, 451.

² *Roederer*, *Oeuvres*, т. III, стр. 430.

³ См. выше, стр. 878.

и органическими статьями протестантских культов, содержание которых приводится ниже, должны быть обнародованы и приведены в исполнение, как законы республики».

При упразднении культов, соперничавших с римско-католическим, либералы Трибуната и Законодательного корпуса с радостью видели, что поддерживаются две протестантские французские церкви, реформатская и аугсбургская. Священники их получали жалованье, так же как и католические; им обещали дозволить иметь выборные собрания, на которые они заявляли права согласно своим историческим традициям. В действительности протестантские культы были просто взяты тогда под опеку правительством и нисколько не уравновешивали беспрерывно возрастающего преобладания католицизма. Счастливые тем, что могут жить, они не занимались пропагандой, не увеличивали числа своих верующих и предоставляли полную свободу католической пропаганде.

Об еврейском культе тогда не поднималось даже вопроса, он был регламентирован государством только при Империи (декретом от 17 марта 1808 г.).

Что касается «органических статей конвенции 26 мессидора IX года», то людям того времени казалось, что эти статьи противопоставляют прочные преграды притязаниям римско-католической церкви. Это был тот самый регламент, который предусматривался статьей 1 Конкордата. Были разговоры о том, что папа не утвердил его; но он и не подлежал его утверждению: это был не договор, а государственный закон. Эти статьи были обнародованы в такой форме, как если бы они составляли неразрывное целое с конвенцией; этот способ обнародования и вызвал протест со стороны папы. Он жаловался также, но не поднимая особого шума, на суровость регламента; он добился изменения некоторых деталей его и в конце концов примирился.

Эти 77 органических статей следовали одна за другой без логического порядка, без видимого плана, как бы наудачу. Но они все вытекали из старой королевской доктрины, из того галликанства, формулы которого государственный советник по религиозным делам Порталис восстанавливал в различных своих докладах, а особенно в докладе от 5 дополнительного дня XI года (22 сентября 1803 г.)¹.

Галликанство заключалось главным образом «в независимости государства в светских делах и в предоставлении цер-

¹ Он намечал в нем элементы того ответа, который надо было дать на представления, только что перед тем сделанные папским легатом по поводу органических статей. Читатель найдет этот доклад в «Le Droit civil ecclésiastique», par de Champreaux, Париж 1848 г., 2 т., in-8, т. II, стр. 184.

ковной власти исключительно духовных дел». При старом порядке папа и король в конце концов согласились на том, что светское должно быть независимым от духовного; но они не условились относительно руководящих правил для отличия духовного от светского. Король включал в свое светское духовное, папа включал в свое духовное светское.

Легист нового Цезаря отвоевывал у папы часть его духовной области в следующих выражениях: «Мысль рассматривать, как духовное, все, что имеет какое-либо отношение к понятию о грехе и морали, сделалась бы всеобщим притягательным принципом, под влиянием которого все стало бы приписываться церкви, так как мораль обнимает все». Порталис отказывался даже предоставить церкви всю область человеческой совести: «Закон, сам представляющий собою общественную совесть, имеет право связывать граждан сокровенными узами совести». Государство хотело уступить церкви только ту область совести, где пребывает вера в догматы и в таинства в тесном значении этих слов: божественность Иисуса Христа, таинство троицы и пресуществления и т. д. Эти таинства, говорит Порталис, занимают то место, которое разум оставляет пустым «и которое воображение заполнило бы бесспорно хуже». Другими словами, предполагалось, что француз, мечтающий о другом мире, в будущей жизни, не будет думать о политике и делается послушным подданным. Таким образом, государство отказывалось от той части души, которая заражена мистицизмом, от нездоровой ее части, и оставляло за собой здоровую часть включая ее в принадлежащую ему область светского.

Между этою областью духовного, ограниченной таким путем, и этою расширенною областью светского находилась неопределенная смешанная область, в которой должно было господствовать государство, потому что оно древнее церкви и потому что церковь находится в государстве.

Государство должно было, следовательно, регламентировать смешанные дела.

Но будет ли государство относиться совершенно безразлично и к области духовного, сведенного к одним догматам? Нет; глава государства, защитник веры, соглашался охранять ее только в том виде, в каком она была. Он мог и должен был наблюдать за тем, чтобы область духовного оставалась неизменной. Область духовного находилась в его ведении не только в том смысле, что он назначал епископов, но также и в том смысле, что он наблюдал за безупречностью их ортодоксии, за обучением катехизису. Словом, его вмешательство простиралось на весь культ, на все догматы, так же как и на все, что касалось дисциплины.

Галликанство не было, следовательно, либеральной доктриной, стремившейся установить нейтралитет, светскость государства. Напротив того, галликанство имело в виду внести в среду государства возможно бóльшую долю того, что относилось к области человеческой совести, сделать из главы государства своего рода папу, соперника настоящего папы.

Пий VII не был особенно испуган такого рода галликанством; он хорошо знал эту королевскую доктрину. Папская власть боролась с нею в течение столетий и в то же время опиралась на нее. Но еще только в первый раз государство пыталось теперь применить идеи галликанства в их целом, в виде одного регламента. Католическая церковь уже претерпела, однако, тогда столько бед, не погибнув от них, что могла претерпеть и еще одну беду, тем более что эта беда должна была исчезнуть вместе с Бонапартом, а быть может и раньше. Церковь могла перенести временное зло, уравновешиваемое столь многими прочими выгодами.

Галликанство применялось на практике органическими статьями в таком виде.

Как общее правило, подчиненность церкви государству была если не установлена, то по крайней мере формулирована в постановлениях, запрещавших применять к фракции без разрешения правительства какое бы то ни было решение римского двора или церковных соборов, а также в тех постановлениях, которые в случае какого-либо нарушения закона передавали действия духовенства на рассмотрение Государственного совета.

Вторжение государства в область духовного отмечалось теми статьями, согласно которым правительство назначало лиц для исследования взглядов кандидатов на епископскую должность, обязывало духовенство знакомить верующих с декларацией 1682 года, иметь только одну литургию и один катехизис, наблюдало за тем, чтобы каждый епископ объезжал всю свою епархию в течение пяти лет. Что касалось назначения священников, то обязательство, возложенное на епископов Конкордатом, выбирать лишь лиц «угодных правительству», было так формулировано в органических статьях: «Епископы будут означать и посвящать священников, но они будут объявлять о своем выборе и будут совершать каноническое посвящение лишь после того, как этот выбор получит одобрение первого консула».

Правила, касавшиеся публичного отправления культа, заключались в следующем: в городах, где существовали храмы других культов, не должно было происходить никаких церемоний вне церкви; нельзя было открывать без разрешения правительства ни часовен, ни молелен; священники должны были, вне церквей, носить французское и черное одеяние; им запре-

шалось говорить в проповедях о политике и нападать на другие культы¹.

Метрические записи остались в руках гражданских властей. Духовенству запрещалось давать брачное благословение людям, не обвенчавшимся ранее в мэрии.

Последнее обстоятельство было очень тягостно для церкви. Оно вознаграждалось в ее глазах тою уступкой, о которой совсем не упоминалось в Конкордате: я имею в виду отмену празднования десятого дня декады, которое, как выло оно ни происходило, все еще беспокоило церковь своим упорством. Кроме того, эта отмена была формулирована в таких выражениях, которые придавали католической религии одну из черт государственной религии, так как отдых для общественных должностных лиц был назначен на воскресенье (ст. 57). Республиканский календарь удерживался для духовенства только отчасти: оно обязано было им пользоваться, но имело право обозначать дни теми названиями, какие они носили в старом календаре.

Мы видим, следовательно, что целью и результатом органических статей не была защита отличительных свойств светского государства, каким его создала революция, а также и его прав; напротив того, они уничтожили некоторые из этих свойств и некоторые из этих прав. Церковь радовалась этому, в то время как присяжные защитники государства не замечали ущерба, нанесенного ему, или скорее под влиянием своего возврата к галликанским идеям, в которых они были воспитаны, они действительно думали, что государство выиграет, получив снова тот полусветский, полуклерикальный характер, какой оно имело до революции, и что при таком устройстве у него будет более средств обеспечить свое преобладание над церковью, — преобладание, которое органические статьи стремились установить именно в галликанском смысле. Вот почему высшие должностные лица, настроенные сначала враждебно к Конкордату, в конце концов примирились с ним, как с более надежным средством одолеть римскую церковь.

Оппозиция Конкордату проявлялась только со стороны армии, которой слишком часто приходилось, во время государственных смут, вести борьбу с священниками-папистами, ожесточенно нападавшими на отечество. Генералы неохотно присутствовали при церемонии в Соборе парижской богородицы, происходившей 28 жерминаля X года (пасхальное воскресенье

¹ Запрещение звонить в колокола, столь неприятное для католиков, было отменено в следующих выражениях (ст. 48): Епископ должен будет войти в соглашение с префектом относительно призыва верующих на божественную службу колокольным звоном. По всякому другому поводу нельзя будет звонить в колокола без разрешения местной полиции.

1802 г.) по поводу обнародования Конкордата. Тибодо уверяет, что когда первый консул спросил генерала Дельмаса: «Как вы находите церемонию?» — тот ответил: «Прекрасная поповская штука; здесь недостает только миллиона людей, которые лишились жизни, чтобы разрушить то, что вы восстанавливаете теперь». «Распространился слух, — говорит еще Тибодо, — что первый консул хотел было устроить освящение полковых знамен, но не решился на это, потому что солдаты грозили, что они растопчут их ногами. Тайно ходила по рукам карикатура, представлявшая первого консула утопающим в чаше со святой водой, причем епископы толкали его под воду своими крестами»¹.

VII

Итак, Конкордат вошел в силу с 18 апреля 1802 г. (28 жерминаля X года). В рамки этой книги не входит рассказ о его применении, главные моменты которого относятся уже к эпохе Империи. Не мешает, однако, заметить, что в рассказах об этом применении Конкордата особенно выставляется на вид грубость Наполеона Бонапарта в его столкновениях с церковью: папа был взят в плен, подвергнулся заключению и насильно, священников сажали в тюрьмы или отправляли в ссылку, семинарии были обращены в казармы, миссионерство внутри государства запрещалось, отпущение грехов и мотивы были подчинены регламентации. Но что значили все эти меры по сравнению с теми как материальными, так и моральными выгодами, которые получила церковь сверх дарованных ей Конкордатом?

Конкордат обещал, а органические статьи определили жалованье только архиепископам (15 000 франков), епископам (10 000 фр.) и священникам (1 500 и 1 000 фр.), причем, согласно Конкордату, священники должны были находиться лишь в административных центрах кантонов. Органическими статьями были учреждены приходы и в других коммунах со священнослужителями, назначаемыми и сменяемыми епископами. Эти священнослужители должны были избираться из среды духовных лиц, получавших, в качестве бывших обладателей бенефициями и в силу декретов Учредительного собрания, пенсию (высший размер которой был сведен Конвентом к 1 000 ливров). Эта пенсия, вместе с доходами от пожертвований прихожан, и должна была составлять жалованье низшего духовенства. Но пенсия выплачивалась лишь духовным лицам, принесшим различные установленные присяги. Бонапарт постановлением от 3 прерияля X года даровал ее всем, лишь бы только

¹ «Mémoires sur le Consulat» par un ancien conseiller d'Etat, Париж 1827 г., in-8, стр. 163—165.

они признали Конкордат. Без этого постановления громадное большинство низшего духовенства не получало бы вовсе жалованья, и в этом заключалась самая главная прибавка к Конкордату. Так как для многих священнослужителей такая плата была все-таки очень скромной, то постановление от 18 жерминаля XI года разрешило генеральным советам и муниципалитетам назначать им дополнительное жалованье. Так как эти местные власти не проявили в данном случае большого рвения¹, то 11 прериаля XII года император назначил, в виде подарка по случаю своего радостного восшествия на престол, каждому из священников мелких приходов (помимо даровой квартиры от коммуны) жалованье в 500 франков из средств казначейства; число же этих мелких приходов было доведено декретом от 30 сентября 1807 г. до 30 000. Кроме того, было назначено жалованье каноникам, генеральным викариям, кардиналам и епископам, которые вышли в отставку по случаю Конкордата. Наконец, в виде особой привилегии, все эти жалованья были объявлены не подлежащими аресту за долги.

В первый год применения Конкордата расходы на культ составляли в бюджете 1 200 000 франков. Сюда не были включены пенсии, выдававшиеся бывшим владельцам бенефиций; но так как эти пенсии выдавались лишь лицам, принесшим установленные присяги, то трудно думать, чтобы этот расход был очень велик и чтобы общая сумма расходов по культу превышала 5 миллионов.

В 1807 г. бюджет культов доходил уже до 17 миллионов, а сумма, тратившаяся на пенсии, равнялась почти 23 миллионам, что составляло около 40 млн. всех расходов на культ.

Таким образом, католическая церковь получала ежегодно от французского правительства около 35 миллионов более того, что последнее должно было платить ей согласно Конкордату и действовавшим законам. Кроме того, ей была возвращена, в силу различных постановлений, часть тех ее имуществ, которые еще не были отчуждены. Благодаря этой самопроизвольной щедрости она могла так реорганизоваться, что оказалась, под несколько другой формой, почти столь же могущественной, как и во времена старого порядка.

Что касается тех моральных и вместе с тем материальных выгод, которые не были обещаны католической церкви Конкордатов, но которые она в действительности получила, то прежде всего здесь следует упомянуть об уничтожении раскола в форме бывшего конституционного духовенства, об упразднении

---

¹ Так, Roederer («Oeuvres», t. 111, стр. 475) сообщает нам, что в Нормандии муниципалитеты не восторговали прибавок к жалованью низшего духовенства.

нии рационалистических культов, теофилантропии и культа декад, а также — со стороны косвенных последствий — о том факте, что во втором Конкордате, заключенном Бонапартом в 1803 г. от имени итальянской республики, уже прямо говорилось, к большому недовольству миланских либералов, что в этой республике католическая религия должна быть государственной¹.

В одном из отделов Французской академии, в отделе «нравственных и политических наук», группировались все наиболее влиятельные из свободных мыслителей того времени: Вольней, Гара, Женгене, Кабанис, Мерсье, Лаканаль, Нэжон, — все те идеологи², которые всегда относились враждебно к католической церкви и стали относиться враждебно к честолюбию Бонапарта. Постановлением от 3 плювиоза XI года (23 января 1803 г.) этот отдел Академии был уничтожен, а члены его были распределены по другим отделам, с целью разъединить их группу.

Уполномоченный папы не осмелился требовать отмены того, что революция сделала для школы, хотя введение светского обучения, в основе которого лежала рациональная мораль, составляло большое горе для церкви. Закон 11 флореала X года даже санкционировал косвенно светский характер обучения. Император Наполеон увидел в нем республиканский принцип и упразднил его (17 марта 1808 г.), положив в основу преподавания императорского университета «принципы католической религии»³. Свободная мысль подверглась строгому исключению: всякий воспитанник должен был быть христианином или евреем. Епископы наблюдали в лицеях за религиозным преподаванием.

Правда, государство присвоило себе монополию преподавания и вело его при посредстве светской корпорации; но фактически эта монополия не применялась к первоначальной школе, где почти все преподавание велось монахами, принадлежавшими к братству христианских школ⁴. Это братство снова воз-

¹ См. *Theiner, Histoire des deux Concordats, passim.*

² Бонапарт называл так всех тех, со стороны которых он встречал теоретически обоснованную оппозицию. Слово «идеология» было введено в употребление одним из членов отдела нравственных и политических наук, Дестю де Траси, напечатавшим в IX году «*Projet d'éléments d'idéologie à l'usage des Ecoles centrales.*»

³ Государственный совет написал: «христианской религии». По словам Pelet («*Opinions*», стр. 158), слово «христианской» было заменено словом «католической» самим Наполеоном.

⁴ Уже закон 11 флореала X года вносил дезорганизацию в светское первоначальное обучение, лишая его характера государственного преподавания и ставя в зависимость его организацию, развитие и личный состав от фантазии мэров и муниципальных советов.

родилось в 1802 г.; декрет 17 марта 1808 г. легализовал его существование, установил над ним контроль (призрачный) университета и освободил его членов от военной службы.

Относясь сурово к священникам, противодействовавшим его политике, остальным Бонапарт покровительствовал, позволяя нарушать в их пользу, или даже отменяя свои собственные законы и принимая по своей инициативе меры, придававшие католицизму все более характер государственной религии¹. Я говорю не об освобождении священнослужителей от военной службы, потому что эта привилегия распространялась одинаково на все культы. Я имею в виду привилегии, касавшиеся специально католической церкви, как, например, та, которая явилась результатом личного решения первого консула, одобрявшего (23 фруктидора X года) приказ мэров гражданам убирать коврами фасады их домов на пути религиозной процессии в праздник тела господня, или запрещение священникам вступать в брак, объявленное министерскими циркулярами (12 января 1806 г. и 30 января 1807 г.) с нарушением гражданского кодекса.

Другая милость, дарованная церкви, заключалась в отмене республиканского календаря сенатус-консультом 22 фруктидора XIII года и в восстановлении грегорианского календаря с 1 января 1806 г.

Наконец, римская церковь была обязана первому консулу и императору восстановлением многих конгрегаций и монастырских общин, причем одни из них признавались официально, а другие только терпелись. Декрет 2 января 1812 г. упразднил их лишь в одной части Франции, в «присоединенных» департаментах.

Таковы были главнейшие выгоды, не предусмотренные Конкордатом, но дарованные католической церкви Наполеоном Бонапартом, причем более сделать для нее не мог бы самый христианнейший король. И католическая церковь была признательна. Когда в конце второй империи монархический писатель Оссонвиль стал утверждать, что католики ничем не обязаны Наполеону, римский двор немедленно же запротестовал и пером префекта ватиканского архива выразил почти в лирических излияниях свою благодарность творцу Конкордата, перечислив все благодеяния, какие церковь получила от него².

¹ Из этих мер напомним, кроме церемонии коронования, статьи органического сенатус-консульта 28 флореаля XII года, в силу которых Наполеон получил наименование «император милостью божиею» и должен был принести присягу на евангелии.

² См. этюды о «Римской церкви и первой империи» Оссонвиля, печатавшиеся сначала в «Revue des Deux Mondes» (с 1865 по 1869 г.), а потом изданные отдельной книгой (1868—1870 гг., 5 т., in-8). Книга пре-

Такова была религиозная политика Бонапарта. После того как он сам с большим искусством и успехом применял систему отделения церкви от государства, он разрушил эту систему с помощью Конкордата, органических статей и многих других мер, причем постепенно вернул католической, римской и апостолической церкви если не права, то фактическое положение государственной церкви. Лишив государство его светского характера, слив церковь с государством подобно тому, как это было при старом порядке, и восстановив «галликанство» в интересах своей политики, Бонапарт без сомнения имел в виду не подчинить государство церкви, а сделать последнюю орудием своего императорского честолюбия и, как мы уже говорили, руководить через посредство папы совестью людей. Эта попытка не удалась в том смысле, что трон Наполеона скоро рухнул и победительницей оказалась в конце концов католическая церковь, причем государство на долгое время перестало быть светским, а она сохранила и еще сохраняет до сих пор во Франции почти все полученные ею привилегии. Но если бы даже эти привилегии и исчезли теперь, то римская церковь все равно сохранила бы то громадное численное преобладание, которое было обеспечено ей устранением расколов, упразднением рационалистических культов и учреждением опеки над еврейским и протестантским культами; а потому, если бы даже и была восстановлена теперь система отделения церкви от государства, то уже не существовало бы все-таки той конкуренции различных религиозных групп, которою пользовалось государство с 1795 по 1802 г., и не существовало бы, следовательно, никакого серьезного противовеса могуществу римской церкви, которая если и терпит в настоящее время уроны, то только благодаря успехам светского первоначального образования и постепенному ослаблению религиозного чувства в массах сельского населения Франции.

Во всей совокупности разрушительной и реакционной деятельности Бонапарта, более или менее сознательно направленной им против революции, самым реакционным актом является Конкордат, особенно по своим последствиям и по тому способу, каким он был применен.

Факта ватиканского архива Theiner'a под заглавием «Histoire des deux Concordats de la République française et de la République cisalpine» была издана в Бар-ле-Дюне в 1869 г. (2 т., in-8), на ее обложке поставлен 1875 год.

ГЛАВА IV

ПОЖИЗНЕННЫЙ КОНСУЛАТ

I. Плебисцит X года. — II. Органический сенатус-консулт 16 термидора X года (4 августа 1802 г.). — III. Возврат к монархическим формам. — IV. Республиканская оппозиция. Военные заговоры. Бонапартизм рабочих. — V. Роялизм. — VI. Заговоры действительные или воображаемые: Кадудаль, Пишегрю и Моро; герцоги Энгийский. — VII. Установление империи. — VIII. Органический сенатус-консулт 28 флореала XII года (18 мая 1804 г.). — IX. Исчезновение республики. — X. Общие замечания о французской революции.

I

заклучение Конкордата, Амьенский мир, блестящие военные и дипломатические успехи, вся совокупность событий, из которых одни были действительно благоприятны, а другие лишь представлялись такими и которые всеми приписывались гению Бонапарта, подготовила общественное мнение к антилиберальным переменам в конституции, уже и без того весьма мало либеральной, но ограничивавшей по крайней мере десятилетним периодом продолжительность полномочий первого консула. При этом окружавшие Бонапарта ясно видели, что если бы перемены не были уступлены ему добровольно, то он сумел бы добиться их силою.

Второй консул Камбасерес дал понять Трибунату, что хорошо было бы по случаю Амьенского мира даровать Бонапарту какую-нибудь национальную награду¹. Трибуны выразили желание (16 флореала X года), чтобы ему было дано «блестящее доказательство национальной признательности»; но депутация,

¹ См. *Stanislas de Girardin Journal et Souvenirs*, т. III, стр. 266.

через посредство которой это пожелание было передано на следующий день первому консулу, заявила ему, что дело шло лишь о чисто почетной награде. Но титул умиротворителя или отца народа не мог удовлетворить честолюбия Бонапарта. Он обратился к Сенату, которому было передано пожелание Трибуната, причем каждого из сенаторов начали отдельно убеждать даровать Бонапарту пожизненное консульство¹.

У них хватило мужества отказать в этом, и в постановлении от 18 флореаля они ограничились тем, что заранее избрали первого консула на второй десятилетний период. Сказать мимоходом, это было со стороны Сената актом оппозиции или, скорее, проявлением независимости, столь же решительной, как и обдуманной. Доказательством этому служит протокол заседания. «Один из членов, — говорится в нем, — находил недостаточным по сравнению с чувством признательности и с теми великими вещами, которых еще следует ждать от правительства, десятилетний срок, назначенный Комиссией. Он предлагал, как более удобное с общественными интересами и более достойное первого консула и сената, пожизненное переизбрание. Многие ораторы говорят в том же смысле. Многие другие одобряют в силу различных мотивов предложение Комиссии. Докладчик² заявляет от имени последней, что в ее среде обсуждался вопрос о пожизненном переизбрании, но что, взвесив все его преимущества, она пришла к заключению, что инициатива в таком деле должна принадлежать общему собранию Сената. После того как было выслушано еще несколько ораторов, прения были закрыты и было потребовано, чтобы на первую очередь был поставлен проект комиссии. Сенатус-консулт удовлетворяет этому требованию. Происходит второе чтение, после которого собрание вотирует путем тайного голосования принятие проекта...»³ Не подлежит, таким образом, сомнению, что предложение о пожизненном избрании Бонапарта первым консулом было внесено в Сенат и отвергнуто им⁴.

¹ См. *Roederer, Oeuvres*, т. III, стр. 446.

² Этим докладчиком особой комиссией, избранной для обсуждения пожелания Трибуната, был Ласнед.

³ Протокол заседаний Охранительного сената, *Arch. nat.*, CC², стр. 19. — Теперь понятно, почему протоколы Сената не были напечатаны (см. выше стр. 865), в то время как протоколы Трибуната и Законодательного корпуса были напечатаны: первые представляли тогда слишком большой интерес.

⁴ По словам Тибодо (*Mémoires sur le Consulat*, стр. 245), пожизненное назначение было предложено сенатором Леспинасом. В числе высказавшихся против этого предложения Тибодо указывает на Гара и Ланжонне. См. также «Дневник и Воспоминания» Станислава Жирардена, т. III, стр. 268, и *Fauriel, Les derniers jours du Consulat*, стр. 31 и след. Читатель найдет кроме того некоторые детали и замечания по поводу независимого поведения Сената в «Souvenirs sénatoriaux de Cornet», стр. 18, 19, 21 (Нац. библ., Lb. 48/5, in-8).

Бонапарт скрыл свою досаду, написал Сенату (19 флореаля), что он обратился к народу, чтобы узнать, должен ли он согласиться на «жертву», которую требуют от него в виде продления его службы, и уехал в Мальмезон, предоставив действовать своему сотоварищу, Камбасересу, проявившему в своем рвении большую изобретательность и смелость.

Камбасерес созвал Государственный совет (20 флореаля), чтобы обсудить, по поводу письма первого консула, как и относительно чего следовало обратиться за мнением к народу. Биго де Преаменё предложил «не ограничивать выражения общественного желанья рамками сенатус-консульты». Рёдерер заявил, что даже в интересах той самой «устойчивости» правительства, которую Сенат, по его собственным словам, хотел обеспечить, необходимо было предложить народу два вопроса, а именно: следовало ли назначить первого консула пожизненно, и следовало ли предоставить ему право избрать своего преемника. Мнение о необходимости формулировать этот плебисцит законодательным порядком было устранено, и Государственный совет, несмотря на оппозицию меньшинства, принял проект Рёдерера¹.

Бонапарт по своем возвращении сделал вид, что он сердится, выбрал Рёдерера, от которого получил письмо с извинениями², вел разговоры об отмене постановления и в конце концов утвердил его, вычеркнув из него однако статью о праве назначения преемника. Консулы (в тот же день, 20 флореаля X года), «принимая во внимание, что своим решением первый консул дал блестящее доказательство своего уважения к верховной власти народа и что народ, к которому обращаются по вопросу, связанному с наиболее дорогими для него интересами, не должен знать никаких границ, кроме определяемых этими интересами», постановили, чтобы французскому народу был предложен следующий вопрос: «Следует ли Наполеону Бонапарту быть пожизненным консулом?» Таким образом, этот плебисцит явился результатом простого консульского постановления; а так как конституция никого не уполномочивала на такой способ действия, то это был настоящий государственный переворот, о котором авторы его просто известили (21 флореаля) Сенат, Законодательный корпус и Трибунат, не справляясь с их мнением.

¹ Об этом заседании Государственного совета см. мемуары Тибодо и собрание сочинений Рёдерера. Из них не видно, каким большинством был вотирован первый вопрос; но по отношению ко второму (право назначения преемника) оппозицию составляли, повидимому, пять советников, воздержавшихся от голосования: Берамже, Берлие, Дессоль, Эммери и Тибодо.

² *Roederer, Oeuvres*, т. III, стр. 450.

Раздраженный Сенат назначил комиссию для изыскания мер, которые ему следовало бы принять; но эта комиссия заявила устами Деменье (27 флореаля), что «в настоящую минуту» ничего нельзя было сделать.

Трибунат и Законодательный корпус преклонились перед совершившимся фактом. В тех списках, где каждый из их членов вносил свой вотум по вопросу о пожизненном консульстве (списках, не найденных нами), было, по свидетельству Фориеля¹, только четыре отрицательных вотума, один в Трибунате (вотум Карно) и три в Законодательном корпусе. Но поднося эти вотумы первому консулу (24 флореаля), оратор Законодательного корпуса Воблан высказал ему иронический совет управлять путем «политической, гражданской и религиозной свободы», а оратор Трибуната Шабо (департамент Алье) осмелился произнести косвенную, но очень едкую сатиру на честолюбие Бонапарта².

Честь подсчета голосов этого плебисцита, происходившего подобно предыдущему путем открытых списков, досталась на долю Сената³. 14 термидора X года (2 августа 1802 г.) был издан следующий сенатус-консулт: «Охранительный сенат, собравшись в числе членов, предписанном статьею 90 конституции, для обсуждения послания консулов республики от 10 числа сего месяца, выслушав доклад своей особой комиссии, избранной для проверки списков голосов, поданных французскими гражданами; ознакомившись с протоколом этой особой комиссии, свидетельствующим, что 3 577 259 граждан подали свои голоса, причем 3 568 885 граждан вотировали за то, чтобы Наполеон Бонапарт был назначен пожизненным консулом; приняв во внимание, что Сенат, как установленный конституцией орган народа по отношению к тому, что касается общественного договора, обязан громко засвидетельствовать народную признательность герою победителю и умиротворителю и торжественно провозгласить желание французского народа придать правительству всю устойчивость, необходимую для независимости благоденствия и славы республики, декретирует нижеследующее: 1) Французский народ назначает, а Сенат провозглашает Наполеона Бонапарта пожизненным первым консулом. 2) Статуя Мира, держащая в одной руке лавры Победы, а в другой декрет Сената, будет свидетельствовать перед потомством о признательности нации. 3) Сенат передаст первому консулу выражение доверия к нему, любви и восхищения французского народа». Статуя Мира, постановка которой была

¹ «Les derniers jours du Consulat», стр. 38.

² См. мои «Etudes et Leçons», вторая серия, стр. 272—274.

³ Ему поручено было это посланием Камбасереса от 10 термидора; см. его протоколы, заседание 11 термидора X года (Arch. nat., CC³).

декретирована Сенатом, представляла собою единственное возможное тогда выражение его почтенных, но бессильных пожеланий добиться установления нормального и легального положения вещей; побежденная и разбитая оппозиция могла заявить о себе только путем такого косвенного совета солдату, в руки которого Франция только что предала себя.

Действительно, этот плебисцит был полным отречением Франции в пользу одного человека. Для Бонапарта огромным успехом было уже и то, что конституция VIII года была признана тремя миллионами голосов, а на этот раз утвердительных голосов было на 500 000 более, чем в VIII году. Одним вмешательством префектов¹ нельзя объяснить этого увеличения голосов; его следует приписать прежде всего тому, что нация была обрадована Амьенским миром, которым, повидимому, навсегда заканчивался кровавый период десятилетней войны. С другой стороны, многие роялисты, воздержавшиеся от голосования в VIII году, вотировали теперь за Бонапарта в виде благодарности за сенатус-консульт 6 флореаля X года, даровавший условную амнистию эмигрантам², а также потому, что пожизненный консулат, если не восстанавливал Бурбонов, то по крайней мере восстанавливал, повидимому, монархические учреждения. В этот именно момент большое число монархистов сложило оружие и примкнуло к правительству, к великой досаде Людовика XVIII (от которого Бонапарт тщетно пытался добиться отречения)³. Надо сказать также, что папистское духовенство, обрадованное Конкордатом, должно было оказаться превосходным избирательным агентом⁴.

Можно, следовательно, сказать почти с уверенностью, что большинство, высказавшееся за пожизненный консулат, принад-

¹ 26 флореаля X года Рёдерер обязывал в своем циркуляре префектов получить как можно больше голосов («Mémoires sur le Consulat», стр. 276). Но Рёдерер был только государственным советником, заведывавшим народным просвещением, и разослал этот циркуляр без ведома своего номинального начальника, министра внутренних дел Шаптала. Правительство еще стыдилось тогда вмешиваться в выборы.

² Из этой амнистии были исключены предводители вооруженных отрядов, агитаторы, возбуждавшие гражданскую войну и т. д. (причем число этих исключенных вряд ли превосходило тысячу). Все остальные эмигранты были амнистированы, но под условием вернуться во Францию ранее 1 вандемьера XI года (23 сентября 1802 г.) и принести присягу «быть верными правительству, установленному конституцией, и не поддерживать ни прямо, ни косвенно никаких связей и сношений с врагами государства». Та часть их имущества, которая еще не была отчуждена, должна была быть возвращена им. В течение десяти лет эти амнистированные должны были находиться под особым наблюдением правительства.

³ См. ниже, стр. 932.

⁴ См. брошюру, озаглавленную: «Quel est l'intérêt de la religion et du clergé au Consulat à vie de Bonaparte?» Paris, Leclère, 1802 in-8, 9 стр. Наг. библ., Ib. 43/718.

лежало к правой стороне, в то время как за конституцию VIII года были поданы голоса самых горячих и бескорыстных республиканцев, как, например, Бушотта. На этот раз большинство людей революционной эпохи воздержалось от голосования, и мы не находим в парижских списках¹ почти ни одного из членов Учредительного собрания или Конвента, ни одного из ученых или академиков, ни одного из тех людей 1789 и 1793 гг., которые примкнули к конституции VIII года².

Что касается 8 374 граждан, подавших отрицательные голоса, то этого, конечно, было бы очень мало при наших настоящих избирательных нравах; но для того времени и в сравнении с 1 562 отрицательными вотумами плебисцита VIII года это было много³. Подумайте только о том, что голосование происходило путем открытых списков и что вотировать «нет» значило тогда внести самому свое имя в список возможной проскрипции. Надо было обладать действительным мужеством, чтобы заявить так открыто о своей оппозиции, и можно удивляться, что многие тысячи французов решились подписаться под протестом против честолюбивых замыслов человека, которого — повторяем это — после Амьенского мира обожала вся Франция, которым восхищались даже его враги и который был окружен тогда всем блеском еще незапятнанной славы.

Кроме того, действительно ли мы имеем все отрицательные вотумы? Включены ли в списки, хранящиеся в Национальном архиве, вотумы армии, отличавшейся тогда республиканским духом? Нам известно, что многие из военных подали тогда отрицательные голоса. Если верить Мио де Мелито, то в гарнизоне Аяччо из 300 поданных вотумов было 66 отрицательных, причем в канонирской роте из 50 солдат оказалось 38 протестантов⁴. «Большинство отрицательных вотумов, — го-

¹ Списки голосов, относящиеся к плебисциту о позднейшем консулате, хранятся в Нац. архиве в 200 связках, под рубрикой В II, 472—671. Эти списки еще подлежат исследованию. Я пересмотрел только вотумы Сैनского департамента и департамента Арденн. Упомяну кстати, что Паш, живший тогда в коммуне Thin-le-Moutier (Арденны), не вотировал. Утверждают, что в Версале Лекуантр подал отрицательный вотум.

² Отсутствие этих имен замечается также и в поздравительных адресах, полученных Бонапартом по случаю позднейшего консулата (Arch. nat., A. F IV 1450). Их не очень много, даже и среди тех от чиновников. Я почти не встречаю в них сколько-нибудь известных имен. Однако на поздравительном адресе военного генерального совета стоит имя члена Конвента Крёзе-Наскаля, а на адресе генерального совета Эндры-и-Луары имена членов Конвента: Шампиньи Обец, Шампиньи Клеман и Потье. Укажем также на адрес Беньо и административных советов департаментов Нижней Сены; этот адрес был отпечатан (Нац. библ., Ib. 43/716, in-8).

³ См. выше стр. 860—861.

⁴ *Miot de Méliot, Mémoires*, т. II, стр. 23.

ворит Станислав Жирарден, — было подано в армии. По этому поводу рассказывают, что один из генералов созвал солдат, находящихся под его командой, и сказал им: «Товарищи, вопрос идет о том, чтобы назначить генерала Бонапарта пожизненным консулом. Ваши мнения свободны; однако я должен предупредить вас, что первого, кто не вотирует за пожизненный консулат, я велю расстрелять перед полком»¹.

Многие из либералов 1789 г., одобрявших государственный переворот 18 брюмера или даже содействовавших ему, отнеслись отрицательно к пожизненному консулату. Латур Мобур писал Бонапарту, что мог бы вотировать за, только в том случае, если бы он восстановил свободу печати. «Свободу печати! — воскликнул по этому поводу Бонапарт. — Если бы я ее восстановил, то у меня сейчас же оказалось бы тридцать роялистских газет и несколько якобинских. Мне пришлось бы опять управлять при помощи меньшинства, при помощи партийной группы, и снова начать революцию, тогда как все мои усилия направлены на то, чтобы управлять с помощью всей нации»². И он стал доказывать, что свобода печати развязала бы руки реакции.

Всего более шума наделал вотум Лафайетта. Он формулировал его так: «Я не могу вотировать за такого рода должность, пока не будет достаточно гарантирована общественная свобода; тогда я подал бы свой голос за Наполеона Бонапарта». С благородным прямотушием он сам отправил Бонапарту копию своего вотума при дружественном письме, написанном с достоинством (30 флореаля X года). Он говорил ему: «18 брюмера спасло Францию». Он хвалил его «спасительную диктатуру», сделавшую великие вещи, «менее великие, однако, чем восстановление свободы». «Невозможно, генерал, чтобы вы, первый среди тех людей, которые при оценке себя и своей роли обнимают все века, захотели, чтобы такая революция, столько побед, крови, горя и чудес не дали других результатов миру и вам, кроме «системы произвола».

Таким образом, плебисцит о пожизненном консулате отметил собою разрыв Бонапарта с частью тех либералов 1789 г., которые участвовали в 18 брюмере или допустили его. Их глаза открылись наконец, но уже слишком поздно. Эти политики, мыслители и академические философы попались в западню. Для Бонапарта они стали «врагами», и он старался выставить их теперь в смешном виде, называя идеологами³.

Читатель обратит внимание на фразу Лафайетта: «18 брю-

¹ «Journal et Souvenirs», т. III, стр. 272.

² Thibaudeau, стр. 267.

³ См. выше, стр. 902—904.

мера спасло Францию»¹. Эта фраза знаменательна: она как нельзя лучше характеризует наивную иллюзию этих либералов, испугавшихся демократии и надеявшихся вместе с Снейсом получить от одного человека ту свободу, которой они добивались от законов и нравов. Даже в 1802 г. они еще не видят, что установление личной власти явилось логическим и неизбежным последствием первоначального государственного переворота. Они обвиняли в ней Бонапарта, обстоятельства, несчастную случайность, в то время как они должны были бы винить только самих себя. Без них без искренней и реальной помощи национальное представительство не подверглось бы насилью 19 брюмера в Сен-Клу. Они именно направили в этот день солдат на штурм существующих законов с нелепой надеждой добиться таким путем лучших законов. После того как они сами разрушили законы, они стали удивляться, что у них не было больше законов.

Их удивление было наивным, но оно показывает, что они не были участниками установления пожизненного Консулата, ниспровержения того подобия свободы, которое еще оставалось. Их оппозиция не оставила блестящих следов в истории, потому что она была бессильна. Тем не менее она действительно существовала не только среди мыслящего общества, но и в Трибунате, Законодательном корпусе, Сенате и даже Государственном совете. Придворный Рёдерер был тогда исключением; все, что еще оставалось в X году от деятелей революционной эпохи, было возмущено и испугано тем насильственным плебисцитом, который обратил Бонапарта в пожизненного консула. Тогда они поняли, быть может, хотя слишком поздно, что республика была уже мертва.

II

Когда Бонапарт убедился, что он стал пожизненным консулом, он решил присвоить себе и то, от чего сначала отказался, т. е. право увековечить свою власть назначением себе преемника. Приходилось внести важное изменение в конституцию VIII года; он воспользовался этим и для переделки всей конституции, так что, хотя акт 16 термидора X года (4 августа 1802 г.), санкционировавший эти перемены, был назван просто «органическим сенатус-консультум конституции», он представлял собой почти новую конституцию, и историки часто называют его «конституцией X года». Это произведение самого Бонапарта, который диктовал его своему секретарю

¹ Лафайетта еще не было во Франции в момент государственного переворота. Но он немедленно же приехал, как только узнал о нем, и в марте 1800 года был вычеркнут из списка эмигрантов. Ср. *Etienne Charavay, Le général La Fayette*, стр. 375, 380.

Бурьенну, а потом собственноручно исправлял его (Редерер видел и переписывал эту рукопись)¹. Затем 3, 4 и 6 термидора X года собирался своего рода тайный совет, состоявший из трех консулов и четырех государственных советников — Редерера, Ренье, Порталиса и Мюрера; этот совет одобрил проект, сделав в нем незначительные поправки. Тогда его сообщили сенаторской комиссии, подсчитывавшей вотумы плебисцита. Государственный совет узнал о проекте только утром 16 термидора и должен был вотировать его почти без рассмотрения². В тот же самый день, в одиннадцать часов утра, проект был представлен Сенату, незаконно обращенному в Учредительное собрание, так же как он уже дважды был превращаем в Законодательное собрание³. Терроризованный популярностью Бонапарта и окруженный, как говорят, гренадерами⁴, Сенат отстранил всякие прения, вотировал простым заявлением «да» или «нет» и на том же заседании принял проект «абсолютным большинством голосов».

Хотя эта новая конституция, пятая с 1789 г., уничтожила фактически республику, удерживая только одно ее название и некоторые из ее форм, не следует однако думать, чтобы ею прямо и откровенно узаконялась диктатура одного человека; иначе говоря, если она и делала это, то все-таки с довольно значительными уступками общественному мнению.

Вот что выигрывала при этом власть Бонапарта.

Прежде всего, он укреплял эту власть своего рода наследственностью. Первый консул получал право представить Сенату гражданина, который должен был заменить его после его смерти. Если бы Сенат не захотел этого кандидата, то первый консул мог представить ему другого, а в случае нового отказа — третьего, который уже подлежал бы обязательному утверждению. Бонапарт обнаружил даже известную умеренность, обставляя некоторыми ограничениями это право назначить себе преемника, потому что во время плебисцита по вопросу о пожизненном консульстве многие тысячи избирателей прибавили, по собственному почину, к своему утвердительному ответу следующие слова: «С правом назначить себе преемника»⁵.

¹ *Roederer, Oeuvres*, т. III, стр. 43.

² См. *Roederer, ibid.*, стр. 450 и 451, а также *Thibaudeau, Mémoires sur le consulat*, стр. 288.

³ Действительно, способ возобновления Трибуната и Законодательного корпуса был установлен простым сенатус-консультом 22 вантоза X года, а условная амнистия эмигрантам была дарована сенатус-консультом 6 флореала X года.

⁴ См. *Fauriel*, стр. 59.

⁵ Станислав Жирарден (*Journal et Souvenirs*, т. III, стр. 282) говорит, что таких вотумов было около 93 000.

У Сената была отнята всякая независимость; он попрежнему сам пополнял состав своих членов, но по списку из трех кандидатов на каждое вакантное место, составленному первым консулом на основании списка, составленного департаментскими коллегиями. Так как в Сенате все еще было тогда 66 членов вместо 80, то ему предстояло заместить 14 вакантных мест. Кроме того, первый консул мог сам назначить 40 новых сенаторов без предварительного назначения кандидатов департаментскими избирательными коллегиями и довести число членов Сената до 120¹. Таким образом он всегда мог обеспечить себе большинство. Наконец, он сам становился теперь президентом Сената², или мог поручить председательство в нем второму или третьему консулам. При таком подчинении Сената полномочия его возрастали: он не только являлся истолкователем конституции, но и регламентировал «все то, что не было предусмотрено конституцией, а между тем было необходимо для ее функционирования». Он мог распустить Законодательный корпус и Трибунат, мог кассировать решения судов, если бы они посягали на безопасность государства, и т. д. Сенат становился таким образом всемогущим, но только через посредство Бонапарта и только в его интересах.

Государственный совет не без сопротивления одобрил все эти деспотические меры. Подобная оппозиция была устранена на будущее время учреждением Тайного совета, члены которого назначались особо для каждого заседания первым консулом и должны были готовить сенатус-консульты. Число членов Трибуната, начиная с XIII года, должно было сократиться до 50.

Единственный остаток прямых народных выборов, удержанный конституцией VIII года, был уничтожен: граждане уже не выбирали теперь мировых судей, а только назначали двух кандидатов на каждое место мирового судьи.

Первый консул получил право утверждать мирные договоры и договоры о союзах, основываясь на простом мнении Тайного совета, без всякого вмешательства Трибуната и Законодательного корпуса. Для обнародования этих трактатов ему достаточно было только «довести о них до сведения Сената». Наконец, он получил королевское право помилования.

Уступки, сделанные Бонапартом в обмен на все эти выгоды, заключались в следующем.

¹ Из этих 120 членов некоторые становились ими по праву, а именно: 1) три консула; 2) члены главного совета ордена Почетного легиона, «каков бы ни был их возраст» (статьи 39 и 62).

² Он председательствовал в первый раз 3 Фруктидора X года, причем сопровождал это почти королевским церемониалом. См. «Journal de Paris» от 4 Фруктидора X года.

Тот факт, что второй и третий консулы сделали подобно ему пожизненными консулами, мало заинтересовал общественное мнение, потому что эти два сотоварища Бонапарта не пользовались в сущности никакой властью¹; но общественное мнение оказалось очень чувствительным к тому частичному восстановлению осуществления верховной власти народа, которое оно увидело в новой системе выборов.

Система списков нотаблей была отменена, и теперь вместо многих сотен и тысяч кандидатов на разные должности избиратели должны были назначить лишь по два кандидата на каждую должность, предоставляя окончательный выбор Сенату или исполнительной власти².

С этой целью теперь учреждались «кантональные собрания, окружные избирательные коллегии и департаментские избирательные коллегии», получившие право избирать вышеупомянутых кандидатов путем тайной подачи голосов³.

Кантональные собрания, состоявшие из всех граждан, имевших местожительство в данном кантоне, назначали двух кандидатов на должность мирового судьи, а в городах с 5 000 и более жителей также и на каждое место в муниципальном совете (возобновлявшемся в половинном составе членов каждые десять лет), двух кандидатов, выбранных «из списка ста лиц, платящих наиболее высокие налоги в кантоне». Наконец, кантональные собрания назначали также членов окружной избирательной коллегии, причем не были связаны при этом никакими условиями ценза, и членов департаментской избирательной коллегии, но уже избирая их лишь из числа 600 лиц, платящих наиболее высокие налоги и включенных в списки земельных податей, в списки налогов с движимого имущества и с предметов роскоши и в списки патентных сборов.

В составе окружных коллегий должно было находиться не менее 120 членов и не более 200; в составе департаментских коллегий не менее 200 и не более 300. Первый консул имел право прибавить 10 членов к окружным коллегиям и 20 членов к департаментским (из которых 10 должны были избираться из числа 30 граждан департамента, платящих наиболее высокие налоги).

¹ В случае открывшейся вакансии Сенат должен был назначить на эти должности кандидатов, представленных первым консулом, тем же порядком, как и при назначении его собственного преемника (ст. 40 и 41).

² Возможно, что эта система кандидатур была введена способом назначения Исполнительного совета, установленным статьей 63 конституции 1793 г. «Избирательное собрание каждого департамента назначает одного кандидата. Законодательный корпус избирает из общего списка этих кандидатов членов Исполнительного совета».

³ См. в «Бюллетене законов» № 213 консульское постановление от 19 фруктидора X года, содержащее избирательный устав.

Члены обеих коллегий назначались пожизненно, причем дополнительные выборы в случае смерти некоторых из членов должны были происходить только после того, как две трети мест оказались бы вакантными. Таким образом первые выборы, происшедшие под благоприятным впечатлением Амьенского мира, послужили на все время консулата и империи.

Избирательные коллегии могли собираться только в силу акта о созыве, исходящего от правительства, и в том месте, которое им было указано. Если бы данная коллегия стала занимать чем-нибудь другим, сверх того, для чего она была созвана, или если бы она продолжила свои заседания далее срока, указанного в акте о созыве, то правительство имело право распустить ее. Роспуск коллегии влек за собою возобновление всего ее состава.

Окружные избирательные коллегии представляли двух кандидатов на каждое вакантное место в окружном совете, а также вносили двух граждан в список лиц, из которых должны были избираться члены Трибуната. Департаментские коллегии делали то же самое для каждого вакантного места в генеральном совете и участвовали таким же путем в составлении списка кандидатов в Сенате. Что касалось списка, из которого должны были избираться члены Законодательного корпуса, то каждая окружная и каждая департаментская коллегия вносила в него имена двух граждан.

В основе этой системы лежало, повидимому, всеобщее избирательное право, потому что в состав кантональных собраний должны были войти все граждане. Но на первый раз (ст. 4) эти собрания должны были состоять лишь из граждан, вошедших «в окружной коммунальный список»¹; только с того времени, когда согласно конституции VIII года этот список должен был быть возобновлен, кантональные собрания стали бы включать в себя всех граждан. Эти «окружные коммунальные списки» были действительно составлены путем всеобщей подачи голосов, но лишь в фруктидоре IX года (причем в них вошли по праву все те уже назначенные чиновники, которые должны были быть выбраны из этих списков). Так как эти списки составлялись на три года, то они подлежали возобновлению лишь в XII году, и, следовательно, только с XII года согласно новой системе должно было начать действовать всеобщее избирательное право. Стали ждать этого срока. Но декрет, в силу которого все граждане должны были войти в состав кантональных собраний, был издан лишь 17 января 1806 г. Таким образом этим новым собраниям не пришлось участвовать в составлении окружных и департаментских коллегий,

¹ См. выше, стр. 854.

члены которых были выбраны пожизненно; им предстояло назначать лишь кандидатов на должности мировых судей, а в городах с населением не менее 5 000 душ — также и на должности муниципальных советников. Демократическая основа новой избирательной системы оказалась, следовательно, простым отводом глаз. В действительности Бонапарт обращался к народу лишь в форме плебисцита. Как только он получил возможность это сделать, он организовал буржуазный режим, причем предоставил буржуазии не реальную политическую власть, а привилегию влияния и почестей. Плебисцитарная республика была в то же время и буржуазной, представлявшей собою вполне готовые кадры для тех буржуазных монархий, которые сменили потом одна другую во Франции с 1814 по 1848 г.

Таким образом во Франции все еще были избиратели, выборы и депутаты, и этот наружный возврат к идеям и формам революционной эпохи заставил общественное мнение (если оно еще существовало тогда) примириться как с теми ограничениями, которые делали призрачным новое избирательное право, так и с расширением личной власти Бонапарта, вытекавшим из других статей сенатус-консультата 16 термидора X года.

III

После установления пожизненного консулата Бонапарт сбросил с себя роль президента республики на манер американского, которую он еще отчасти разыгрывал до тех пор. В сенатус-консультате, провозгласившем его пожизненным консулом, он назывался уже не «гражданином Бонапартом», а «Наполеоном Бонапартом». Так начинало выдвигаться на сцену это звучное имя, которое скоро должно было обратиться в императорское. Тогда же стала уже появляться бессмысленная лесть. «Газета защитников отечества» поместила в своем номере от 23 флореаля X года якобы «извлечение из одной немецкой газеты», где объявлялось, что слово «Наполеон», согласно его греческому корню, значило в переводе «долина льва». Циркуляр министра внутренних дел от 16 термидора X года приглашал префектов праздновать 27 термидора (15 августа), день рождения первого консула и утверждения напою Конкордата¹. В Париже в этот день была устроена роскошная

¹ «Этот день. — говорил министр, — будет ознаменован огненными важными воспоминаниями. Он будет напоминать нашим потомкам о достопамятной эпохе общественного благосостояния мира, совести и величайшего акта верховной власти, когда-либо осуществленного надней. 15 августа является одновременно днем рождения первого консула, днем подписания Конкордата и днем, когда французский народ, желая обеспечить и увековечить свое счастье, связал продолжительность его с продолжительностью славной карьеры Наполеона Бонапарта («Journal de Paris» от 17 термидора X года).

иллюминация, причем повсюду виднелись инициалы N. В. На быке Нового моста была воздвигнута статуя Мира, постановка которой была декретирована Сенатом в виде совета и предостережения; но она оставалась там недолго.

Вскоре после того Бонапарт заставил назначить себе шесть миллионов ежегодного жалованья, которое было включено министром финансов Годеном в бюджет XI года (вместо 500 000 франков, назначенных первому консулу конституцией VIII года)¹.

После победы при Маренго, а особенно после заключения мира, жизнь Бонапарта в Тюильри, сначала очень простая, сделалась роскошной, почти королевской. Появился дворцовый комендант Дюрок и дворцовые префекты (постановления от 21 и 23 брюмера X года); к госпоже Бонапарт были приставлены четыре фрейлины: госпожи де Люсэй, де Лористон, де Талуэ и де Ремюза. Этот двор, носивший прежде всего чисто военный и грубый характер², преобразовался под влиянием Жозефины, а также по воле Бонапарта, желавшего, чтобы двор его не был ни вполне военным, ни вполне гражданским. Сначала при этом дворе одевались в штатский французский костюм с саблею и высокими сапогами, что вызывало улыбку. На празднике 14 июля 1802 г. Бонапарт появился в костюме из красного лионского шелка, без манжет и в черном галстук. После учреждения пожизненного консулата сабля и сапоги были заменены шпагою и шелковыми чулками³. Вопрос о костюме сделался важным вопросом. Носить волосы в сетке и пудриться, как это делал министр финансов Годен, — значило угождать первому консулу. Бонапарт сам не пудрился и носил волосы как прежде, но он поощрял эти мелочи, это подражание старому порядку, все, что могло способствовать превращению его чиновников и генералов в придворных, соперничающих между собою и занятых пустяками. Особенностью этого нового двора, отличавшею его от прежнего, было то, что жен-

¹ С тех пор жалованье каждого из двух других консулов было определено в 600 000 франков вместо 150 000. Все эти суммы были вотированы без затруднений Трибунатом и Законодательным корпусом. Они были признательны первому консулу за то, что он ввел с X года обычай «бюджетов». Семья Бонапарта, столь бедная когда-то, быстро обогатилась. 21 флореала X года Жозеф говорил Редереру: «Мы все богаты». А еще ранее, 30 термидора VIII года, тот же Редерер выслушал от Наполеона Бонапарта следующее конфиденциальное сообщение: «Что касается меня, то мне немного надо. После стольких войн волей-неволей пришлось приобрести небольшое состояние. У меня 80 000 или 100 000 фунтов ренты, дом в городе и загородная дача; мне не нужно ничего больше». (Roederer, *Oeuvres*, т. III, стр. 335).

² По крайней мере он казался грубым, людям, помнившим старый порядок.

³ *Thibaudeau, Mémoires sur le Consulat*, стр. 6 и 15.

щины если и составляли его украшение, то не играли в нем почти никакой политической роли, или же служили лишь орудием в руках Бонапарта, который был таким же господином в своем дворце, как и во Франции.

Из всех актов консулата тем актом, в котором современники видели всего более возврат к монархическим правам, был закон 29 флореаля X года (19 мая 1802 г.), учредивший Почетный легион «во исполнение статьи 87-й конституции относительно военных наград, а также для поощрения гражданских подвигов и добродетелей». Этот Легион, шефом которого был первый консул, состоял из «главного административного совета» и пятнадцати «когорт» (для каждой из которых был назначен территориальный особый круг); каждая когорта должна была состоять из семи «старших офицеров» с жалованьем в 5 000 франков, двадцати «майоров» (commandants) с жалованьем в 2 000 франков, тридцати «младших офицеров» с жалованьем в 1 000 франков и 350 «легионеров» с жалованьем в 250 франков, причем все эти лица назначались пожизненно. Каждой когорте была отчислена «часть национального имущества, приносящая 200 000 франков дохода»; в каждой когорте должен был быть учрежден госпиталь для больных и дряхлых легионеров. Члены Почетного легиона, назначавшиеся главным административным советом, председателем которого был первый консул, избирались из военных, «оказавших важные услуги государству в войне за свободу» (все военные, награжденные почетным оружием, становились этими членами по праву), и среди «граждан, которые своими знаниями, талантами и добродетелями содействовали установлению или защите республиканских принципов, или же заставляли любить и уважать правосудие и администрацию». Всякое лицо, вошедшее в состав Почетного легиона, должно было «пожертвовать своею честью, что оно посвящает себя службе республике, сохранению в целости ее территории, защите ее правительства, ее законов и той собственности, которая санкционирована ими; что оно будет бороться всеми средствами, разрешаемыми справедливостью, разумом и законами, со всякой попыткой, стремящейся восстановить феодальный строй с его правами и привилегиями; наконец, что оно будет содействовать всеми своими силами сохранению свободы и равенства».

Несмотря на эти республиканские фразы, проект учреждения Почетного легиона встретил сильную оппозицию в Государственном совете (принявшем его большинством 14 голосов против 10). Ораторы Трибуната также резко критиковали его, как антиреволюционный¹. Он был принят в этом собрании

¹ См. речи трибунов Савуа-Роллена и Шовлена на заседании 28 флореаля X года. Первый обличал Почетный легион, как подготовительную

лишь большинством 56 голосов против 38, а в Законодательном корпусе — большинством 170 голосов против 110. Общественное мнение, отнесшееся сначала с порицанием и насмешками к Почетному легиону, поскольку он являлся не военным, а гражданским учреждением¹, скоро признало его, и знаки этого ордена скоро стали предметом таких домогательств, что послужили могучим орудием личного честолюбия Бонапарта.

IV

Были ли еще во Франции после установления пожизненного консулата, оставившего от республики только одно ее название, люди, которые желали бы восстановления настоящей республики? Существовала ли еще тогда республиканская партия?

Из наиболее выдающихся демократов II года примкнули к новому порядку лишь Жанбон Сент-Андрэ и Барер, причем первый занимал должность префекта в Майнце, а второй исполнял незаметную работу по редактированию тайных бюллетеней. Остальные демократы: Робер Лендэ, оба Приера, Камбон, Вадье, бывшие министры Паш и Бушотт держались в отдалении. Из второстепенных лиц и людей действия этой партии наиболее энергичные были сосланы по делу адской машины или осуждены на смерть за воображаемые заговоры², а другие не подавали признаков жизни. Таким образом люди, которых полиция называла «исключительными», были доведены до молчания, и хотя их существование внушало страх Бонапарту, считавшему бывших монтаньяров за самых непримиримых и опасных противников его диктатуры, о них все-таки перестали говорить.

Но существовала республиканская оппозиция, которая была у всех на виду и которая подавала голос. Она заняла место в новом режиме и заседала в Сенате, Трибунате и Законодательном корпусе. В числе наиболее выдающихся членов этой

ступень к образованию нового дворянства; второй выражал опасение, чтобы новая корпорация не обратилась в представительство, чтобы не явилось желание заменить трибулат корпорацией, рассыпанной по всей Франции в виде пятнадцати когорт, корпорацией, иерархия и разветвления которой могли создать из нее крепко сплоченную и могущественную организацию».

¹ Госпожа де Шастенэ рассказывает в своих «Мемуарах» (т. II, стр. 2) о первых лицах, получивших этот орден, следующее: «Г. Реаль не мог первое время показываться у нас без краски на лице. Я видела в доме Фуше, как Гара тщательно застегивал свой сюртук, чтобы не дать заметить на груди философа значок, слишком ясно говорящий о тщеславии придворного; но безжалостный Фуше забавлялся тем, что заставлял Гарá показывать мне орден. Через несколько дней к нему привыкли, а через несколько месяцев стали его добиваться».

² См. выше, стр. 876.

оппозиции находился Карно, которому его важная роль во II году и странности его политического поведения в V году создали исключительное положение; в числе их находились также демократ-католик Грегуар, либеральный католик Ланжюинэ, умеренные, буржуазные республиканцы, бывшие сторонники Директории, Бенжамен Констан, Байель, Женгене, Мари-Жозеф Шенье, эти «идеологи», ненавидимые Бонапартом и составлявшие ядро оппозиции. Они собирались в салоне Байеля¹. Талейран имел доступ туда, играя одновременно роль шпиона и соумышленника. О Сиейсе шли разговоры, что он тайне поощрял их². Их одушевляла и объединяла госпожа Сталь, отчасти подобно тому, как госпожа Ролан одушевляла и объединяла когда-то жирондистов.

Питая ужас к тому деспотизму, которому они так наивно сами же проложили путь своим соучастием с Бонапартом в деле 18 брюмера VIII года, они не довольствовались салонными эпиграммами и речами с трибуны. Они все еще надеялись вызвать движение, не среди рабочих, не желавших более заниматься политикой, а в армии, и особенно среди высшего офицерства.

Теперь, ретроспективно, мы знаем, что все эти генералы эпохи Консулата были потом маршалами Франции, придворными Наполеона, а потом в большинстве сделались слугами Людовика XVIII. Нам трудно представить себе, чтобы тогда, в эпоху Консулата, они были республиканцами. Тем не менее это — факт. Не надо забывать, что все они достигли высших чинов или путем выборов, или по назначению эmissаров Конвента в ту эпоху, когда господствовал республиканский дух. Знаменитый генеральный штаб II года был составлен из наиболее республиканских солдат республиканской армии. Можно, я думаю, сказать, что если бы Гош и Марсо дожили до Консулата, то они не были бы более искренними республиканцами, чем какими были с 1800 по 1804 г. Бернадотт, Массенà, Ожеро, Брюн, Моро, Журдан, Гувийон Сен-Сир, Лекурб, Лани, Макдональд³.

¹ См., например, доклад полицейской префектуры от 9 фримера IX года, где говорится, что на собрании, происходившем 7-го числа у Байеля, было решено, «что не следовало более балансировать, а необходимо было выступить энергично и разбить цепи, которые наложило на Законодательный корпус подобие конституции» (Arch. nat., F⁷, 3829).

² Он говорил Байелю: «Предоставьте действовать правительству; оно само погубит себя». Доклад полиции от 3 плювиоза IX года. См. также доклад от 16 жерминаля того же года (Arch. nat., *ibid.*).

³ Не один только республиканские генералы мечтали тогда освободить Францию от ее нового тирана. Так, мы читаем в докладе полицейской префектуры от 14 прернала IX года: «В последний, десятый день

После Люневильского мира большинство этих генералов, вернувшихся в Париж и ничем не занятых, примкнуло к оппозиции. Бонапарт послал некоторых из них с дипломатическими или военными поручениями, как, например, Бернадотта, Ланна, Брюна, Макдональда. Но Бернадотт, будучи главнокомандующим западной армии, часто возвращался в Париж. По словам госпожи Сталь, он как член Сената хотел действовать только на основании решений этого собрания¹. Тем не менее именно в его генеральном штабе организовался род заговора, когда обнаружение Конкордата обнаружило все честолюбие Бонапарта. Начальник его главного штаба, генерал Симон, был арестован вместе с другими офицерами и обвинен в том, что составил и разослал по всем армиям печатную прокламацию, где говорилось: «Солдаты, у вас нет более отечества; республика уже не существует, и ваша слава померкла... Тиран овладел властью, и кто этот тиран? Бонапарт... Словом, республика, дело ваших усилий, вашего мужества и постоянства в течение двенадцати лет, обратилась в пустое слово. Скоро, без сомнения, Бурбон сядет на трон, или же сам Бонапарт заставит провозгласить себя императором или королем». Осмеяв затем Конкордат и церемонию в Соборе богородицы, прокламация продолжает: «По какому праву Бонапарт злоупотребляет тою слабостью, какую обнаружили французы, позабыв о его поведении в вандемьере² и протиств ему то, что он захватил бразды правления 18 брюмера? По какому праву этот незаконнорожденный ублюдок Корсики, этот республиканский пигмей, хочет изобразить собою Ликурга или Солона и дать законы стране, которая не может гордиться ни его мудростью, ни его добродетелью?.. Против вероломства и злодейства «бесчестного рыцаря Сен-Клу» необходимо образовать «военную федерацию»... Пусть наши генералы выступят на сцену; пусть они заставят уважать свою славу и славу армии. Наши штыки готовы отомстить за оскорбление, которое нам нанесли, заставив нас обратить их против самих себя в роковой день Сен-Клу; пусть они скажут одно слово, и республика будет спасена»³.

Эти республиканские призывы встречали отголосок. 15 пре-
риала X года префект департамента Иль-и-Вилэн Мунье писал

декады, в тот момент, когда открыли салон музея, заметили одного молодого офицера, с восторгом деловавшего бюст Марка Брута» (Arch. nat., F⁷, 3829).

¹ M-me de Staël, Dix ans d'exil, гл. IX. Относительно военной оппозиции и военных заговоров см. документы и факты, собранные в книге E. Guillon, Les Complots militaires sous le Consulat et l'Empire, Париж 1894 г., in-12.

² Когда он покинул египетскую армию, чтобы вернуться во Францию.

³ Guillon, стр. 32 и 34.

министру внутренних дел: «К несчастью, у анархистов Ренна нашлось несколько приверженцев в войсках. . . Конкордат и пожизненный Консулат довели до отчаяния горячие головы. . .¹» Составлялись и другие заговоры с целью избавиться от первого консула посредством убийства или посредством вынужденной дуэли. Но все это предупреждалось, расстраивалось и подавлялось в полном безмолвии, без всяких открытых репрессий, так чтобы Франция и Европа даже не знали об этих попытках.

Бонапарта страшила Рейнская армия, наиболее сохранившая республиканский дух II года; вскоре после заключения Амьенского мира он отправил лучшую часть ее воевать и умирать на Сан-Доминго.

Но незанятые в мирное время генералы продолжали выражать свое недовольство против Бонапарта, а когда они собирались для охоты у Моро, в его деревенском замке Гробуа, то это имело вид заговора. Если верить полицейским докладам, то в числе самых невоздержных на язык были Ожеро, Массенà и Бернадотт.

Если Амьенский мир был так непродолжителен, то это, быть может, отчасти объясняется тем, что Бонапарт не мог больше сдерживать в мирное время республиканскую оппозицию генералов. Повидимому, он мог зажать им рот, только послав их на войну, предоставив им победы, почести и военную добычу. Большинство из них позволило таким путем мало-помалу развратить и приручить себя. Тех же немногих, которые хотели сохранить свою независимость, легко было позже уничтожить.

Однако с одним из этих республиканских генералов труднее было справиться: я имею в виду Моро. Осторожный и молчаливый, он не давал никакого предлога, никакого повода для доносов полиции, которая тщательно наблюдала за ним как в Гробуа, так и в Париже. Он выжидал и сдерживал себя. На него возлагала свои надежды вся оппозиция как республиканская, так и роялистская. Уже одно то, что победитель при Гогенлиндене жил в стороне от консульского режима, не служил, отказался войти в состав Почетного легиона, отказался присутствовать при торжественном богослужении по случаю Конкордата, — было очень важно и опасно для Бонапарта. Случись военная неудача, померкни его звезда, и у него уже был бы готовый преемник. Потому-то именно он и захотел отделаться от него — подобно тому как Робеспьер отделался от Дантона — и припутал его к политическому заговору с целью обесчестить

¹ E. Guillon, стр. 37.

его и изгнать из Франции, отняв таким образом у оппозиции ее голову и ее руки или по крайней мере ее шпагу.

Эта республиканская оппозиция, шла ли она со стороны бывших демократов или со стороны военных, принуждена была тогда замкнуться в тайные заговоры и при тогдашнем положении печати не имела возможности действовать на общественное мнение. Правда, республиканцы Трибуната могли высказываться открыто, а республиканцы Сената и Законодательного корпуса могли оказывать известное влияние своими вотумами и своим общественным поведением; но оппозиция этих мнимых народных представителей, не избранных никакой избирательной коллегией, не служивших представителями какой-либо живой силы нации, была легко побеждена различными частными мерами. Госпожа Сталь и Бенжамен Констан были изгнаны из Франции. Очищенный Трибунал чувствовал, что он скоро будет уничтожен вовсе, а Законодательный корпус был доведен до бессилия расширением прав Сената. Оба эти собрания вотировали без всякой оппозиции, кроме бюджета, также и рекрутский набор, обусловленный возобновлением войны. а их сессии XI и XII года были посвящены, не сопровождаясь ни одним шумным инцидентом, обсуждению и вотированию таких, например, законов, как законы о врачебной практике, о должности нотариусов, об учреждении совещательных промышленных и ремесленных палат, о лесном управлении, о юридических факультетах и о гражданском кодексе, который был наконец закончен.

Сенат, большинство которого было изменено дополнительными назначениями, имевшими место в силу сенатус-консульты 16 термидора X года, не проявлял больше и тени оппозиции. Бонапарт окончательно примирил с собою это собрание учреждением (14 нивоза XI года) особых сенаторских должностей (*sénatoreries*), по одной «на каждый судебный апелляционный округ» (их было всех 31). Каждая такая должность предоставлялась пожизненно и сопровождалась назначением даровой квартиры и ежегодной ренты от 20 000 до 25 000 франков из доходов национальных имуществ с единственным обязательством жить в данном округе не менее трех месяцев в году. Обладатели этих прибыльных sinecurae назначались первым консулом из тройного списка кандидатов, составлявшегося самим Сенатом¹. Учреждение этих сенаторских должностей было

¹ Это было очень действительным средством награждать преданных сенаторов, укрощать непокорных и успокаивать подвергшихся опале. Таким путем была смягчена, например, опала, постигшая Фуше. Он был отрешен от должности министра полиции, потому что первый консул не хотел больше иметь дела с этим «якобинцем», противившимся Конкордату. Он был назначен сенатором и получил сенаторскую sinecurae в Эксе.

новым шагом в системе, стремившейся поставить в зависимость всякую почесть и всякое личное благополучие от воли одного человека.

Преданность Сената сделалась тогда беспредельной. Он согласился еще более ограничить жалкие прерогативы Законодательного корпуса сенатус-консультом от 28 фримера XII года (20 сентября 1803 г.), отнявшим у этого собрания право самому назначать своего президента; отныне он мог назначать лишь четырех кандидатов на должность президента, из которых окончательный выбор был предоставлен первому консулу, и он выбрал Фонтана. 3 жерминаля XII года Законодательный корпус вотировал, чтобы в зале его заседаний был поставлен мраморный бюст Бонапарта.

Это отречение и эту окончательную неудачу республиканской оппозиции как демократической, так и военной или буржуазной трудно было бы объяснить, если бы мы не знали, что она представляла собою генеральный штаб без армии. Все главнейшие антиправительственные восстания в течение революции производились национальной гвардией. Хотя последняя уже перестала быть теперь муниципальной силой, хотя правительство взяло в свои руки высшее командование ею и хотя в ней преобладали фактически буржуазные элементы, но она все еще могла бы быть могущественным демократическим учреждением, и все еще могла бы представлять собою вооруженный народ, потому что в нее попрежнему допускались все граждане, без всякого цензового условия, и эти граждане сами избирали своих офицеров. Но парижане, как рабочие, так и буржуа, питали теперь отвращение к службе в национальной гвардии. В докладе полицейской префектуры от 11 пловидоза XI года читаем следующее: «Вчера полицейские агенты, имея необходимость в вооруженной силе, отправились в кордегардию улицы Гранж-Бательер и не нашли там абсолютно никого, даже часового. Дверь была отворена и оружие оставлено без призора. Только спустя четверть часа пришел сержант и сказал полицейским, что из 25 человек, которые должны были быть на этом посту, явилось лишь пятеро, да и те не остались. Почти то же самое происходит всякий день и всякую ночь и в других кордегардиях»¹. В других полицейских докладах говорится о жалобах рабочих, которые не хотели больше становиться на часы. Бонапарт не пытался противодействовать этому упадку энергии, оказывавшему такую

Другому «якобинцу» сенатору Монжу была дана синекура в Лютихе. Демеще проявил независимость, — он получил синекуру в Тулузе (см. список этих назначений в Национальном Альманахе за XII год).

¹ Arch. nat., F⁷, 3832. Ср. (ibid.) доклад от 24 пловидоза и 14 вантоза того же года.

хорошую услугу его честолюбию. Консульским постановлением от 12 вандемьера XI года была учреждена «муниципальная гвардия города Парижа» (состоявшая из 2 054 человек пехоты и 180 кавалерии), которая мало-помалу стала отправлять службу национальной гвардии. Последняя еще существовала, но все ее функции ограничились одними парадами¹.

Когда национальная гвардия отказалась таким образом от всякой политической роли, то людям, которые мечтали о свержении Бонапарта, оставалось только прибегнуть к восстанию солдат и рабочих. Но полицейские доклады показывают нам, что в парижских казармах Бонапарт пользовался популярностью. То же самое было и в мастерских; рабочее население предместий Сент-Антуанского и Сен-Марсо восхищалось первым консулом и любило его (восхищалось и любило его гораздо больше, чем раньше Робеспьера или Марата).

Но это не значило, чтобы он когда-либо принимал на себя роль демократического Цезаря. Напротив того, он всегда относился к рабочим свысока. Законом 22 жерминаля XI года и постановлением от 9 фримера XII года он учредил над ними полицейский надзор, обязал их иметь рабочие книжки, за неимением которых их могли арестовать как бродяг, снова запретил им всякие союзы и стачки под угрозой тюремного заключения и отдал на суд полицейского префекта все спорные дела между рабочими и хозяевами по вопросу о заработной плате. Возвращаясь к обычаям старого порядка, наполеоновский кодекс предписывал (ст. 1718), чтобы в таких делах суд верил хозяевам на слово. Несмотря на то, что в основе нового порядка лежал плебисцит, Бонапарт стремился в этом случае, как и всегда, нарушить равенство, разделить французское общество на политически и социально привилегированный буржуазный класс и на подчиненный ему класс плебеев.

Но рабочие не только не жаловались на такое положение вещей, а повидимому даже не замечали, что оно находилось в противоречии с основными принципами 1789 г. Их привязанность к Бонапарту обуславливалась и поддерживалась как материальными выгодами, так и нравственными мотивами.

Материальные выгоды заключались главным образом в том, что, благодаря бдительности первого консула, Париж был хорошо снабжаем съестными припасами, и цены на них почти все время стояли довольно низкие (с этою целью Бонапарт даже образовал из булочников и мясников корпорации, подчиненные полиции). Кроме того, в эпоху Консулата оживилась промышленность, в спросе на труд не было недостатка, и ра-

¹ Сенатус-консулт от 2 вандемьера XIV года предоставил императору право назначать офицеров национальной гвардии.

бочая плата поднялась, а позже самое злоупотребление рекрутскими наборами имело косвенным последствием еще большее повышение ее.

Нравственные или, если хотите, химерические мотивы заключались в том, что Бонапарт доставил Франции блестящую военную славу, причем патриотизм парижского рабочего приобрел сильную «шовинистскую» окраску. В то же время этот рабочий остался страстным противником роялизма. Он приветствовал в Бонапарте вождя революции, спасительного диктатора, предсказываемого и требуемого когда-то Маратом, охранителя новой Франции от Бурбонов.

Эти мотивы эмоционального характера имели огромное значение: в момент разрыва Амьенского мира парижские рабочие понимали, что спрос на труд мог уменьшиться, что их материальное благосостояние подвергалось опасности, и тем не менее они кричали: «Да здравствует Бонапарт!» Бонапарт знал, что с помощью военной славы и хлеба, а при нужде даже и с помощью одной военной славы, он сохранит привязанность к себе рабочих. Но он чувствовал также, что если бы он потерял эту привязанность в случае военных неудач, то судьба его личной власти находилась бы в руках рабочих предместий. Поэтому его полиция зорко следила за настроением рабочих, за их мнениями и речами. В течение всего Консулата она постоянно констатировала превосходное политическое настроение в мастерских. Не думайте при этом, чтобы полиция грешила рабским и лживым оптимизмом из желания угодить правительству: мы знаем, что она даже с некоторого рода пессимизмом указывала на возрастающую оппозицию среди буржуазии и высшего офицерства.

Доклады, исходившие от полицейской префектуры¹, содержат в себе массу фактов, указывавших на непоколебимую веру парижских рабочих в Бонапарта.

Самые суровые и даже самые незаконные меры, принимавшиеся против инициаторов различных попыток устроить союзы и стачки, не вызывали никакого недовольства. Когда правительство не позволяло столярам, плотникам, шляпочникам и пр. восстанавливать их старинные ремесленные товарищества, они покорялись². «Исключительные», либералы Трибуната и роялисты тщетно пытались вести пропаганду среди рабочих³; они оставались глухи как к призывам оппозиции левого лагеря, так и к призывам оппозиции правого лагеря. Они не пели больше «Марсельезы»: 18 жерминаля

¹ Arch. nat., F⁷, 3829—3832.

² См., например, доклады от 30 мессидора, 23 фруктидора и 2-го дополнительного дня X года.

³ Доклады от 1 фримера и 15 плювиоза IX года.

XI года полиция доносила, как об исключительном явлении, что носильщики центрального рынка пели «Марсельезу», но они были пьяны.

За рабочими наблюдали не только в мастерских, но также и в кабаках, трактирах, во время их прогулок; при этом невозможно было уловить среди них ни одной враждебной ноты, ни одного враждебного слова на другой день после таких политических событий, как взрыв адской машины, заключение Конкордата или учреждение пожизненного Консулата. Рабочие говорили о Бонапарте только в восторженном тоне.

Когда в X году вздорожал хлеб, они жаловались, но без раздражения; когда цена на хлеб понижалась, они благодарили правительство.

Что бы ни случилось, они не обвиняли Бонапарта. Заключение мира повело к закрытию в Париже пуговичных фабрик, дававших занятие по крайней мере 12 000 рабочих; это не вызвало никаких смут. Разрыв мира повел к общему упадку в производстве предметов роскоши; это не вызвало даже жалоб. Рабочие говорили, что так и следовало не уступать Англии (26 флореала XI года): они превратились в англофобов.

Когда был арестован Моро и его так называемые сообщники, они негодовали на «заговорщиков» (27 плювиоза XII года). Когда был арестован Жорж Кадудаль, «они громко высказывали в энергичных и гривуазных выражениях свое живейшее удовольствие» (20 вантоза XII года). Ругаясь между собой, они называли друг друга «Жоржем» (7 жерминаля). Когда был умерщвлен герцог Энгийенский, они выражали свое одобрение и предлагали свою помощь правительству (4 жерминаля XII года).

Так же благосклонно отнеслись они и к установлению империи. В докладе от 4 прерриала XII года читаем следующее: «Рабочие сильно заняты своим правом вотировать за наследственность империи. Они собираются толпами, чтобы идти подписываться в полицейской префектуре и у комиссаров, которые выдают им книжки. Они с восторгом говорят об императоре». А из доклада от 7 прерриала видно, что они упрекали в небрежности тех из своих товарищей, которые еще не подали голоса за наследственность монархии¹.

¹ Arch. nat. F⁷ 3832. Через два дня после того, 9 прерриала XII года (27 мая 1804 г.), полиция доносит об аресте рукописи, озаглавленной «Esquisse d'un nouveau plan d'organisation sociale par un philanthrope». Этим филантропом был Сен-Симон. Такое совпадение показывает, насколько этот мыслитель определил свое время. В тот момент, когда он критиковал существующий порядок и ставил социальный вопрос, парижские рабочие были вполне довольны своей судьбой, довольны социальной организацией и восторженно относились к Наполеону.

Такое покорное и полное отречение от своих прав в пользу одного повелителя со стороны парижских рабочих сделало совершенно бессильными буржуазных республиканцев, оппозиция которых обратилась с тех пор в простое салонное фрондированье. С этого момента ведет свое начало разрыв между либералами и народом; в течение долгого времени после того демократия и вообще избирательное право стали казаться несовместимыми со свободой.

V

У роялистской оппозиции теперь было так же мало шансов на успех, как и у республиканской. Мы уже видели, что королевские армии, реорганизованные в конце Директории в Вандее, Бретани и Нормандии, должны были капитулировать или рассеяться вследствие ареста их вождей¹. За этой попыткой гражданской войны в больших размерах последовали разбои, так же как и во времена Директории. Когда священники-написты примкнули к Бонапарту благодаря Конкордату, разбои уменьшились; но в течение всей эпохи Консулата и империи необеспеченное положение вандейской и шуанской областей обнаруживалось непрерывными беспорядками; если в 1814 и 1815 гг. пожар вспыхнул вновь с такою силой, то это потому, что огонь никогда не был вполне потушен². Под влиянием англичан роялисты вернулись также к заговорам и к покушениям на убийство. Таково дело адской машины, о котором мы уже говорили; таков заговор Жоржа Кадудала, о котором нам еще предстоит говорить. Раздавались также и в салонах недовольные речи, о которых доносила полиция; но они становились все реже и реже, по мере того как власть первого консула делалась более монархической, и по мере того как эмигранты возвращались и занимали места в новом строе.

Накануне 18 брюмера роялисты льстили себя надеждой, что Бонапарт сыграет роль Монка. Ид де Невиль и д'Андиень имели тогда свидание с Бонапартом и делали ему предложения; но он выпроводил их³.

Людовик XVIII не терял, однако, надежды. Уверяют, что этот скептик и любитель интриг уже обращался ранее к Бонапарту⁴. Мы уже видели, что он вступал в переговоры с Бар-

¹ См. выше, стр. 858—860.

² См. *Chassin*, «*Pacifications de l'Ouest*», т. III, *passim*.

³ «*Mémoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville*», т. I, стр. 272—273.

⁴ См. статью «Людовик XVIII» в биографиях Мишо. Лауа уверял автора этой статьи, что он видел у Куртуа, в бумагах Робеспьера, несколько писем претендента.

расом¹. 19 декабря 1799 г. он прислал из Митавы Клермон-Галлеранду полномочие начать переговоры с Бонапартом². 20 февраля 1800 г.³ он сам написал первому консулу очень льстивое письмо. «Спасите Францию от ее собственных неистовств, — читаем мы в нем, — и вы исполните желание моего сердца; возвратите ей ее короля, и грядущие поколения будут благословлять вашу память. Вы всегда будете столь необходимы государству, что я сумею уплатить вам, в форме важных постов, долг моего агента и мой собственный». Так как это письмо осталось без ответа, то Людовик XVIII написал второе (без даты, но раньше сражения при Маренго), в котором говорил: «... Наметьте ваше место, определите судьбу ваших друзей... Мы можем обеспечить славу Франции. Я говорю «мы», потому что я буду нуждаться для этого в Бонапарте, а он не будет в состоянии сделать это без меня...» Бонапарт ответил, наконец, но только после Маренго, 20 фруктидора VIII года (7 сентября 1800 г.). «Я получил, милостивый государь, ваше письмо, — писал он, — я благодарю вас за учтивые вещи, которые вы говорите в нем. Вы не должны желать вашего возврата во Францию; вам пришлось бы пройти по сотне тысяч трупов. Пожертвуйте вашими интересами ради спокойствия и счастья Франции... История не забудет этого. Я не остаюсь безучастным к несчастьям вашей семьи... Я с удовольствием буду содействовать приятности и спокойствию вашей жизни вдали»⁴.

Людовик XVIII писал также консулу Лебрену (Le Brun), который ответил ему, что реставрация Бурбонов была невозможна «тогда»⁵. Затем Людовик XVIII приказал (22 марта 1801 г.) Клермон-Галлеранду войти в сношения с Жозефиной, которой поручал передать самые льстивые комплименты⁶. Бонапарт не препятствовал ему: все эти маневры Людовика XVIII имели ту выгоду, что мешали ему выступать с открытыми требованиями.

Заключение Конкордата, примирение папы с республикой, мир с Австрией и с Англией отнимали, повидимому, у претендента всякую надежду, тем более что франко-русское соглашение повело за собою его изгнание из России. Но он водворился в Варшаве и продолжал действовать как король. Тогда

¹ См. выше, стр. 819—820, прим. 4.

² Текст этого полномочия можно найти в «Мемуарах» Клермон-Галлеранда, т. I, стр. XXI.

³ Это письмо приведено Клермон-Галлерандом без даты. Я заимствую дату из «Мемуаров», приписываемых Буррьену, т. IV, стр. 74.

⁴ «Correspondance de Napoléon». № 5000 (т. VI, стр. 454).

⁵ Clermont-Gallerande, т. I, стр. XXIV.

⁶ Он даже называл ее «ангелом доброты». (Ibid., стр. XXI).

первый консул попытался, наконец, через посредство Пруссии убедить его отречься. 17 нивоза XI года (7 января 1803 г.) министр иностранных дел Талейран открылся прусскому послу в Париже — Луккесини. Он говорил ему: «Успокоить встревоженную совесть многих католиков, примирить то, что некоторые эмигранты еще считают долгом своей присяги и своей чести, с желанием почти всех их снова увидеть отечество и служить ему, наконец, отнять у злонамеренных людей предлог, а у державы, соперничающей с Францией, орудие будущих тревог, — таковы спасительные и похвальные цели, которых желал бы достигнуть первый консул. Смешанное чувство сострадания и уважения к несчастиям принцев бурбонского дома вместе с сознанием достоинства великого народа, долго управляющего им, внушили первому консулу благородное желание обеспечить его средствами существования». В обмен за это «благоденствие» Бонапарт требовал «добровольного, полного и безусловного отречения от всех прав и притязаний на французский престол и от всех должностей, чинов, владений и уделов принцев этого дома»¹.

Пруссия передала эти предложения Людовику XVIII. Он отказался письмом от 3 марта 1803 г., которое сообщил всем дворам. «Я не смешиваю г. Бонапарта, — говорил он, — с его предшественниками; я ценю его храбрость и военные таланты; я благодарен ему за многие административные акты; ибо добро, которое делают моему народу, всегда ценится мною; но он обманывается, если думает, что я соглашусь вступить в сделку по вопросу о своих правах. Вместо того, он только сам подтверждает их теми предложениями, которые он делает теперь, если бы эти права еще могли быть оспариваемы. Мне неизвестны намерения Провидения относительно моей династии и меня самого; но я знаю, какие обязанности оно возложило на меня тем званием, в котором ему было угодно, чтобы я родился. Как христианин, я буду исполнять эти обязанности до моего последнего издыхания; как сын святого Людовика, я сумею, по его примеру, сохранить свое достоинство даже в окровавах; как преемник Франциска I, я хочу быть в состоянии по крайней мере сказать подобно ему: *«Все потеряно, кроме чести!»* Когда была установлена империя, Людовик XVIII торжественно протестовал.

Таким образом в конце Консулата все еще оставаясь претендент на трон, «законный» король, были также роялисты, продолжавшие шуанство на западе и занимавшиеся салонным

¹ См. письмо Луккесини к Гаугвигцу от 10 января 1803 г., напечатанное P. Baillon, Historische Zeitschrift, т. XXXVIII и перепечатанное в журнале «La Révolution française», т. XXVIII, стр. 561.

злословием в Париже, хотя большинство возвращавшихся эмигрантов примыкало все-таки к первому консулу, и число этих примкнувших увеличивалось с каждым днем. Но среди эмигрантов, не вернувшихся во Францию, существовала, однако, группа, которая, по соглашению с английским кабинетом, подготавливала после разрыва Амьенского мира убийство Бонапарта.

VI

Это была группа эмигрантов, составлявших в Англии двор графа д'Артуа, герцога Беррийского и принца Конде. Пишегрю стоял близко к ним. Они попытались войти в сношения с генералом Моро. Консульская полиция не была чужда этой попытке, имея в виду погубить победителя при Гогенлиндене, единственного соперника Бонапарта по военной славе. Моро решился помириться с Пишегрю, но не вступил в заговор, который тем не менее составил стараниями агента французского правительства Меэ де Латуша. Генерал Лажодэ, друг Пишегрю, убедил эмигрантов, что Моро примкнул к делу роялистов. Жорж Кадудаль с несколькими шуанами приехали тайно в Париж¹. Они надеялись вызвать при содействии Моро военное восстание в самой столице. Обманутые в этой надежде, они составили проект напасть на первого консула на улице с числом людей, равным численности его свиты. Пишегрю, маркиз Ривьер и оба Полиньяка присоединились к Кадудалю. Граф д'Артуа и герцог Беррийский должны были высадиться во Франции, если бы предприятие удалось.

Консульская полиция знала все, но пока не вмешивалась. Надеялись на то, что Моро в конце концов скомпрометирует себя; надеялись также заставить герцога д'Артуа высадиться во Франции, т. е. отдаться в руки своих врагов. Наконец, было решено подвергнуть допросу нескольких шуанов-сообщников, арестованных ранее. Один из них, Бувэ де Лозье, показал, что они рассчитывали на Моро, но что Моро отказался помогать им. Хотя это показание в сущности оправдывало Моро, но Бонапарт приказал немедленно же арестовать его (25 плювиоза XII года), как сообщника убийц-шуанов, и оклеветал его в своих газетах. Пишегрю был также арестован (8 вантоза). В тот же самый день сенатус-консультом было приостановлено функционирование присяжных «в течение всего XII и XIII года, во всех департаментах республики, в судебных процессах, касавшихся измены, покушения на жизнь первого консула и других посягательств на внутреннюю и внеш-

¹ Кадудаль высадился возле Диеппа 3 фруктидора XI года (21 августа 1803 г.).

ною безопасность республики». В Париже был учрежден, согласно закону 23 флореаля X года, особый уголовный суд, представлявший собой настоящий революционный трибунал. Что касается Жоржа Кадудала, то он был арестован (18 вантоза XII года) ранее, чем успел что-либо предпринять, вместе со своими сообщниками, в числе которых находились оба Полиньяка и маркиз Ривьер.

Граф д'Артуа и герцог Беррийский не высадились во Францию. Бонапарт, не будучи в состоянии захватить их в свои руки, направил свою месть на другого бургонского принца, стоявшего в стороне от заговора, герцога Энгийенского, который уже два года жил в Эттенгейме, на баденской территории. Отряд драгун перешел границу и овладел юным принцем (24 вантоза XII года). Его бумаги доказали до очевидности его невиновность по отношению к заговору, составленному против Бонапарта. Несмотря на это, он был приговорен к смерти военным судом и немедленно же расстрелян во рву Венсенского замка 30 вантоза (21 марта 1804 г.).

Это убийство вызвало в высших классах Парижа¹, а затем во всей Европе чувство страха и ужаса. Вскоре после того (апрель 1804 г.) получилось известие, что Пишегрю сам задушил себя в тюрьме; но никто не был убежден в подлинности этого самоубийства. Многие из современников думали и высказывали, что Бонапарт велел убить Пишегрю, чтобы избежать скандала его публичной защиты в готовившемся процессе².

VII

Обнаружение заговора Жоржа Кадудала повело за собой взрыв лести и преклонения перед Бонапартом, чем он и воспользовался, чтобы увенчать наконец свою честолюбивую мечту. Появилось несколько адресов, более или менее самопроизвольных, с требованием, чтобы Консулат сделан был наследственным в семье Бонапарта. 6 жерминаля XII года (27 марта 1804 г.) Сенат просил «великого человека» не откладывать завершения его творения, сделав его таким же бессмертным, как и его слава», т. е. сделав свою власть наследственной³. Слово «империя» еще не было произнесено, и поже-

¹ Относительно впечатления, произведенного убийством герцога Энгийенского, см. депешу Луккезини от 24 марта 1804 г. в книге *P. Baillet-Latour, Preussen und Frankreich*, т. II, стр. 252.

² См., кроме «Мемуаров» герцога Ровино, выдержку из депеши барона Дальберга, после баденского курфюрста в Париже, от 11 апреля 1804 г. в книге *Lansfréy Histoire de Napoléon I*, т. III, стр. 153.

³ По словам Пелэ, из департамента Лозеры («Opinions de Napoléon», стр. 51), комиссия Сената предложила только поздравительный адрес, но

вание Сената оставалось неопределенным. Государственный совет¹, спрошенный по поводу этого пожелания, совещался в течение четырех заседаний и не пришел к соглашению. Семь государственных советников даже подали голос за отсрочку². Люсьен Бонапарт гнетно грозил колебавшимся (а ими были почти все) тем, что армия сама провозгласит первого консула императором и будет приветствовать его этим титулом; даже сам Камбасерес боялся империи.

Лишь после нескольких недель интриг и колебаний³ один из членов Трибуната, по имени Кюре⁴, внес предложение (3 флореаля XII года), «стремившееся к тому, чтобы первый консул, Наполеон Бонапарт, был провозглашен императором французов и чтобы императорское достоинство было объявлено наследственным в его семье». В этот же день был созван и спрошен Тайный совет⁵, а на следующий день Бонапарт при-

---

Фуше потребовал «таких учреждений, которые разрушили бы надежды заговорщиков, обеспечив существование правительства и после смерти его славы».

¹ См. *Pelet* (из департамента Лозеры), стр. 54, и *Miot de Méliot, Mémoires*, т. II, стр. 173.

² Согласно *Thibaudeau, Le Consulat et l'Empire*. — *Empire*, т. I, стр. 10 (напечатано в 1834 г.).

³ Желания Франции, на которые беспрестанно ссылались, вовсе не были так определены, как это утверждали придворные Бонапарта. Так, среди многочисленных выдержек из адресов, напечатанных в «*Moniteur*» за жерминаль и флореаль XII года, адресов, исходивших от префектов, мэров и генеральных советов, т. е. от чиновников, назначенных правительством, очень немногих таких, которые бы формально требовали империи. Генеральный совет Юры («*Moniteur*» от 2 флореаля) требует «более устойчивого порядка вещей», «но в то же время, чтобы столь же прочные как и либеральные учреждения обеспечили нашему потомству действительную защиту против колебаний и злоупотреблений власти». Был даже адрес, исходивший от властей департамента Изеры и от префекта этого департамента (ученого Жозефа Фурье), в котором отсоветовалось Бонапарту добиваться усиления власти: «Пусть он идет в воспоминании о своих великих деяниях и в заслуженной привязанности чувствительной и великодушной нации единственных наград, достойных его трудов!» («*Moniteur*» от 5 жерминаля XII года). Нельзя сказать, чтобы Франция, даже устами агентов правительства, требовала тогда восстановления трона в пользу Бонапарта, а особенно, чтобы она сама бросилась в объятия рабства.

⁴ Он был ранее членом Конвента, где принадлежал к Болоту.

⁵ Этот Тайный совет был составлен из самых преданных слуг Бонапарта: Лекютё де Кантлё, Рёдерера Франсуа (из Нешато), Трейлара, Порталиса, Реньё (из Сен-Жан-д'Анжел), Фонтана, Талейрана, Декре, Реньё, Булэ (из департамента Мёрты), Фуше. Первый консул прибег в нём к своему излюбленному средству устрашения: «Армии совещаются, — сказал он, — надо готовиться, если вы не желаете, чтобы вопрос был разрешен штыками». Члены совета потребовали (за исключением Реньё и Фуше), чтобы, раз хотя бы восстановление монархии, эта монархия была либеральна. Фонтан сказал: «Монархия в лице главы, аристократия в Сенате, демократия в Законодательном корпусе». Талейран настаивал на том, чтобы, одна из двух палат была действительно представительной для того, чтобы

гласил Сенат «высказать ему все, что он думал по этому поводу». Сенат назначил комиссию, которая в ожидании того, что предпримет Трибунат, разослала всем сенаторам циркуляр, чтобы запросить у каждого из них в отдельности от имени первого консула его личное мнение. «Огромное большинство из них, — говорит Тибодо¹, — прислало просто свое одобрение пожеланию Трибуната, некоторые же не дали никакого ответа; это было так называемое «Отёйльское» общество. Кабанис, Прален (Praslin) и другие уверяют, что Вольнэй и Сиейс вотировали против; Ламбрехтс и Грегуар ответили отрицательно и во всяком случае прислали свое мнение относительно тех мер, которые следовало принять, чтобы сдерживать крайности императорской власти и гарантировать общественные вольности и права нации»².

10 флореаля Трибунат начал обсуждать предложение Кюре, поддержанное всеми ораторами за исключением Карно, который (11 флореаля) объявил «фиктивным» движение общественного мнения в пользу «наследственной монархии», потому что пресса не была свободна; соглашаясь, что 18 брюмера и абсолютная власть «отстранили государство от краев бездны», он выразил мнение, что диктатура должна была кончиться. «Разве свобода, говорил он, была показана человеку только для того, чтобы он никогда не мог ею пользоваться? Разве она непрерывно предлагается ему как плод, к которому он не может приблизить руку без того, чтобы не быть пораженным смертью? Значит, природа, создавшая для нас из этой свободы столь настоятельную потребность, поступила с нами как мачеха! Нет, я не могу согласиться смотреть на это благо, которое повсюду предпочитается всем остальным, без которого все остальные — ничто, как на простую иллюзию; мое сердце говорит мне, что свобода возможна и что основанный на ней порядок устойчивее всякого произвольного правительства, всякой олигархии». Но он заявил, что готов подчиниться мерам, против которых он высказывался.

Этот протест, до такой степени умеренный и притом сопровождавшийся похвалами Бонапарту, не нашел отголоска в Трибунате, который, уже сокращенный в своем составе до 60 чле-

---

можно было знать общественное мнение, без которого ничто невозможно. Бонапарт отверг эти советы в резких определенных выражениях. (Согласно черновому протоколу заседания, набросанному рукой Марэ, Arch. nat., AF, IV, 1227.)

¹ «Le Consulat et l'Empire». — Empire, т. I, стр. 15.

² Ответ Грегуара вместе с его собственным проектом конституции можно найти в его «Мемуарах», т. I, стр. 138—144 (Над. библ., La. 33/65, in. - 8).

нов, трепетал при мысли, что он будет упразднен окончательно, если проявит хоть малейшую независимость¹.

Была выбрана комиссия, от имени которой бывший член Конвента из умеренных, Жар-Панвилье, представил 13 флореаля XII года (3 мая 1804 г.) доклад в благоприятном смысле. Этот доклад мог быть резюмирован так: «Общее желание высказалось за личное единство власти и за наследственность этой власти. Франция должна ждать от семьи Бонапарта, более чем от какой-либо другой, поддержания прав и свободы народа, избравшего ее, и всех учреждений, способных их гарантировать. Эта династия в такой же мере заинтересована в сохранении всех выгод революции, в какой прежняя династия была бы заинтересована в уничтожении их». Трибунал, большинством 48 голосов из 49 присутствовавших членов, высказал пожелание, согласное с предложением Кюре, и передал его Сенату, который в своем послании к первому консулу заявил, «что в величайших интересах французского народа было вручить правительство республики Наполеону Бонапарту как наследственному императору». К этому посланию был приложен мемуар (не напечатанный, но находящийся в Национальном архиве, в протоколах заседаний Сената), где были «развиты» восстановления, наиболее способные гарантировать нации «ее самые драгоценные права». Вот главнейшие из этих постановлений: должны были быть учреждены две сенаторские комиссии, одна — личной свободы, другая — свободы печати; о всяком законе, нарушающем конституцию, мог быть сделан Сенату доклад одним из его членов; в случае надобности, Сенат мог исполнять обязанности верховного суда; Законодательный корпус мог обсуждать законопроекты в тайных заседаниях; члены Трибуната должны были избираться на десять лет; по вопросу

¹ Из 49 присутствовавших членов Трибуната, 48 записались, чтобы говорить в пользу установления империи. 25 из них говорили на самом деле; трое, которым не удалось говорить, напечатали свои речи. Были пошлые придворные выходки: Шабо-Латур поздравлял себя с тем, что Франция «бросалась в объятия своего спасителя». Многие ораторы заявляли, что если они хотели новой династии, то только для того, чтобы успешнее бороться с «демократией». Другие, напротив того, восхваляли плебисцитарную демократию. Так, член Трибуната Карион-Низас вспомнил о «знаменитой присяге кортесов старой Испании». «Мы, говорится в этой присяге, обладающие одинаковым достоинством с тобой, — это прирожденное равенство. Мы, обладающие большею силою, не желаем ты, — это верховная власть нации. Мы делаем тебя нашим божедом, — это договор. Чтобы ты стоял на страже наших интересов, — это условие. В противном случае — нет; это наказание, которое последует за забвением долга. Династия, которую Франция призывает царствовать, — вот твой враг! Династия, которую Франция навсегда отстраняет, — вот твой приговор!

об учреждении империи должен был произойти плебисцит¹. Все это были очень слабые преграды для деспотизма. Сначала Сенат предлагал, повидимому, более солидные². Он, без сомнения, пришел к убеждению, что Бонапарт никогда не согласился бы на установление действительно конституционного режима; поэтому он примирился с деспотизмом, в осуществлении которого надеялся играть умеряющую роль.

Законодательный корпус не заседал тогда. Его президент Фонтан убедил (20 флореаля) тех из его членов, которые находились в Париже, вотировать адрес, согласный с пожеланиями Трибуната и Сената, адрес, в котором льстивые похвалы смешивались с советами в пользу либерализма.

Но это были пока только еще одни пожелания. 26 флореаля XII года в Сенат, председателем которого был тогда Камбасерес, был внесен проект сенатус-консульта, представленный от имени Государственного совета Порталисом³. Комиссия, которую Сенат уже избрал, обсуждала его два дня; затем 28 флореаля (18 мая 1804 года), по докладу Ласепада, представленного от имени этой комиссии, был издан органический сенатус-консулт, называемый обыкновенно императорской конституцией⁴.

Народ не был допущен к вотуму всего сенатус-консульта; он должен был лишь принять или отвергнуть, ответив «да» или «нет», следующее предложение: «Народ желает наследственной передачи императорского достоинства в прямом, естественном, законном или усыновленном потомстве Наполеона Бонапарта и в прямом, естественном и законном потомстве Жозефа Бонапарта и Людовика Бонапарта, как это установлено органическим сенатус-консультом 28 флореаля XII года». Этот плебисцит происходил путем всеобщей подачи голосов

¹ *Thibaudeau* (*Empire*, т. I, стр. 18) дает неточный анализ этого мемуара 14 флореаля.

² 13 флореаля Галлуа говорил в Трибунате, что Сенат «требовал новых учреждений» (*Archives parlementaires*, т. VIII, стр. 336). Было, следовательно, «требование» Сената, предшествовавшее его мемуару 14 флореаля.

³ Неизвестно, сам ли Бонапарт редактировал этот проект. 23 февраля он добился одобрения его Государственными и Тайным советами.

⁴ Прений, повидимому, не было. «После доклада комиссии, — сказано в протоколе, — началось обсуждение. Многие из членов потребовали, чтобы принятие проекта органического сенатус-консульта было немедленно же вотировано простой подачей голосов за или против» (*Arch. nat.*, CC²). Однако Тибодо говорит (*Empire*, т. I, стр. 33), что Грегуар высказался против. Он говорит также, что при голосовании было подано два пустых бюллетеня и три отрицательных, а именно: Грегуара, Ламбрехтса и Гарэ. Что касается Ланжюнна, враждебное отношение которого не подлежало сомнению, то 26 флореаля XII года он получил отпуск по 15 термидора «по болезни» (*Arch. nat.*, *ibid.*).

тем же порядком, как и предшествующие плебисциты, в прериае XII года. Было подано 3 572 329 утвердительных голосов и 2 569 отрицательных¹.

Таблицы, приложенные в «Бюллетене законов» к сенатус-консульту, извещавшему о результате плебисцита, доставляют нам некоторые статистические сведения, которых мы не имели относительно плебисцитов VIII и X годов.

Мы узнаем из них, что в 11 нижепоименованных департаментах не было ни одного отрицательного вотума: Верхние Альпы, Корреза, Гар, Эндра, Лиамон, Верхняя Луара, Луар, два Севра, Вар, Воклюза, Вогезы. Если верить тем же таблицам, то среди 400 000 вотировавших в сухопутной армии и 50 000 — во флоте не нашлось ни одного, подавшего отрицательный голос. Это мало вероятно, если вспомнить, что именно среди высшего офицества было всего более республиканцев. В бюллетене министерства полиции от 16 прерияля XII года мы читаем, что в Ангулеме генерал Малэ открыто критиковал учреждение империи. «Он был единственным (говорится в этом бюллетене), не зажегшим у себя иллюминации в тот день, когда в Ангулем пришло известие о сенатус-консульте². Невозможно допустить, чтобы этот генерал вотировал утвердительно. Представляется вероятным, что противники империи в армии ограничились тем, что воздержались от голосования. Так, например, бюллетень от 9 прерияля XII года констатирует, что полк саперов в Булони «отказался подписываться»³.

Только в тринадцати департаментах нашлось более чем по 50 отрицательных вотумов, а именно следующих: Ду — 78, Юра — 74, Мон-Тоннер — 131, По — 204, Верхний Рейн —

¹ В сенатус-консульте 15 брюмера XIII года была указана меньшая цифра, а именно: 3 521 675 утвердительных вотумов из всех 3 524 254. Но доклад сенаторской комиссии, занимавшейся подсчетом голосов, приложенный к этому сенатус-консульту, извещал публику, что вследствие прибытия новых документов результат должен быть соответственно изменен и что утвердительных голосов оказалось на 50 654 больше, чем предполагалось раньше. Списки утвердительных и отрицательных ответов находятся в Национальном архиве (В. II, 672—853). Я мог пересмотреть только часть их (полный пересмотр отнял бы у меня слишком много времени). Из этого неполного обзора вытекает, что число неграмотных вотировавших было очень значительно. Были коммуны, листы которых имеют только по две или по три подписи с целыми столбцами написанных только же рукой имен безграмотных. Знали ли последние о том, что распорядились таким способом их именами? Есть списки совсем безыменные с простым извещением, что все граждане вотировали утвердительно. Так, в списке коммуны Вильнев (департамент Эп) находится лишь следующее указание: «Единогласных утвердительных вотумов — 231».

² Arch. nat., F^o 3705. См. также (Ibid.) доклады от 26 прерияля и 14 термидора того же года.

³ Arch. nat., ibid.

127, Рейн и Мозель — 88, Роэр — 121, Верхняя Саона — 74, Саар — 68, Сена — 70, Сеция — 90, Стура — 61, Вогезы — 107.

На юго-востоке Франции, бывшем раньше очагом республиканского духа¹, вотумы распределялись следующим образом: в департаменте Од — 13 829 утвердительных голосов и 3 отрицательных; в департаменте Устье Роны — 14 043 первых и 4 последних; в департаменте Гар — 20 984 первых и ни одного отрицательного; в департаменте Эро — 23 185 против 7; в департаменте Восточных Пиреней — 9 451 против 17.

Каков же был смысл отрицательных вотумов? В недавно присоединенных департаментах этот смысл был ясен: там меньшинство, высказывавшееся против, было несомненно меньшинством, враждебным Франции. Что касается департаментов, принадлежавших к старой Франции, то там смысл отрицательных вотумов менее ясен. Из бюллетеней министерства полиции касательно общественного настроения, составленных по доносениям префектов, генеральных прокуроров, жандармского начальства и пр., видно, что в некоторых городах, в Бресте, Бордо, Майенне, противники сенатус-консульта обнаруживали живой интерес к генералу Моро². Но мы знаем, что роялисты и республиканцы одинаково восхваляли Моро. Префект департамента Эн (Aisne) сообщал, что в его департаменте бывшие несприисягнувшие священники соглашались только на «личную» империю Бонапарта; они не одобряли наследственной монархии, которая создавала новую династию, узурпировавшую права Бурбонов³. Вообще, священники, враждебные Конкордату, возбуждали крестьян против нового императора. Если среди оппонентов были республиканцы, то были также в гораздо большем числе роялисты и клерикалы. Насколько можно судить по некоторым имеющимся указаниям, плебисцит по вопросу о наследственной императорской власти был в общем плебисцитом в пользу революции, против Бурбонов и против старого порядка.

VIII

Органический сенатус-консулт 28 флореала XII года гласил в своих двух первых статьях, что «правительство республики поручалось императору, который получал титул *«императора французов»*, и что *«Наполеон Бонапарт, первый консул республики, объявляется императором французов»*. Затем шли статьи, учреждавшие наследственность власти, состав импера-

¹ См. выше, стр. 697.

² Доклад от 4 мессидора XII года, Arch. nat., F⁷, 3703.

³ «Бюллетень» от 12 термидора XII года, Arch. nat., ibid.

торской семьи и регентства. Это был действительно новый трон и действительно новая династия. Но в дальнейших статьях эта монархия, сделавшаяся скоро деспотической, представляла как бы либеральной, причем наследственная империя признавалась за лучшую гарантию свободы.

Наполеону легко было бы заставить рабочих и крестьян провозгласить себя императором без этих кажущихся уступок, без этого подобия либерализма; но он хотел править через посредство буржуазного класса; ему необходимо было убедить его, привлечь его к себе. И вот он старался показать, что в лице Сената он давал верное средство помешать деспотизму.

До того времени президентом Сената был один из консулов; теперь его председателем являлся один из сенаторов, назначенный императором.

До тех пор у Сената не было никакой законодательной власти; теперь ему давалось право останавливать обнародование закона, если бы хоть один сенатор объявил этот закон антиреволюционным и противным конституции. Таким образом Сенат торжественно превращался в верхнюю палату. Через посредство своих двух постоянных комиссий Сенат должен был охранять свободу печати и личную свободу; если бы министры нарушили ту или другую свободу, он осудил бы их в качестве верховного трибунала.

Трибунал и Законодательный корпус могли передавать этому верховному суду агентов исполнительной власти, министров, префектов и т. д. Верховный суд ведал, кроме того, преступления, посягательства и заговоры против безопасности государства, преступления совершенные членами императорской семьи, и т. д.

До тех пор Законодательный корпус не имел права слова; теперь ему возвращали это право, и он мог обсуждать законы.

Наконец, присяга императора заключалась в следующих выражениях: «Клянусь охранять целостность территории республики, соблюдать и заставлять соблюдать закон относительно Конкордата и свободы культов; уважать и заставлять уважать равноправность, политическую и гражданскую свободы, неприкосновенность проданных национальных имуществ; не устанавливать и не взимать никакого налога иначе как в силу закона; поддерживать институт Почетного легиона; управлять государством единственно в интересах благосостояния и славы французского народа».

Наиболее либеральные люди того времени не требовали ничего большего; учреждение трона такой ценой казалось им благодеянием.

Правда, при более внимательном отношении можно было бы найти в органическом сенатус-консульте постановления

очень сомнительного характера. Так, право вето, дарованное Сенату, могло оказаться призрачным благодаря статье 72-й, гласившей, что в случае сенаторского вето император все-таки мог, после совещания с Государственным советом, велеть обнародовать закон. Если Законодательный корпус получал право обсуждать законы, то, с другой стороны, он мог делать это лишь в тайных заседаниях, если только само правительство не требовало их гласности. Трибунат был лишен своих общих и гласных заседаний; он был подразделен на три секции, каждая из которых совещалась при закрытых дверях. Что касалось избирательного права, то независимость избирателей была уменьшена присоединением к ним следующих членов, являвшихся избирателями по праву: 1) в окружных избирательных коллегиях — всех кавалеров ордена Почетного легиона; 2) в департаментских коллегиях — высших офицеров, майоров (commandants) и низших офицеров Почетного легиона. Если права Сената были увеличены, то, с другой стороны, император получил право изменять в нем большинство присоединением к нему неограниченного числа членов. Он не злоупотреблял этим правом, ибо в момент падения империи в Сенате было только 147 членов; но одного сознания, что он мог злоупотребить им, было достаточно, чтобы удержать всякое стремление к оппозиции.

Несмотря на все это деспотизм был бы невозможен, если бы конституция действительно функционировала.

Но она не функционировала, по крайней мере в своих либеральных постановлениях.

Новых законов почти не изготовлялось: все совершалось путем сенатус-консультов и императорских декретов. Законодательному корпусу почти нечего было делать, и его почти не созывали более. Трибунат был упразднен в 1807 году. Ни одно из собраний не пользовалось своим правом предания агентов исполнительной власти Верховному суду. Ведению сенаторской комиссии, охранявшей свободу печати, не подлежала периодическая пресса, доведенная до рабства, до полного ничтожества. Этой комиссии была поручена охрана лишь свободы непериодической прессы. Возможно, что деспотизм не мог бы быть ни безусловным, ни продолжительным, если бы свободой пользовались хотя бы только брошюры и памфлеты, но в действительности эта комиссия подняла всего два или три незначительных дела, и в общем ее деятельность была ничтожна. Сенаторская комиссия, охранявшая личную свободу, собиралась часто, и в Национальном архиве хранятся многочисленные следы ее деятельности¹. Она добилась освобожде-

¹ См. в «Revue de Palais» от 1 августа 1897 г. мою статью «La liberté individuelle sous Napoléon I».

ния из тюрьмы нескольких бедняков, которым правительство само разрешило подать жалобы; но правительство позволяло контролировать себя в этом случае только тогда, когда оно само этого хотело; Наполеон арестовывал кого ему было угодно, восстанавливал бастилии и распоряжался личной свободой людей, как если бы комиссия существовала только для того, чтобы прикрывать тиранию своего рода конституционной внешностью. Что касается «равноправности», которую императорская присяга обязывала «уважать и заставлять уважать», то этот принцип, как и другие, был также отчасти принесен в жертву честолюбию Наполеона, создавшего новое наследственное дворянство.

Не будет, следовательно, преувеличением сказать, что эта конституция не применялась на практике, поскольку она охраняла некоторые из принципов и некоторые из результатов революции.

IX

Мы видели, что императору было поручено правительство «республики», а в формуле обнародования законов Наполеон должен был именоваться императором «божьей милостью и в силу конституционной республики». Что же надо было понимать здесь под словом «республика?» 10 фримера XIII года президент Сената Франсуа (из Нешато), поздравляя императора с результатами плебисцита по вопросу о наследственности, сказал, что эти результаты ввели в гавань корабль республики¹; при этом он воскликнул: «Да, государь, — республика! Это слово может резать уши обыкновенному монарху. Здесь же это слово уместно перед человеком, гений которого позволил нам пользоваться республикой в том ее значении, в каком она может существовать у великого народа». Желать установления «чистой республики», «республики в собственном значении этого слова», т. е. демократии, значило подготавливать «оковы для будущего», ибо в том состоянии невежества, в котором находится народная масса, свобода и демократия до такой степени несовместимы между собой, что даже гений Наполеона оказался бы совсем бессильным примирить их. Франсуа (из Нешато) хотел таким образом приурочить республике все преимущества монархии (как некогда д'Аржансон хотел внести в монархию все добро, присущее республике)², и, комментируя присягу императора, находил в ней все гарантии «представи-

¹ Госпожа де Ремюза пишет в своих «Мемуарах» (т. I, стр. 376): «Не осмеливались больше произносить слово «республика», настолько террор загрязнил его!» Это еще один пример извращения воспоминаний.

² См. выше, стр. 23.

тельного государства». Наполеон ответил с краткостью деспота: «Я всхожу на трон, на который меня призвали единодушно желания Сената, народа и армии, с сердцем, переполненным сознанием великих судеб этого народа, которого я первый, среди военного лагеря, приветствовал названием великого, и т. д.». Он не упомянул ни о либеральных гарантиях, ни о республике.

Слово «республика» беспокоило и преследовало его. Он решил избавиться от него, но мало-помалу, с робостью, путем постепенного отбрасывания этого слова, по мере того, как победы придавали ему, Наполеону, силы и мужество.

В 1804 г., уже после установления империи, были отпразднованы еще раз не только 14 июля, но и учреждение республики¹. В 1805 г. уже не поднималось больше вопроса ни о том, ни о другом из этих празднеств.

На газетном штемпеле надпись «Французская Республика» оставалась до 31 декабря 1805 г. включительно. Государственная печать была изменена раньше: закон 6 июня 1803 года лишил ее всех признаков республиканского характера. В формуле декретов Наполеон еще называет себя иногда императором «в силу конституции республики» до 28 мая 1807 г. включительно. В формуле обнародования законов эти слова появились в последний раз в законе 29 апреля 1806 г., касавшемся устава гражданского судопроизводства. После этого писалось только: «Наполеон божьей милостью и в силу конституции...»

Но император не решился открыто запретить употребление слова «республика». Только после Эрфуртского свидания (сентябрь — октябрь 1808 г.), на котором он и Александр I гарантировали друг другу подчинение Европы, он почувствовал себя достаточно могущественным, чтобы устранить последние следы республики следующим декретом от 22 октября 1808 г.: «Монеты, которые будут чеканиться с 1 января 1809 г., должны иметь на своей обратной стороне надпись «Французская Империя» вместо надписи «Французская Республика». Этот декрет прошел незамеченным. Слово «республика», еще недавно считавшееся народом как бы за талисман побед, было позабыто и вытеснено из народного воображения другим талисманом побед — имени Наполеона.

Таким образом после почти шестнадцатилетнего действительного или только номинального существования (с 22 сен-

¹ «Moniteur» не дает об этом отчета, но «Gazette de France» говорит об иллюминации и концерте, бывших по этому поводу. Император с императрицей находились в Майнце. В письме от 11 фруктидора XII года (Arch. nat., AF IV, 1065) Порталис предлагал императору отменить это празднование республики, откуда видно, что оно еще имело место 1 января XIII года.

тября 1792 г. по 31 декабря 1808 г.) первой французской республике, совершившей с таким блеском и столько великого в свой демократический период, пришлось, по странной судьбе, сойти с исторической сцены почти украдкой, так же как она и вступила в нее.

Мы не из пустого любопытства старались точно определить время исчезновения слова «республика»¹. Пока это слово существовало, существовали и некоторые преграды деспотизму; деспот считал себя вынужденным соблюдать известную меру, казаться благоразумным. Раз это слово исчезло, не осталось почти никакого воспоминания о революции, которое сдерживало бы Наполеона, почти ничто не обуздывало больше причуд его гения, и, быть может, не будет преувеличением сказать, что с тех пор его тирания сделалась в такой же мере безумной, как и грандиозной.

X

Мы подошли к концу нашего рассказа, который, как ни велико количество занятых им страниц, может показаться далеко не полным, если подумать о том множестве фактов, которые не могли войти в него, а если и вошли, то лишь в очень сокращенной передаче. В сущности, эта большая книга представляет собою простое резюме.

Стоит ли теперь резюмировать это резюме и, следуя классическому обычаю, представить под видом заключительных выводов сжатое содержание этого уже без того сжатого изложения? Не будет ли бесполезным и утомительным это повторение, особенно если принять во внимание, что в предисловии мы уже говорили о нашей цели, о нашем методе и плане? Итак, избавим от этого читателя.

Если бы мы защищали какой-нибудь исторический тезис, развивали ряд рассуждений с целью доказать истинность какого-нибудь положения, в таком случае заключительный вывод являлся бы обязательным. Но мы хотели только изложить объективно, без всякой предвзятой мысли политическую историю великой революции с точки зрения происхождения и развития демократии и республики.

Заключительный вывод другого характера мог бы состоять в извлечении из рассказанного нами прошлого уроков для будущего. Но мы далеки от такого дерзкого педантизма. Мы представляем каждому из читателей, если он найдет это возможным и полезным, самому извлечь эти уроки, сообразно с своими политическими стремлениями и с своим умственным складом.

¹ Подробнее см. в «Revue Bleue» от 15 января 1898 г. в моей статье, озаглавленной: «Quand disparut la première République?».

Мы довольствуемся тем, что выставили на вид факты, и представляем им самим говорить за себя.

Мы хотели бы только, не делая заключительных выводов и не давая заключительного резюме, отметить в очень немногих словах те самые общие и широкие выводы, которые не могли найти для себя места ни в какой части рассказа, потому что вытекают лишь из всей совокупности фактов.

1) Ошибочно думать, чтобы французская революция была совершена несколькими выдающимися личностями, несколькими героями. Я допускаю, если угодно, что одному гениальному солдату удалось в конце концов дезорганизовать все созданное ею в политической области, но я думаю, что из всего рассказа о периоде времени с 1789 г. по 1799 г. вытекает, что никакая отдельная личность — ни Людовик XVI, ни Мирабо, ни Дантон, ни Робеспьер — не руководила событиями. Но можем ли мы сказать в таком случае, что истинным героем революции был французский народ? Да, если рассматривать французский народ не в виде бесформенной массы, а в виде организованных групп. Возьмите, например, действительно решающие события, события, оказавшие действительно большое влияние, и прежде всего взятие Бастилии с вызванной им муниципальной революцией. Вам было бы очень трудно назвать имя хоть одного человека, который бы играл преобладающую роль в этом зарождении новой Франции в июле и августе 1789 г. Вы видите, что французы организуются тогда в муниципальные группы, группируются в коммуны; затем федерация этих коммун образует нацию; и вот из этого самопроизвольного движения, во имя братства и разума, возникает новое отечество. А восстание 10 августа 1792 г., которое, изменив судьбы Франции, опрокинуло многовековой трон и создало демократический строй? Это было анонимное, национальное восстание. Это было делом не Дантона или Барбару, а марсельских и брестских федератов вместе с парижской национальной гвардией. А кто после того упрочил национальное единство, кто спас нацию, подвергавшуюся нападениям со стороны короля и раздиравшуюся гражданской войной? Был ли то Дантон или Робеспьер или Карно? Нет сомнения, что эти люди оказали услуги, но, по существу дела, единство было поддержано и независимость была обеспечена группировкой французов в коммуны и народные клубы. Европейскую коалицию, сплотившуюся против Франции, отразила муниципальная и якобинская организации. Тем не менее, при ближайшем исследовании, в каждой из таких групп можно найти двух или трех более способных людей, которые, являясь вожаками или руководимые в свою очередь другими, приводили в исполнение решения, имели вид вождей и могли бы быть названы действительно вождями, но которые (при чтении, па-

пример, протоколов заседаний народных клубов) кажутся нам черпавшими свою силу гораздо более из групп, к которым принадлежали, нежели изнутри самих себя. Чтобы остановить революцию, Наполеон Бонапарт разъединил эти группы, и тогда во Франции не оказалось больше граждан, а остались лишь отдельные личности.

2) Революция была осуществлена только в некоторой своей части и только на известное время. Она даже была как бы приостановлена и казалась уничтоженной при правлении Наполеона I, по крайней мере с 1808 по 1814 г. Почему? Потому что французский народ еще не был достаточно просвещен, чтобы осуществлять свою верховную власть. Просвещение народа — вот что было истинной политической и социальной программой республиканцев, тех вождей групп, о которых я говорил. Помешать народу просвещаться и рассуждать было одним из главнейших пунктов политической и социальной программы Наполеона Бонапарта, когда он сделался деспотом.

3) Существует мнение, что поколение, совершившее в промежуток времени с 1789 по 1799 г. столь великие и столь ужасные дела, было поколением гигантов, или, выражаясь проще, было более выдающимся поколением, чем предшествовавшее или следовавшее за ним. Это не более как ретроспективная иллюзия. Граждане, составлявшие те якобинские, муниципальные или национальные группы, через посредство которых совершалась революция, не представляются нам превосходившими просвещением и талантами французов эпохи Людовика XV или эпохи Людовика-Филиппа. Можно ли в самом деле признать исключительно одаренными всех лиц, имена которых сохранила нам история, потому что они фигурировали на парижской сцене или потому, что они оказались наиболее блестящими ораторами? Правда, Мирабо заслуживает, до известной степени, название гениального трибуна, но остальные: Робеспьер, Дантон, Верньо, были ли они действительно талантливей наших современных ораторов, например? В 1793 г., в эпоху этих воображаемых «гигантов», госпожа Ролан писала в своих «Мемуарах»: «Франция как бы обнищала людьми; недостаток их в эту революцию поистине изумителен; кругом почти только одни пигмеи¹». Это — противоположная, пессимистическая иллюзия, игрушкой которой оказываются обыкновенно современники и игрушкой которой оказываемся, без сомнения, и мы сами в 1901 г. Поколение 1789 и 1793 гг. было не выше и не ниже среднего. Быть может, можно было бы сказать, что после того, как сначала гильотина, а затем проскрипции лишили его наиболее выдающихся индивидов, оно опустилось немного ниже

¹ M-me Roland, Oeuvres, éd. Champagneux, т. II, стр. 86.

среднего уровня, что и было одним из обстоятельств, позволивших Бонапарту подчинить его себе, обратить его в рабство и разрушить группы, уже дезорганизованные смертью или ссылкой их вождей.

4) Мне кажется, что факты, собранные в этой книге, устраняют ту двусмысленность, которая связана со словами «Великая французская революция». Под этими словами обыкновенно понимают, с одной стороны, те основные принципы, которые составляют Великую французскую революцию, и те акты, которые согласовались с этими принципами, а с другой стороны — весь тот период времени, в течение которого совершалась революция, со всеми деяниями, охватываемыми им, как соответствовавшими, так и противоречившими этим основным принципам. Это смешение в такой же мере вредило истине, в какой было полезно сторонникам ретроградной политики, позволяя им приписывать революции, как своего рода исторической личности, самые прискорбные или даже самые антиреволюционные деяния. Так, например, был ли хоть один акт более антиреволюционный, чем казнь гебертистов и дантонистов или чем отмена всеобщего избирательного права в III году? Между тем это нисколько не мешает людям зачастую говорить: революция погубила Гебера и Дантона, революция упразднила демократию. Этот незаконный способ выражения: «революция сделала то-то и или не сделала того-то», заставляет смотреть на революцию как на какую-то непоследовательную, капризную, разнузданную и кровожадную силу. Таким путем пытались дискредитировать самые принципы революции, особенно благодаря стараниям и в пользу людей, считавших эти принципы «сатаническими» и желавших управлять обществом с помощью противоположных принципов. Впрочем, все политические партии защищали в XIX веке свое дело аргументами, извлеченными из тех или других событий, происшедших между 1789 и 1799 гг., причем они называли эти события, взятые наудачу или искусно подобранные, «Великой французской революцией». Я надеюсь, что теперь смысл этих слов более выясняется: Великая французская революция состояла в Декларации прав, редактированной в 1789 г. и дополненной в 1793 г., и во всех попытках, делавшихся с целью осуществления этой Декларации; контрреволюция состояла в попытках отвлечь французов от поведения, согласно с основными принципами Декларации прав, т. е. согласно с разумом, провещенным историей.

Великая французская революция представляет собой как бы политический и социальный идеал, идеал рационалистический, который французы пытались отчасти осуществить и который историки после того пытались смешивать или с его практическим применением, часто очень непоследовательным, или же

с событиями, вызванными даже врагами этого идеала с целью его упразднения или замаскирования. Я надеюсь, что эта книга будет содействовать устранению такой опасной двусмысленности.

5) Императорский деспотизм остановил революцию, знаменовал собой отступление в сторону принципов старого порядка, упразднил временно свободу, уничтожил отчасти равенство. Но эта разрушительная работа коснулась скорее политических, чем социальных результатов революции. Сохранение этих социальных результатов проявилось в обладании национальными имуществами и в гражданских законах, сведенных в кодекс, хотя и менее эгалитарный, чем какой был задуман Конвентом, но во всяком случае бесконечно более гуманный и разумный, чем кодексы старого порядка, обладавший, кроме того, тем преимуществом, что он был одинаковым для всей Франции; оно проявилось в функционировании революционных законов о наследстве, словом, во всем этом кодексе, принятом почти всей Европой. Этим именно и объясняется, почему после падения Наполеона Бонапарта, когда социальные результаты революции оспаривались роялистами, вернувшимися из эмиграции, этот человек, сделавший все, что только он мог сделать, для разрушения политических результатов революции, стал казаться человеком революционной эпохи и мог говорить о себе, как о таковом.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абриаль — 862
 Авно, монсеньер д' — 78
 Авре, д' — 30
 Аврелий, Марк — 648
 Ажье — 653
 Азема — 613
 Аквинат, Фома — 42
 Алегр, д' — 816
 Александр Македонский — 871
 Александр I — 944
 Алибер — 824
 Альбер — 713
 Альбитт — 555, 556, 638
 Алькье — 401
 Аллье, Д. — 815
 Амар — 265, 266, 393, 401, 402, 411, 484, 541, 604, 614, 637, 759, 765
 Амнион — 479
 Андишье, д' — 818, 930
 Андре, д' — 136, 152, 156, 158, 193, 200, 205, 215, 401, 479, 824
 Андре, из деп. Лозер — 798
 Андре, Ферд — 734
 Андреи — 392
 Андрие — 713, 784, 865
 Анри-Ларивьер — 280, 300, 480, 615, 616, 639, 699, 723, 798
 Анрио — 191, 531, 533, 537, 602, 603, 604, 605, 626
 Антибуль — 541
 Антонелль — 758, 760, 765, 824, 852, 876
 Антрэг, д' — 14, 23
 Антуан — 260, 293, 314, 344
 Арена — 845, 847, 851, 876
 Аржансон, д' — 13, 17, 22, 23, 24, 25, 37, 75
 Арман, из деп. Мёз — 467, 614

Арну — 713
 Арсандо — 99
 Артуа граф, д' — 49, 51, 92, 148, 462, 463, 641, 766, 816—818, 933, 934
 Асслен — 479
 Ау, д' — 391

Б

Бабёф — 67, 555, 636, 637, 688, 753, 756, 759, 760, 762, 763, 764, 765, 766, 770, 822—824, 832, 833
 Бабёф, вдова — 876
 Баба — 479
 Баденский, маркграф — 768
 Базир — 212, 216, 329, 331, 366, 370, 400—452, 473, 505, 506, 524, 563
 Байль (Пьер) — 301
 Бальи — 186, 190, 193, 221, 392, 614
 Байёль — 479, 493, 497, 614, 670, 723, 796, 822, 865, 878, 922
 Банкаль-Дезисар — 127, 162, 164, 179, 197, 479, 483, 486
 Бантаболь — 344, 394, 430, 512, 614
 Бар (Жан Этьенн) — 465, 593, 613
 Бар, Филипп — 802
 Барэлон — 842
 Барант, де — 76
 Барбару — 301, 316, 321, 323, 343, 404, 473, 475, 478, 479, 481, 486, 488, 489, 499, 522, 524, 525, 533, 534, 536, 537, 542, 551, 946
 Барбе-Марбуа — 723, 749, 772, 798, 863
 Барер — 58, 61, 62, 71, 74, 78, 89, 91, 105, 145, 182, 343, 345, 350,

- 360, 365, 368, 370, 381, 393, 403,
404, 406—409, 413—415, 417, 424,
425, 438, 445, 484, 505, 506, 529,
530—533, 535, 551, 554, 570, 576,
594, 593, 600—602, 604, 608, 609,
614, 615, 628, 632, 636, 637, 657,
835, 851, 860, 921
- Барнав — 16, 17, 71, 150, 157, 160,
161, 193, 201, 222, 225
- Баррас — 391, 394, 614, 620, 632,
634, 699, 709, 728, 730, 743, 765,
777, 796, 797, 819, 820, 822,
826—830, 842, 844, 845, 930,
931
- Барре, Шарль — 802
- Баррюель-Бовер — 741, 742
- Барт — 196
- Бартелеми — 727, 730, 772, 795—
798
- Бассаль — 392, 401
- Бассано, герцог (см. Марэ)—863
- Бассвиль — 648
- Бах — 833
- Бац, барон, де — 412
- Байяр — 797
- Бежис — 252, 508
- Беккей — 215
- Белен — 479
- Беллармен — 42
- Белдуа, де — 799
- Беллуге — 732
- Венезек — 390, 700, 729, 863
- Бенгам, Перемия — 325
- Бёньо — 11, 911
- Беранже — 908
- Бергун — 473, 475, 479, 537, 614,
845
- Берлье — 394, 407, 408, 611, 616,
660, 661, 672, 713, 724, 863, 908
- Бернадотт — 729, 838, 842, 922—
924
- Бернар — 193—197
- Бернар, из Сент — 394, 400, 401,
474, 555, 609, 614
- Бернар, из Сент-Африк — 392, 723
- Берновилль — 386, 727, 836, 842
- Бернье, аббат — 890, 891, 895
- Беррийский, герцог — 933, 934
- Бертен — 642
- Вертоллэ — 390, 838
- Бертран де Мольвилль — 221—224
- Бертран де ла Годивьер — 479
- Бертье — 850, 862, 863, 873
- Бессон — 585
- Бэффруа — 455
- Биго де Преамене — 908
- Бигоннэ — 846
- Билльо-Варени — 167, 171, 251, 252,
270, 291, 311, 322, 323, 334, 344,
362, 393, 409, 413—416, 424, 431,
450, 489, 507, 559, 560, 563, 578,
600—602, 614, 615, 622, 632, 636,
637, 860
- Бире, Эдмон — 482
- Биротто — 479, 537
- Блавель — 479
- Блад — 479, 615, 616, 699
- Блан — 12
- Бланкар — 244
- Блан, Луи — 167
- Бланки — 479, 766
- Бланшар, аббат — 894
- Бло — 479
- Блондо — 765
- Блэн — 797, 846
- Блютель — 581
- Бо — 433
- Бово, маршал, де — 56
- Боган — 479
- Богарнэ младший — 135
- Богарнэ, Алекс. — 135
- Боден — 307, 394, 647, 660, 661,
668, 680, 684, 692, 694, 723, 724,
838
- Бодо — 512
- Бодуэн де Мэзонбланш — 165, 435
- Божар — 732
- Божоле, герцог, де — 774
- Боз — 497
- Бомез — 201, 205
- Бомон — 305
- Бонапарт, г-жа — 919
- Бонапарт, Жозеф — 835, 839, 938
- Бонапарт, Люсьен — 724, 842, 845,
846, 852, 862, 863, 873, 935
- Бонапарт, Людовик — 938
- Бонапарт, Наполеон (Наполеон I) —
3, 22, 540, 653, 691, 720, 735,
741, 756, 768, 777, 781, 790, 796,
797, 833—847, 849, 850—854,
856—859, 861, 863—865, 867,
868, 871—874, 876—878, 881, 883,
884, 887, 888, 890, 891, 894, 895,
896, 899, 901, 903, 904—916, 918,
919, 921, 923, 924, 926, 940—942,
944, 945, 947—949
- Боншан — 460
- Бонэ — 479
- Боннэ, де — 62
- Боннэ де Мотри — 391
- Бонневиль, Николай — 69, 133, 135,
191, 213, 306
- Боннер — 808
- Бонту — 732

Бопре — 842
 Борда — 727
 Бордас — 400, 614, 676, 723
 Бори — 433, 798
Борнагель — 530
 Боссе — 886
 Бошан — 613
 Боше — 390
 Брауншвейгский, герцог — 257, 259, 279, 282, 310, 312, 492, 508, 530
 Бреар — 393, 404, 406, 407, 610, 615, 699, 723, 861, 864
 Брессон — 479, 664
 Бретт — 161
 Бри, Жан, де — 271, 293, 343, 350, 393, 404, 406, 457, 479, 615, 724, 735, 738, 756, 775, 865
 Бриваль — 277, 400, 401, 578
 Бриень — 29
 Брио — 789, 823, 838, 847, 852
 Бриссо — 14, 71, 74, 115, 141, 142, 154, 156, 162, 168—170, 189, 199, 212, 213, 217, 223, 225, 226, 228, 255, 260, 262, 266, 267, 269, 287, 290, 291, 306, 311—313, 329, 331, 336, 343, 356, 403, 404, 439, 473—476, 478, 479, 482, 483, 485, 489, 492, 493—496, 504, 519, 522, 524—530, 534, 536, 541
 Бриффе — 824
 Бротье, аббат — 742, 769, 770, 798, 809
 Брут — 137, 570, 923
 Брюн — 729
 Брюнрет де Веррьер — 196
 Брюлар де Силлери — 391
 Брюн — 189, 195, 196, 213, 702, 727, 819, 836, 839, 859, 922, 923
 Брюнэ — 389
 Буавен-Шампо — 302
 Буайе-Фонфред — 370, 393, 403, 406, 473, 476, 479, 482, 486, 496, 524, 527, 541
 Буалло — 479, 541
 Буаро — 773
 Буасси д'Англа — 3, 394, 439, 599, 601, 615, 637, 648, 660, 661, 663, 664, 675, 679, 684, 688, 689, 699, 723, 738, 773, 798
 Буве де Лозье — 933
 Бугенвилль — 727
 Буден — 614, 824
 Буен — 765
Бужар, Альфред — 518
 Буйлье — 111, 112, 149, 150, 154, 172, 223

Букэ, — 474, 475
 Буланже, генерал — 529
 Булонь, аббат, де — 780, 788, 791, 894
 Булэ (из деп. Мёрты) — 390, 723, 724, 785, 794, 828, 847, 852, 853, 863, 884, 891, 896, 935
 Бульеро — 645
 Буонаротти — 759, 760, 761, 765
 Бурбо — 255
 Бурботт — 306, 638, 833
 Бургиньон — 730
 Бурдон де Вагри — 729, 850
 Бурдон, Леонар — 170, 604, 605, 637
 Бурдон, из Уазы — 394, 614, 773, 798
 Бурмон — 816—819, 859
 Буррьенн — 914
 Буше — 464
 Буше де Сен-Совёр — 135, 185, 199, 213, 291, 401, 402
 Бушерио — 479
 Бушотт — 386, 832, 861, 911, 921
 Бэйль Монэ — 244, 245, 301, 393, 401, 402, 604, 614, 876
 Буэзо — 108, 154, 157, 193, 200, 201, 219, 319, 359, 404, 439, 452, 473, 475, 479, 481, 484—486, 489, 492, 493, 499, 505, 519, 524, 526, 536, 537, 542
 Бюффон — 38, 362, 477
Буше и Ру — 28, 186, 191, 251, 252, 253, 290, 592
 Бушо — 385, 390

В

Вадье — 156, 393, 401, 402, 412, 414, 512, 601, 602, 604, 614, 636, 637, 759, 765, 860, 921
 Валазе (Дюфриш-Валазе) — 350, 360, 475, 476, 479, 500, 541, 542
 Валанс — 295
 Валле — 480, 803
Валлон — 444
 Вауделенкур — 392
 Ваннвилль — 390
 Вардон — 614, 722
 Варлэ — 258, 263, 480, 546, 548, 550
Ватель — 475
 Вашар — 191, 497
 Вашингтон — 225, 321, 325, 789, 852, 872
 Вейсер — 876
 Венайль — 732, 733

- Вейрьё — 732
 Венсан — 229, 481, 562
 Венсан де Поль — 783
 Вержени, г-жа, де — 872
 Вернерей — 423, 431, 583
 Вернье — 203, 216, 481, 497, 615, 616, 717, 723
 Верньо — 14, 212, 222, 223, 231, 233, 261, 262, 265, 291, 329, 343, 358, 393, 394, 404, 406, 473, 474, 475, 476, 478, 481—484, 488, 489, 491, 495—497, 499, 524, 527, 531, 534, 537, 541, 591, 628, 947
 Веррьер — 196, 197,
 Вестерманн — 537, 563
 Виала — 197, 593
 Видален — 468
 Видаль, П. — 291
 Видаль, сын — 100
 Виже — 481, 482, 541
 Виллар — 392
 Вилларэ-Жуайез — 798
 Виллерс — 716, 723
 Виллет — 391
 Виллетар — 658, 682, 716
 Вильберфорс, Вильям — 325
 Вилло — 772, 773, 795—798
 Вильямс, Елена — 489
 Вильямс, Давид — 141, 325, 344, 352, 782
 Вимфен — 76, 484
 Вио — 119
 Вишо — 189, 197
 Вирьё — 89, 92, 158
 Вителлий — 15
 Воблан — 642, 664, 736, 773, 909
 Вовилье — 798
 Вожиен — 216
 Вожуа, Габриэль — 253
 Вольнэй — 864, 903, 936
 Вольтер — 13, 20, 21, 24, 38, 159, 481, 508, 781, 887
 Вуадель, Шарль — 308
 Вулан — 63, 393, 401, 402, 614
 Вьеллар — 727
 Вьено-Воблан — 798
 Вюртембергский, граф — 768
- Г
- Гаве — 390
 Гадэ — 212, 261, 262, 280, 291, 325, 354, 392, 403, 404, 473—476, 478, 480, 482, 483, 489, 496, 497, 498, 515, 522, 524—526, 534, 536, 537, 542, 591
 Газье — 588, 653, 889, 895
 Гайльяр — 244
 Галлуа — 938
 Гамбетта — 517
 Гамильтон, Джон — 325
 Гамон — 480, 615, 616
 Гантом — 863
 Гантуа — 480
 Гара — 289, 385, 386, 390, 599, 724, 727, 852, 864, 875, 903, 907, 921, 938
 Гарди — 21, 475, 480, 613, 614, 723
 Гардьен — 480, 482, 537, 541
 Гариль — 480
 Гарнье, Жермен — 20, 727, 732
 Гарнье, из деп. Об — 602, 614
 Гарнье, из Сент. — 401, 423
 Гарран де Кулон — 213, 864
 Гарро — 481
 Гаспарен, де — 391, 407—409
 Гастон — 459
 Гато — 389
 Гаугвиц — 932
 Гаки, Валентин — 782
 Гебер — 191, 270, 285, 286, 440, 523, 529, 530, 543, 559—562, 573, 589, 591, 601, 948
 Гебер де Лавиконтери (см. Лавиконтери)
 Гедсон, пророк — 33
 Гей-Вернон — 392, 801
 Геккэ — 480,
 Гельведий — 13, 22
 Гемберто — 421, 579, 823
 Геннет — 454
 Генрих IV Наваррский — 48, 140, 191, 282, 641
 Генц — 613
 Георг III — 33, 541
 Гёрто-Ламервилль — 732
 Герье — 22
 Гессенский, ландграф — 640
 Гессенский, принц — 876
 Гизо — 85
 Гийо-Дезербье — 713
 Гийо де Молан — 464
 Гийомар — 352, 365, 614
 Гильом, Ж. — 152, 197, 398, 402, 614, 646
 Гильотен — 77
 Гинеман де Кералло — 113, 199, 319
 Гюо, Флоран — 556, 588, 613, 728, 823, 864
 Гиро — 398
 Гите — 392, 480
 Гитон — 407

Гитон - Морво — 403, 404, 406—
 408, 615
 Глассон, Эммануэль — 197
 Глейзаль — 677, 724
 Го — 772, 798
 Гобель — 560, 571, 589, 590, 653
 Гогэ, Ж. — 181
 Годен — 850, 862, 863, 919
 Годафруа — 580
 Гойе — 385, 713, 727, 728, 828,
 830, 842, 844
 Голлис — 32
 Гольбах — 13, 22
 Гомижон — 713
 Гомэр — 392, 480, 694
 Гоншон — 255, 283
 Горá, Доминик Жозеф — 289
 Горани, — 325
 Гориб — 713
 Горсас — 74, 75, 91, 92, 136—138,
 165, 173, 287, 296, 306, 312,
 319, 480, 487, 510, 512, 520, 537
 Госсюэн — 376, 377, 381
 Готье, из деп. Эн — 614
 Готье де Биоза — 58, 85, 127, 160,
 255, 713, 732, 824
 Гош — 459, 640, 652, 729, 766,
 796, 817, 819, 836, 837, 839,
 859, 922
 Гравижнёв — 262, 305, 400, 473, 480
 Гранден — 59
 Гранэ — 409, 512, 604
 Грез — 780
 Грегуар — 55, 84, 85, 90, 96, 108,
 157, 186, 193, 200, 203, 289,
 306, 331, 370, 392, 393, 571,
 588, 646, 647, 651, 652, 653,
 655, 784, 786, 805, 806, 808, 864,
 882—884, 889, 895, 922, 936,
 938
 Гренвиль — 344
 Грено — 480
 Гризель — 759, 760, 765
 Гриммер — 392
 Грослер — 824
 Грувель — 268, 386
 Гуар-Лапланш — 392
 Гуалар — 28, 379
 Гувион Сен Сир — 922
 Гужон — 385, 386, 638, 833
 Гульер, де — 391
 Гуильо (из Монтэгио) — 215, 614,
 847
 Гуильо (из Фонтенэ) — 614, 699
 Гуиль де Префельн — 156, 699,
 723, 784
 Гурдан — 616, 724

Гутенберг — 325, 326
 Гутт — 96
 Гюгэ — 392, 713, 766
 Гюгенев — 270
 Гюго (из Об) — 732
 Гюгэ — 713
 Гюден де ла Бренелери — 21
 Гюсман — 564
 Гюффрау — 401, 402, 614, 784

Д

Дабрэ — 479
 Давид — 390, 393, 401, 402, 411,
 512, 592, 593, 601, 605, 784
 Давид, Алекс. 613
 Дальбарад — 385, 390
 Дальберг, барон — 934
 Далье — 390
 Дальфонс — 845, 864
 Дамбре — 698
 Дажу, аббат — 119, 732, 784
 Дансар, Клод — 124, 145
 Дантон — 14, 32, 70, 133, 160 —
 162, 164—166, 168, 188, 189,
 191, 195, 197, 199, 200, 213,
 251, 258, 267—270, 276, 290
 291, 307—310, 321, 322, 330,
 335, 343—345, 350, 356, 358,
 359, 361, 365, 371, 375, 385—
 388, 393, 399, 403, 404, 406—
 412, 416, 438, 440, 449, 472,
 477, 478, 482, 484, 488, 491, 492,
 494, 497—499, 500, 504—506,
 508—510, 512, 515, 516—522,
 524—527, 530, 532—538, 559,
 560, 563, 564, 566, 575, 576,
 591, 601, 602, 628, 635, 643,
 644, 820, 924, 946—948
 Дариньян — 583
 Даррак — 741, 791
 Дарте — 759, 764, 765, 832, 833
 Дартигоет — 401, 579
 Дебидур — 730
 Дебульон — 248
 Девез — 734
 Девен — 863
 Деверите — 479
 Девьё — 99
 Дегравер — 352
 Дежан — 863
 Дезанфан — 767
 Дезонэ — 362
 Дедожье 386
 Дездэ — 873
 Декан — 479
 Декарт — 570
 Декре — 863, 935

- Делакост — 724
 Делакруа — 217, 392, 407, 408, 411, 416, 512, 527, 533, 563
 Делакруа, из деп. Эры и Луары — 380, 406, 581
 Делакруа, Шарль — 468, 686, 700, 727—729, 795
 Деламар — 479
 Деландин — 157
 Деларю — 798
 Деларэ — 479, 671, 682, 683, 693, 741, 794, 798
 Делейр — 481, 676
 Делеон — 583
 Делессар — 221, 222
 Делонэ — 563, 738
 Делонэ, младший — 614
 Дельбрель — 845, 851
 Делькассо — 392
 Дельклуа — 479, 614
 Дельмас — 350, 393, 404, 406—408, 615, 723, 726, 901
 Деменье — 74, 85, 89, 160, 205, 727, 865, 909, 922, 926
 Демервиль — 876
 Демосфен — 495, 871
 Демуа — 191
 Демулен Камилл — 15, 69, 70, 81, 82, 95, 97, 112, 113, 132, 133, 134, 140, 154, 158, 166, 169, 189, 196, 213, 225, 226, 229, 251, 291, 309, 331, 404, 411, 416, 494, 512, 518, 537, 559, 560, 563, 589
 Демуссо — 88
 Денцель — 392
 Депер — 724
 Деперрэ — 475, 724
 Дефонель — 769
 Денуа — 507
 Дераза — 479
 Дербез-Латур — 732
 Дернио — 390
 Деспинасси — 391, 699
 Дессоль — 908
 Дестрем — 229, 823, 832, 845, 847, 851, 876
 Дестю де Траси — 903
 Деторси, Франсуа — 787
 Детурнель — 294, 386, 535
 Дефорг — 385, 535
 Дефермон — 85, 87, 90, 392, 403, 479, 615, 616, 654, 688, 699, 723, 863
 Дешево — 479
 Дидро — 13, 22, 516, 591, 595, 782
 Дидериксен — 564
 Дижон, братья — 255
 Дивез — 732, 733
 Диллон — 96
 Диоген — 642
 Лобан — 491
 Добантон — 864
 Добермениль — 782
 Добиньи — 824
 Доминик, св. — 814
 Дондо — 730
 Доппе — 823
 Дону — 392, 394, 479, 616, 660, 661, 663, 680, 687, 699, 722, 740, 741, 852, 854, 870, 873, 878
 Дормэ — 732
 Доссонвиль — 798
 Доши — 133, 203
 Друэ — 400, 401, 465, 759, 760, 764, 765, 832
 Дрюль — 392, 791
 Дубль — 479
 Дутьсе де Понтекулан — 391, 394, 479, 615, 616, 723, 739
 Думер — 798
 Дюбак — 700
 Дюбарран — 393, 401, 604, 614
 Дюбайе — 280
 Дюбрек — 700
 Дюбрюель — 793, 794
 Дюбуа дю Бе — 724
 Дюбуа, из деп. Вогеа — 863
 Дюбуа-Крансе — 344, 393, 403, 404, 406, 512, 539, 604, 615, 622, 665, 729, 742, 819, 830
 Дюбюк — 479
 Дюваль — 480, 730, 727
 Дюваль, Шарль — 530, 609, 743
 Дюверн де Прель — 769, 770, 775, 798
 Дювержье — 7
 Дюгем — 400, 637
 Дюге д'Ассе — 479
 Дюдон, г-жа — 473
 Дюзю — 479, 699, 723
 Дюкансель — 189, 624
 Дюкас — 583
 Дюкенуа — 400, 556, 638, 833
 Дюко, Жан Франсуа — 279, 331, 332, 365, 368, 473, 474, 476, 479, 482, 483, 496, 524, 530, 541
 Дюко, Роже — 699, 713, 723, 728, 829, 830, 842, 844, 847, 850, 856, 864
 Дюкруази — 724
 Дюлор — 479, 487
 Дюма — 638, 770, 798, 872

- Дюмолар — 716, 723, 773, 775, 798
 Дюмон, Эт. — 46, 154, 177, 401, 435, 474
 Дюмон, Андре — 394, 401, 569, 574, 603, 614, 615, 678
 Дюмурье — 5, 197, 223, 295, 339, 340, 350, 403, 405, 419, 458, 464, 471, 474, 498, 511, 525—527, 561, 774
 Дюмуше — 288
 Дюо — 808
 Дюпен — 389, 390, 479, 801, 811—813, 820, 827
 Дюплантье — 481, 736, 798
 Дюпле — 514, 765
 Дюпон, Жакоб — 392, 483, 508
 Дюпон, из Немура — 75, 85, 89, 154, 642, 663, 716, 723, 784
 Дюпор — 729
 Дюпор, Андриен — 62, 74, 85, 155, 156, 158, 201
 Дюпор-Дютергр — 152, 193
 Дюпра — 400, 475, 479, 541, 798
 Дюшои — 401, 727, 728
 Дюпкк — 713
 Дюран - Майльян — 15, 301, 601, 613, 620, 632, 647, 660, 661, 680, 699
 Дюруа — 407, 425, 637, 638
 Люсис — 713
 Дюфестель — 479
 Дюфрен — 863, 864
 Дюфриш Валазе, см. Валазе
 Дюфур — 318, 319, 728, 836
 Дюшастель — 479
 Дюшатель, из деп. Жиронды — 863
 Дюшатлэ — 155, 172
- Е**
- Елисавета, принцесса — 463
- Ж**
- Жавог — 604, 766
 Жаго — 402
 Жакмон — 729
 Жалдэ — 52, 96, 615
 Жанбон Сент-Андре — 316, 344, 350, 392, 393, 407—409, 413, 420, 525, 552, 558, 579, 610, 639, 921
 Жанлис, г-жа, де — 774
 Жани — 782
 Жанне — 23, 25
 Жансовне — 212, 261, 343, 345, 358, 393, 403, 404, 473—476, 480, 482, 483, 486, 488, 491, 497, 498, 524, 534, 537, 541
 Жар-Панвилье — 851, 865, 937
 Жари — 480, 765, 824
 Жарри-Манси — 853
 Женгене — 390, 727, 729, 903, 922
 Женевауа — 614
 Женисьё — 394, 552, 652, 670, 712, 713, 724, 727, 729, 823, 826
 Жербер, младший — 336
 Жервэ — 415
 Жерл-Доп — 63
 Жерль, дом — 96
 Жермен — 759, 760, 765
 Жибер-Демольер — 698, 716, 798
 Жиберг — 392
 Жоо, Теодор — 292, 294
 Жилле — 615
 Жирарден, Ренэ де — 131, 184, 240
 Жирарден, Станислав де — 865, 873, 907, 912, 914
 Жире-Дюпре — 252, 522
 Жиро — 480
 Жоанно — 389, 390, 699
 Жозефина — 919, 931
 Жолливе — 863
 Жольт — 594
 Жордан, Камиль — 792—794, 798
 Жорес — 145
 Жорри — 765, 824
 Жоффрау младший — 722, 724
 Жубер — 96
 Жуенно — 733
 Журдан — 600, 723, 768, 793, 798, 828, 830, 838, 847, 851, 922
 Журньяк де Сен-Меар — 289
 Жэ, из Сент-Фуа — 392, 401, 481
 Жюинье — 790
 Жюльен — 594, 595
 Жюльен (Дракон) — 407
 Жюльен, сын — 389, 425
 Жюльен, из Тулузы — 392, 401, 784, 824
 Жюльен, г-жа, де — 456
- И**
- Ид де Невиль — 930
 Изабо — 392, 539, 614, 699
 Изари де Валади — 391, 481
 Иснар — 231, 357, 393, 404, 406, 480, 482, 486, 492, 500, 524, 530, 533, 542, 621, 633, 639, 878
 Ишом — 392

Б

- Кабанис — 713, 838, 839, 852, 864, 903, 936
 Кабюше — 802—803
 Кавеньяк — 400, 401, 468, 570
 Кадруа — 621, 639, 640, 738, 798
 Кадудаль, Жорж — 766, 817, 928, 930, 933, 934
 Казабланка — 391
 Казалес — 90
 Казелли — 890
 Казен — 765
 Казенав — 479
 Казенёв, де — 392, 479
 Кайе де Жервиль — 221
 Како — 648, 893
 Калес — 614
 Калиостро — 889
 Калон, де — 391
 Калло — 231
 Камбасерес — 303, 371, 391, 404, 406, 613, 615, 616, 659, 660, 699, 712, 713, 729, 850, 857, 864, 871, 873, 878, 889, 906, 908, 909, 935, 937
 Камбон — 180, 181, 245, 278, 368, 393, 403, 406—408, 417, 437, 504, 527, 530, 534, 535, 551, 553, 565, 566, 577, 593, 601, 610, 611, 637, 643, 644, 645, 649, 723, 921
 Кампе, Иоахим Генрих — 325
 Камюс — 89, 329, 401, 404, 723, 729, 824, 860
 Канкло, генерал — 640
 Кант — 839
 Капет, Людовик, он же Людовик XVI — 166, 470
 Канон — 390
 Карбон — 876
 Карелли — 732
 Карнон-Низас — 937
 Карл Великий — 22, 457
 Карл IX — 794
 Карл, эрцгерцог — 775
 Карно — 393, 409, 414—416, 420, 424, 426, 440, 447, 448, 578, 595, 604, 614, 615, 632, 639, 726, 727, 730, 795—798, 850, 860, 863, 878, 909—922, 936, 946
 Карра — 168, 199, 218, 224, 225, 240, 251, 259, 287, 296, 305, 306, 310, 339, 479, 482, 541, 563, 566, 699, 873
 Каррье — 391, 396, 422, 561, 587, 628, 633, 635
 Каррэ — 28
 Карто — 461—539
 Кассе — 824
 Каstellан, г-жа, де — 872
 Каstellан, граф — 58, 59, 92
 Кафель — 713
 Кастера — 583
 Кателино — 459
 Катилина — 115, 492, 602, 605
 Катремер — 773
 Катремер-Кенси — 798
 Кафарелли — 863
 Келлерман — 340, 539, 864
 Кералио-Робер — 142, 168.
Kerap — 13
 Кервелеган — 400, 480, 614, 699
 Керсен — 14, 199, 200, 288, 391, 402, 403, 480, 488, 489, 500, 519, 521
 Кильман — 638
 Кинетт — 330, 331, 404, 723
 Киро — 614, 724, 733, 823
 Клавьер — 154, 268, 285, 339, 386, 473, 474, 493, 532, 534, 535, 542
 Клавдий — 15
Клареси, Ж. — 15, 81, 309
 Кларксон, Томас — 325
 Клебер — 768, 836
 Клеман, аббат — 786
 Клеман де Ри — 390, 877
 Клеманс — 824
 Клерваль — 208
 Клермон-Галлеранд — 931
 Клермон-Тоннер — 136, 201
 Кловель — 394, 614
 Клоотс, Анахарсис, он же Клоотс, барон, — 125, 142, 218, 224, 306, 325—327, 344, 355—357, 391, 489, 494, 497, 504, 560—562
 Клошток — 325
 Кобург, герцог — 552
 Кокюд — 824
 Коллен — 160
 Колдо д' Эрбуа — 14, 214, 218, 258, 292, 313, 330, 331, 344, 393, 394, 409, 413—415, 424, 506, 540, 555, 556, 559, 578, 594, 596, 600—604, 614, 615, 632, 636, 637
 Колломбель — 614, 727
 Коло-Лазальсет — 392
 Коломб, m-elle — 197
 Комбаз — 784
 Конде, принц — 455, 526, 933
 Кондорсе — 14, 23, 30, 39, 40, 41, 47, 97, 103, 108, 121—123, 156, 172, 175—177, 213, 214, 218, 223, 227, 228, 263, 269, 286, 291, 306, 312, 329, 343, 345, 350, 352, 357,

- 360, 363, 391, 392, 404, 406, 473,
474, 478, 479, 484, 486, 487,
500—502, 505, 514, 515, 520, 524,
537, 542, 666, 691
Консальви — 890, 891, 893
Констан, Бенжамен — 796, 820, 821,
865, 878, 922, 925
Конт, Шарль — 860
Конт, Огюст — 141
Корбель — 479
Корде, Шарлотта — 50, 513
Корматен — 640
Корне — 724, 842
Корнель — 96
Корнилло — 695
Корнюде — 724
Коршан — 784
Кост, аббат — 790
Костюшко, Фаддей — 325
Коффен — 824
Коффиналь — 604
Кошон — 457, 615, 699, 709, 727,
729, 798
Крассу — 584, 723
Краше — 824
Кревелье — 823
Крезе-Лагуш — 615, 659, 660, 661,
723, 784
Крезе-Паскаль — 911
Креньер — 59
Крепен — 824
Крестен — 261
Крете — 863, 864
Кретон — 824
Кретьен — 765
Крильон, де — 872
Кромвель — 32, 225, 226, 227, 605,
839, 843
Куаньи, де — 872
Купар — 722, 724
Купе, из деп. Уазы — 392, 622
Куппе, из Кот дю Нор — 400, 479
Курнан, аббат — 119, 126
Куртуа — 614, 699, 723, 842
Кустар — 479
Кутон — 215, 330, 344, 349, 361,
362, 369, 393, 407—409, 413, 414,
417, 425, 443, 518, 530, 534, 540,
576, 590, 593, 594, 595, 603—605,
609, 610
Кушерн — 798
Кюре — 935—937
Кюссе — 766
Кюсси — 479
- Л
- Лаборд, г-жа, де — 141
Лаборд де Меревиль — 62
Лабуль — 33
Лабуро — 562
Лавелане — 880
Лаверьн, Леонс, де — 29
Лавиконтери — 113, 114, 288, 291,
323, 343, 391, 400—402, 489
Лавилернуа — 769, 770, 798
Лавинь — 824
Лависс — 54
Лаво — 723
Лагард — 700
Лагарп — 119, 599, 887
Лагранж — 864
Лажоля — 933
Лаказ — 473, 475, 480, 541
Лаканаль — 392, 646, 676, 693, 903
Лакарьер — 798
Лакло — 188, 308
Лакомб, епископ Ангулемский —
895
Лакомб Сен-Мишель — 403, 541,
615, 699, 723
Лакост Эли — 394, 402, 412, 614
Лакретель — 642
Лакросс — 728
Лакруа — 94, 480
Лакюе — 723, 863, 884, 885
Лалаид — 392
Лалли-Толендаль — 61, 83, 84
Лалуа — 393, 402, 610, 615, 723,
732, 733, 865
Ла Люзерн, маркиз де — 17
Ламар — 675
Ламарк — 400, 713, 723, 794
Ламаргин — 473
Ламберти — 784
Ламбрехтс — 727, 729, 875, 936,
938
Ламет, Александр, де — 61, 153,
160, 168, 201
Ламет, Шарль де — 92, 156
Ламуретт — 233
Ламэньер — 712
Лано — 401, 466, 467, 578, 579
Лангдуа — 641
Ланжюнна — 310, 350—353, 394,
480, 500, 533, 534, 537, 620, 633,
652, 654, 660—662, 664, 668, 670,
672, 680, 682, 699, 717, 875, 922,
938
Лани — 389
Лани (Lannes) 922, 923
Лантена — 119, 189, 343, 379, 480,
493, 522, 533, 665, 738
Лапланш — 465, 543, 555
Лаплас — 838, 850, 879

- Лаплэнь — 480
 Лапойп — 189, 195
 Лапорт — 276
 Лапорт, Себ, де — 614, 615, 645
 Ларевельер-Лепо — 394, 406, 480,
 616, 659, 660, 661, 663, 672, 683,
 699, 723, 726, 728, 730, 777, 784,
 796, 797, 828, 829, 830
 Ларивьер, шевалье, де — 195, 196,
 773
 Ларомигьер — 865
 Ларошжаклен — 460
 Ларошфуко-Лпанкур — 860, 872
 Ларошфуко, герцог де — 62, 154,
 200
 Ларрок, г-жа — 583
 Ласепед — 907, 938
 Ласурс — 328, 329, 334, 392, 393,
 400, 404, 406, 480, 489, 490, 500,
 519, 537, 541
 Латремойль — 770, 816
 Ла Тур дю Пен Полен — 56
 Латур-Мобур — 150, 860, 912
 Лафайетт — 15, 22, 35, 36, 39, 53,
 60, 111, 112, 139, 154, 157, 159,
 160, 161, 171, 190, 193, 209, 221,
 223, 225—228, 233, 250, 252, 253,
 263, 275, 297, 457, 860, 912, 913
 Лаффон-Ладеба — 262, 698, 723,
 798
 Лафон де Савин — 894
 Леба — 401, 402, 418, 518, 603,
 604, 605
 Лебан — 824
 Леблан — 713
 Лебон — 392, 401, 402, 415, 422,
 435
 Лебрен (Le Brun) — 113, 268, 344,
 385—387, 474, 534, 535, 542, 723,
 857, 864, 871, 931
 Лебретон — 480, 681, 726, 749
 Лебуа — 260, 740
 Лебуа-Дегэ — 155
 Левассер — 370
 Левассер, из деп. Мёрты — 614,
 724
 Левассер, из деп. Сарты — 365,
 368, 512, 548, 637
 Левек — 733
 Левис, герцог, де — 59
 Леви-Шнейдер — 558
 Легальер — 803
 Легарди — 480, 482, 541
 Легиллье — 390
 Легодей — 89, 92, 204
 Легран — 84, 658
 Лежандр, из Парижа — 160, 196,
 394, 400, 401, 563, 581, 605,
 614, 622
 Лежен, из деп. Эндры — 401, 465.
 Лезэ-Марнезия — 642
 Лейрис — 400, 401, 861
 Локамос — 389, 390
 Лекарлье — 480, 727, 730
 Лекрарпантье — 579
 Лекинно — 465, 579, 580, 823, 861
 Леклери, из деп. Мэн-и-Лудры —
 480, 724, 785
 Лекоз — 652
 Лекуантр, Лоран — 627, 628, 633,
 636, 637, 860, 876, 911
 Лекуант-Пюираво — 401, 723, 741,
 851
 Лекур Жан — 197
 Лекурб — 922
 Лекуте-Кангле — 698, 723, 935
 Лемальо — 613, 732
 Леман — 392
 Лемаршан Гомкур — 798
 Лемерсье — 724, 852
 Лемонтей — 217
 Лемрер — 738, 793, 794, 798, 807
 Лемуан д'Обермениль — 391
 Лемэньян — 480
 Лемэр — 287
 Лендэ, Робер — 393, 406, 407, 409,
 413, 414, 416, 417, 527, 563, 578,
 632, 636, 639, 713, 714, 729, 732,
 759, 765, 830
 Лендэ, Тома — 154, 165, 167, 197,
 317, 392, 407, 550, 823
 Лемуан-Ларош — 713, 729, 852, 875
 Леонид — 591
 Ленъело — 401, 569, 580, 614, 759,
 765, 876
 Лепелетье де Сен Фаржо — 306,
 308, 391, 400, 456, 544, 573
 Лепелетье Феликс — 758, 760, 765,
 832, 833, 851, 876
 Лепэж — 25
 Леребур — 390
 Леритье — 390
 Лесаж — 475, 659, 661, 668, 680
 Лесаж, Лизап Эр-и-Луар — 480,
 614—616, 619, 660, 699
 Лескалье — 863, 864
 Леско-Флерно — 594
 Лескюр — 460
 Леспаньоль — 564
 Леспинас — 907
 Лестер-Бовэ — 480, 482, 541
 Ле Тео — 351
 Летурнё — 183, 806

- Летуриёр, из деп. Ламанша—394,
 616, 699, 726, 727, 729, 772
 Лефевр—480, 719, 728, 836, 843
 Лефюо—467, 580, 581
 Лефран—190, 197
 Лешапелье—155, 160, 193, 203
 Лидон—475, 480
 Лижере—723
 Лоз де Перра—391, 480, 482, 541
 Локк—32
 Локре—724, 864
 Локруа—456
 Ломм—102
 Ломбар-Лашо—392
 Ломон—390, 614, 798
 Ломюр, генерал—561
 Лоран—470
 Лоранс—480, 631
 Лорансо—480
 Лориня—132
 Лористон, г-жа де—919
 Лосса—852
 Лотренже аббат—481, 482
 Луазель—480
 Луазо—480
 Лувэ—309, 310, 394, 475, 499,
 500, 501, 505, 522, 524, 534, 536,
 537, 542, 633, 681, 687, 693, 738,
 743
 Лувэ из Луарэ—480, 483, 615,
 660
 Лувэ, из деп. Соммы—480, 613
 Луи, из деп. Нижнего Рейна—394,
 402, 614
 Луи Филипп—см. Людовик Фи-
 липп
 Луккезини—932, 934
 Лукреций—591
 Лусталло—95—97, 108—110, 112,
 184, 316
 Лусталэ де Сен-Поль—583
 Луше—581, 603, 609
 Лъвен—390
 Любен—562
 Людовик XIV—17, 18, 25, 49,
 471
 Людовик XV—13, 17, 24, 26, 38,
 396, 470, 947
 Людовик XVI—11—13, 15, 17, 26,
 35, 48, 56, 70—72, 96, 97, 99,
 108, 111—113, 116, 117, 137—
 139, 141, 143, 144, 146, 147—
 153, 157—159, 161—163, 165—168,
 170—172, 178, 179, 181, 183—186,
 188, 189—191, 199, 205, 209, 214,
 218, 219, 221, 223, 229—233, 236,
 240, 241, 243, 245—247, 250, 251,
 253, 256—268, 272—279, 281, 282,
 285, 286, 288, 291, 294, 295, 304,
 305, 307, 311, 331, 336, 384, 391,
 399, 406, 418, 453—458, 460, 462,
 471, 474, 478, 497, 504, 505, 523,
 524, 630, 757, 771, 779, 816, 857,
 880, 946
 Людовик XVII—116, 457, 460,
 461, 463—466, 534, 540, 640
 Людовик XVIII—640, 642, 742,
 766, 767, 770, 774, 788, 790, 795,
 797, 816—820, 823, 840, 849, 885,
 887, 890, 891, 893, 894, 910,
 930—932
 Людовик св.—932
 Людовик Филипп—76, 308, 355,
 375, 391, 756, 947
 Люкнер—233
 Люлье—270, 389, 531, 564
 Люсэй, г-жа, де—919
 Лютье, Николай—464
- M
- Мабли—13, 19, 22, 34, 35, 37, 39,
 40, 47, 96
 Мадисон, Н.—325
 Мадье—798
 Мажанти—600
 Мажен—390
 Мазад-Персен, де—391
 Мазюе—480
 Майль—623, 682, 736, 798
 Майльи—391
 Мак-Кюртэн—798
 Макдональд—842, 922, 923
 Мале—938
 Малес—724
 Малларме—275, 393, 407, 454, 468,
 601, 645
 Маллэ дю Пан—32, 35, 49, 71,
 209, 773, 854, 855
 Малд—770
 Малуэ—52, 60, 74, 153, 155, 156
 Мальяр—798
 Мандар—133, 170, 177, 732
 Манюэль—219, 234, 236, 274, 284,
 294, 296, 329—331, 342, 400, 480,
 500, 506, 542
 Марас—732
 Марат—70, 74, 75, 94, 104—108,
 117, 129, 138, 139, 141, 161—163,
 197, 287, 290, 291, 308—310, 313,
 314, 321, 322, 396, 402, 404, 461,
 473—476, 478, 487, 491, 497, 504,
 505, 509—515, 517—522, 524,
 525—527, 529, 533, 544, 547, 548,
 550, 573, 633, 635, 764

- Марат, вдова — 876
 Марбо — 392, 480, 723
 Марек — 615, 616
 Мареско, генерал — 728, 836
 Марешаль Сильвек — 760, 763
 Мария Антуанетта — 158, 222, 277, 463
 Мармон — 863
 Мармонтель — 17
 Маро — 782
 Маррагон — 723
 Марсель — 248
 Марсо, генерал — 768, 836, 871, 922
 Мартен, контр-адмирал — 727, 728
 Мартен — Сен-Ромэн — 480
 Мартен, Франсуа — 197
 Мартик — 390
 Мартинцана — 890
 Маршан — 833
 Марэ — 863, 936
 Марьет — 614, 621
 Масса — 480
 Массар — 760
 Массена — 702, 727, 728, 819, 836, 839, 859, 922, 924
 Массье — 96, 392, 581
 Массюлар — 186
 Матьё — 124, 252, 330, 361, 394, 407, 408, 530, 659, 770
 Матьё, аббат — 614
 Матон — 390
 Меге де ла Латуш — 284, 285, 933
 Меда — 605
 Медичи, Катерина — 794
 Мейльян — 475, 476, 480, 493, 699
 Мекинтош — 325
 Менап — 255
 Менвель — 480, 541
 Менессье — 765
 Мену — 638
 Менье — 540, 637
 Мёнсьё — 191
 Меолль — 401, 614
 Мерлен, из Дуэ — 394, 406, 613, 615, 616, 627, 633, 659, 660, 700, 708, 727—729, 795, 798, 828, 829, 830
 Мерлен, из Триовилля — 212, 296, 309, 394, 506, 524, 609, 614
 Мерлино — 861
 Мерсан — 772, 773, 798
 Мерси, де — 799
 Мерсье — 350, 370, 390, 480, 903
 Метж — 876
 Мижон — 255
 Миле де Мюро — 729
 Милло — 555
 Мильтон — 457
 Мишье — 853
 Мио — 390
 Мио де Мелито — 863, 873, 911
 Мирабо — 14, 23, 35, 52, 59, 60, 63, 76, 78—80, 89—91, 95, 147, 165, 200, 221, 308, 495, 513, 517, 668, 946, 947
 Миранд — 724
 Миранда — 798
 Мишель — 480
 Мишле — 190, 191
 Мишле из деп. Крез — 733
 Мишо — 278, 401, 422, 642
 Мишо из деп. Ду — 401
 Модрю — 344
 Моллево — 475, 480, 537, 723
 Мольер — 169
 Мольетто — 392
 Моморо — 196, 213, 229, 258, 260, 318—320, 561
 Монж — 268, 333, 336, 385, 727, 823, 838, 864, 926
 Монвель — 576
 Монестье — 392, 584
 Монестье, из деп. ла Лозер — 193, 582, 583
 Монестье, из деп. Пюи де Дом — 512
 Монк — 930
 Монлозье — 84, 89
 Моннель — 392
 Монсейю — 614, 808
 Монморанси, граф де — 58
 Монморен, граф де — 116, 507
 Монпансье, граф де — 158, 774
 Монперон Луи — 390
 Монсэй, генерал — 640
 Монтестье — 13, 19, 70, 387, 691, 872
 Монтеस्कью — 339
 Монто, де — 381, 400
 Монтье, А. — 165, 167, 550, 614
 Монтэнъ — 23
 Мопу — 27
 Мор — 306, 401, 422, 432, 526, 585, 586, 587
 Морган — 798
 Мори — 11, 69, 112, 208, 885
 Морие, аббат — 352
 Моррис — 16, 17, 71, 141, 352
 Моррисон — 580
 Моро — 390, 724, 768, 797, 824, 838, 839, 843, 844, 891, 922, 924, 929, 933, 940
 Моро де Сен Мери — 863

Моро, из деп. Понны — 724, 832
 Мортимер-Терно — 258, 275, 318
 Моруа — 765
 Мосси, Огюст — 244
 Мотуше — 246
 Моэн — 562
 Муассон, Франсуа — 247
 Муассэ — 480
 Мулен, генерал — 713, 727, 728, 829, 830, 836, 842, 844, 845
 Мунье — 16, 23, 24, 36, 52, 53, 57, 60, 61, 71, 73, 74, 76—80, 82—84, 923
 Мурайль — 244, 245
 Мурр — 390
 Мурэ — 99
 Мэсс — 480
 Мюге де Нанту — 155, 185
 Мюрер — 698, 723, 770, 798, 914
 Мюринэ — 798
 Мюскинэ, де Сен-Феликс — 196
 Мюссе — 392, 468

И

Наполеон I — см. Бонапарт
 Нарбони — 221, 228, 507
 Неккер — 11, 29, 49, 50, 53, 54
 Ноайль, виконт де — 798
 Ноайль, г-жа, де — 872
 Ногаро де Сен-Поль — 583
 Нодон — 824
 Нодье, Шарль — 473
 Норуа, Ш. — 220
 Ноэль, Луи — 480
 Нусситу — 85, 86
 Нэжон — 903

О

Обелеи — 351, 480
 Обер — 713
 Обер-Дюбайе — 700, 729
 Обри — 479, 615, 616, 697, 798
 Огис — 566, 614
 Одибер — 244
 Одрен — 392, 801, 877
 Одуен, Ксавье — 270, 400, 512, 824, 832
 Ожеро — 784, 796, 832, 836, 846, 922, 924
 Олар, Альф — 21, 38, 48, 309, 587, 909, 945
 Оливье — 114
 Оливье-Жерайт — 480
 Омон — 390
 Орлеанский, герцог — 11, 54, 158, 164—166, 259, 307—310, 391, 453, 534, 774, 775

Орри де Мопертюи — 95
 Осселен — 401
 Оссонвиль — 904
 Отишан, д' — 818, 819, 859
 Отрив, д' — 884

П

Пави — 798
 Паганель — 376, 392, 473, 487, 495, 526, 699
 Палан Шампо — 601
 Паниц — 199, 321, 401, 402, 506, 512, 604
 Паради — 723, 798
 Паран — 784
 Паре — 386, 732
 Парри — 650
 Паррен — 255, 765
 Пастораэ — 213, 216, 217, 716, 723, 740, 770, 773, 798
 Паоли — 540, 541
 Паув Корнель — 325
 Наш — 270, 386, 474, 523, 531, 534, 561, 562, 911, 921
 Пейан — 389, 562, 594, 603—605
 Пейр — 191, 480
 Пейссар — 391, 638
 Пеле, из деп. Лозеры — 394, 615, 657, 659, 699, 723, 863, 889, 934
 Пелисье — 732, 803
 Пельтье — 454
 Пемартен — 614
 Пеньер — 682, 851, 865
 Пенен-Дегруэтт — 124, 613
 Перес — 613, 724
 Перисс — 480
 Перикл — 484
 Перлэ — 605
 Перрен, из деп. Вогеэ — 614, 724
 Перру — 120
 Песталоцци — 325
 Петти — 480
 Петис — 729, 863
 Петтион — 86, 90, 108, 127, 142, 150, 154—157, 186, 193, 194, 200, 201, 211, 219—223, 229, 230, 234, 236, 247, 248, 255, 258, 262, 270, 274, 284, 329, 343, 392, 403, 404, 473—475, 477, 480, 484—486, 488, 491, 499, 519, 523, 524, 526, 534, 536, 537, 542
 Пизон дю Галан — 723
 Пий VI, папа — 804
 Пий VII, папа — 885, 891, 899
 Пикке — 389, 390
 Пиластр — 480

- Пилль, генерал — 390, 728, 836
 Пинэ — 401, 468
 Питт — 526, 552, 590, 874
 Пишгерю — 723, 772, 773, 795—
 798, 860, 933, 934
 Пласс — 255
 Платон — 814
 Плевиль-Лепелле — 729
 Плутарх — 478
 Полиньяк — 933, 934
 Полиссар — 772, 798
 Поллар — 713
 Поллио — 248
 Помро, американец — 583
 Помро, старший — 583
 Помм, Андре — 353, 483
 Понселен — 642, 743
 Понс, из Вердена — 199, 613, 724
 Пор Селестен — 458
 Порталис — 698, 717, 723, 742,
 798, 867, 872, 889, 897, 898, 914,
 935, 938
 Портье, из Узы — 713, 729
 Порше — 613, 717
 Потонье — 389
 Потье, III. — 728, 911
 Пошоль — 392
 Праден — 936
 Преси, де — 539, 769
 Прессак-Депланш — 732
 Приёр — 153, 156, 578
 Приёр, из Кот д'Ор — 393, 409,
 413, 414, 416, 536, 615, 921
 Приёр, из Марны — 90, 153, 156,
 186, 339, 393, 394, 404, 409, 413,
 420, 610, 615, 638, 832, 921
 Пристли, Джозеф — 325
 Прованский граф — 454, 462, 640
 Прожан — 724
 Проли — 770
 Прэр-Монто — 798
 Прюдом — 231
 Пуассон — 723
 Пужар-Дюлембер — 726
 Пулен-Гранпре — 723
 Пультье — 392, 681, 743
 Пэн Томас — 13, 33, 141, 172, 173,
 175, 218, 306, 325, 343, 480, 484,
 524, 665, 699, 782
 Пьер, В. — 407
 Пьерра — 614
 Пьерон — 824
 Пюизе, граф, де — 769, 774, 816
- Р
- Рабо, младший — 809
 Рабо Помье — 359, 360, 392, 480,
 615, 616
 Рабо Сент-Этьенн — 72, 289, 302,
 329, 350, 392, 393, 403, 480, 500,
 515, 519, 520, 523, 534, 537, 542,
 545—548, 550, 551
 Рабюссон-Ламот — 281
 Рамбо — 54
 Рамель — 361, 364, 407, 408, 530,
 551, 553, 601, 770, 798
 Рамель де Ногаре — 89, 729, 795
 Рапина — 826
 Раффрон — 330
 Реаль — 165—167, 252, 552, 743,
 824, 863, 921
 Ребекки — 480
 Ребелья — 85, 90, 203, 394, 614—
 616, 699, 726, 727, 730, 777, 796,
 797, 826, 827, 830
 Ревршон — 614
 Редели — 197
 Редерер — 87, 92, 153, 154, 200,
 288, 474, 546, 661, 835, 840, 853,
 854, 863, 867, 887, 889, 910, 913,
 914, 919, 935
 Редон — 863
 Редон-Бопрео — 727
 Рейналь — 13, 23
 Рейнар — 729, 830, 850
 Рейно — 732
 Рекамье, г-жа — 634
 Ремоза, г-жа, де — 919, 943
 Рено — 392
 Рено, из деп. Ори — 729
 Реньо, из Сен-Жан-д'Анжели —
 863, 935
 Рено, Сесиль — 595, 600
 Ренье — 723, 842, 843, 852, 863,
 864, 914, 935
 Рец, кардинал, де — 12
 Риберо — 480
 Ривароль — 60
 Ривери — 480
 Риво — 480, 713
 Ривьер, маркиз, де — 933, 934
 Рикор — 759, 765
 Риу — 723
 Риуфф — 757
 Ришар — 615
 Ришар, старший — 196
 Рише де Сериизи — 634, 740
 Ришо — 445
 Ришу, из деп. Эра — 480, 533
 Робер — 113, 115, 125, 132, 141,
 145, 163, 164, 178, 179, 190, 191,
 197, 250, 255, 270, 290—292,
 344, 823, 921

Робер, Луиза — 113—116, 125, 126,
138, 141, 142, 145
Робер-Кералио, г-жа — 125, 126
Робержо — 392, 614
Робеспьер, Максимиллиан — 8, 14,
70, 74, 85—88, 91, 92, 108, 111,
112, 127—130, 132, 135, 141, 143,
147, 156, 160, 161, 186—188, 193,
194, 197, 200, 202, 210, 221,
225—229, 241, 249—252, 256,
257, 260, 270, 283, 287, 290, 291,
299, 309, 311, 313, 314, 319—
322, 324, 341, 344, 354—357, 365,
366, 368—371, 373, 375, 381, 391,
393, 394, 399, 403, 404, 406, 409,
412—414, 416, 417, 429, 440,
441, 443, 444, 448, 451, 468, 472,
478, 482, 483, 484, 491, 496, 497,
498, 499, 500, 503, 509, 510,
512—522, 524, 526, 531, 532,
534—536, 541, 544, 549, 559, 561,
563, 565, 574—577, 582, 584,
587—591, 593—596, 598—605,
607, 609, 610, 621, 622, 626—
628, 631—633, 636, 643, 644,
656, 672, 675, 681, 689, 690, 822,
924, 946, 947
Робеспьер, младший — 422, 512,
534, 587, 603, 605
Робеспьер, сестра Робеспьера —
876
Робана — 518
Ровиго, герцог, де — 934
Ровар — 391, 394, 400, 401, 432,
614, 699, 798
Роган, кардинал, де — 96
Розембуа — 100
Рокан — 887
Ролан — 141, 161, 223, 246, 255,
268, 276, 285, 308, 333, 336, 343,
386, 387, 388, 403, 473, 474, 477,
487, 488, 489, 490, 491, 492, 493,
519, 520, 522, 523, 525, 534, 542,
922
Ролан, г-жа — 114, 120, 125, 127,
141, 148, 154, 161, 164, 179, 190,
197, 261, 375, 473, 477, 478, 483,
484, 485, 486, 488, 489, 491, 492,
497, 498, 499, 500, 515, 519, 534,
542, 947
Ромм — 350, 351, 352, 393, 512,
536, 558, 570, 638, 833
Ронделе — 390
Ронсен — 561, 562
Россе — 723
Росиньоль — 255, 270, 760, 765,
784, 876

Ротондо — 197
Рошгюд, де — 391
Рошко, де — 770
Ру — 584
Ру (Верхняя Марна) — 392, 615
Ру, Жак — 548, 550
Ру-Фазильяк — 580, 732, 734
Руайе — 195, 392, 480, 653, 884
Руайе-Коллар — 76, 93, 794
Руайу — 170
Рубо — 700
Руже — 818
Руже де Лиль — 246, 836
Рузэ — 480, 671, 678, 748
Руиё — 480, 791
Руо — 480
Русильон — 197
Руссель из Мон-Террибль — 733
Русселл — 308
Русселл де Сент Альбен — 820,
829
Руссо Ж.-Ж. — 13, 21, 40, 41, 47,
70, 81, 82, 89, 96, 119, 167,
177, 184, 202, 219, 322, 478, 481,
483, 503, 516, 573, 590, 591, 592,
595, 633, 713, 780, 781, 783
Руссо — 723
Рюан — 400, 555, 637
Рюль — 365, 392, 393, 401, 402,
404, 470, 512, 614, 638
Рюмар — 772
Рюо — 480
Рютлэдж — 119, 140

С

Савари — 458, 480, 724
Савуа-Роллен — 920
Саладен — 252, 480, 636, 699, 798
Саллангро — 683, 700
Салль — 334, 358, 359, 475, 480,
500, 537, 542
Сальм, Эмм де — 161
Сальмон — 480
Самуил, пророк — 33
Санадон — 392
Сантерр — 158, 191, 196, 199,
247, 784
Санги — 196
Сапино — 640
Севестр — 614, 724
Сеген — 392
Сегюр, старший — 872
Сен-Жюст — 14, 170, 266, 344,
357, 359, 361, 362, 393, 407,
408, 409, 413, 414, 417, 420, 449,
450, 484, 492, 518, 530, 536,

537, 554, 561, 563, 564, 584, 601,
602, 603, 604, 605, 609, 610
Сен-Мартен, из деп. Ардеша —
682
Сен-Маррен-Валонь, из деп. Авей-
рона — 480
Сен-Пьеру, Бернарден-Анри де —
219, 784
Сен-Режан — 874, 876
Сен Рене Талландье — 65
Сен-Симон — 929
Сент-Бёв — 485
Сент-Юрюж — 70
Сеньобос — 32
Серакки — 876
Серван — 255, 268, 285, 311, 340,
386, 784
Сервиер — 732
Сержан — 135, 189, 199, 213, 876
Серизье — 224
Серр — 480
Сибло — 583
Сидней — 32, 225
Снейс — 10, 14, 23, 60, 82, 160,
173, 174, 175, 198, 200, 261,
276, 343, 351, 392, 394, 403,
404, 615, 616, 659, 661, 676,
677, 699, 723, 727, 728, 828,
829, 830, 835, 837, 839, 840,
841, 842, 844, 846, 847, 850,
852, 853, 854, 856, 864, 875,
922, 936
Сижас — 713
Сикар, аббат — 790, 886
Силий Италик — 868
Силлери — 308, 339, 480, 482, 541
Симеон — 723, 742, 798
Симон, генерал — 923
Симон — 392
Симонн — 315
Смитс Ж-Ж — 113
Собри — 782
Сократ — 591, 648, 783, 814
Солон — 923
Сорин — 392, 480, 653
Сотен — 729, 784, 801
Спнна, монсеньер — 648, 890, 891
Сену Люд. — 697, 719, 804
Сталь, г-жа, де — 634, 796, 871,
922, 923, 925
Стоффле — 459, 640, 766
Субейран де Сен-При — 480
Субрани — 391, 638, 833
Суворов — 829, 830, 841
Судльняк — 480
Сулла — 115
Суэ, Жюльен — 665

Сюар — 798
Сюарес — 42
Сюзанна — 816
Сюло — 197

Т

Таво — 724
Талебран — 61, 200, 729, 830, 839,
840, 842, 862, 863, 872, 922, 932,
935
Тало — 741, 823, 847, 851, 876
Талуэ, г-жа де — 919
Талльен — 154, 270, 309, 393, 400,
506, 538, 539, 602, 604, 610, 615,
616, 620, 622, 629, 632, 634, 657,
738
Талльен, г-жа — 634
Тальефер — 555
Тарбе — 727, 772
Тарже — 60, 62
Татон Лжкрёзад — 583
Темин, епископ Блуа — 894
Тенье — 231
Тео, Катерина — 412, 601, 602
Тери — 824
Терраль — 732
Террассон — 322
Террье — 240
Террье де Монсиель — 179
Тессе, г-жа де — 17
Тибо — 89, 392, 878
Тибодо — 12, 394, 614, 616, 620,
634, 642, 658, 659, 660, 661, 668,
672, 675, 676, 678, 680, 681, 687,
709, 717, 723, 773, 805, 863, 882,
901, 907, 908, 936, 938
Тири, Этьенн — 425
Тирион — 469, 732, 733
Тиссо — 390, 713, 824, 842
Тисье — 196
Тома — 803
Топино-Лебрен — 876
Торильон — 135
Торне, де — 392
Траян — 15
Трейлар — 393, 406, 407, 610, 615,
723, 727, 728, 828, 935
Треуар — 421, 699
Тронсон, Дюкдрэ — 798
Тронше — 717, 723
Трюгэ — 700, 795
Тулонжон — 295, 340
Турнё Морис — 228, 229, 255, 283
Турнье — 480
Турэ — 84, 94, 202, 203
Тутен — 824

Тьер — 473
 Тэн — 147, 433
 Тэо, Катерина — 412
 Тюрго — 13, 29, 41, 147, 213, 285
 Тюрно — 252, 280, 344, 350, 360,
 365, 366, 369, 393, 406, 409,
 610, 615, 622, 637
 Тюрпен-Криссе, г-жа де — 819
 Тюрро — 608

У

Удар — 713
 Удо — 613
 Ульрих — 784

Ф

Фабр — 218, 842.
 Фабр-Фон — 470
 Фабр д'Эглантин — 109, 199, 269,
 270, 320, 368, 403, 412, 512,
 518, 560, 563, 564, 570
 Фабр., из деп. Эро — 420
 Файо — 309
 Файоль — 480
 Фарко — 713
 Фенелон — 219
 Ферран, Ант. де — 460, 463
 Ферран-Вальян — 772, 798
 Феро — 637, 662
 Ферру — 480
 Феррьер — 71, 73, 156
 Фике — 480, 824
 Филипп II — 794
 Филипп Деллевиля — 480
 Филипп Эгалитэ (он же герцог
 Орлеанский) — 309, 310, 452, 505,
 774
 Филиппо — 179, 330, 411, 416, 518,
 559, 563
 Финно — 304
 Фион — 760, 765, 823, 824
 Флаго, де — 141
 Фламермон — 261
 Флер, де — 197
 Флери — 480
 Флерио — 389
 Флерио Леско — 562, 605
 Флёрё — 771, 863
 Фокедей — 304, 331
 Фолкон, Фелике — 808
 Фонтан — 887, 926, 935, 938
 Фонтэн — 248
 Фор — 480, 671, 678
 Форестье — 638
 Фориель — 909
 Форфэ — 862, 863

Фоше — 69, 120, 121, 137, 280,
 291, 306, 343, 386, 392, 400,
 474, 480, 482, 500, 533, 541
 Франкастель — 407
 Франквилль — 550
 Франклин — 33
 Франсе, из Нанта — 230, 828
 Франсуа, из Нёшато — 295, 323,
 329, 727, 729, 732, 798, 814,
 864, 935, 943
 Франциск I — 932
 Фрежвилль, генерал — 818
 Фрей — 564
 Фрей-Фурнье — 181, 274, 275, 300,
 301
 Фреманже — 432, 722
 Фрерон — 194, 195, 197, 213, 475,
 598, 599, 604, 620, 632, 634, 657,
 699
 Фрерон, вдова — 197
 Фрето — 75, 77, 78
 Фри-Давид — 733
 Фридрих Великий — 782
 Фридрих Вильгельм — 218
 Фронтен — 94
 Фротте (Луи де) — 766, 771, 773,
 816, 817, 818, 819, 859
 Фропер — 880
 Фуко-Лардимали — 78
 Фукье-Тенвиль — 541, 542, 563, 628,
 635
 Фуркад — 390
 Фуркруа — 615, 863, 887
 Фурнье — 255, 719, 724
 Фурнье, аббат — 880
 Фурнье, Американец — 213
 Фурье Жозеф — 935
 Фусседуар — 392
 Фуше — 392, 540, 555, 556, 569, 604,
 622, 730, 830, 842, 843, 850, 852,
 859, 862, 876, 880, 895, 896,
 921, 925, 935
 Фьева — 642
 Фэй — 480
 Фэпуль — 700, 729

Ц

Цицерон — 15, 464, 648, 871

Ч

Черутти — 14, 22, 23

Ш

Шабо — 212, 217, 260, 309, 312,
 321, 323, 330, 343, 344, 365,

- 392, 400, 401, 412 473, 474, 506,
524, 563, 852, 909
Шабо-Латур — 937
Шабру — 155
Шазаль — 615, 713, 724, 846, 852
Шаль — 392, 637, 658, 659
Шалье — 531, 544, 573
Шамбон — 475, 479, 523, 543, 621,
639
Шампань — 713, 863
Шампанье — 375, 734
Шампаньи — 863
Шампиньи, Клеман — 911
Шампиньи, Обен — 911
Шампион — 160
Шампион де Сисе — 57
Шапелль — 876
Шаплэн — 808
Шаптазь — 838, 863, 864, 910
Шаравай, Этьен — 213, 292
Шаретт — 640, 641, 766
Шарлье — 393
Шартрский, герцог — 309, 774
Шартье — 255
Шассен — 296, 338, 458
Шассэ — 329, 479, 723
Шассэй — 734
Шастене, г-жа де — 921
Шастеллен — 479
Шателлэ, маркиз де — 228
Шатильон — 816, 817, 818, 819
Шатобриан — 28, 34, 35, 37, 54,
794, 887
Шатонёф-Рандон — 391, 540, 543
Шевалье — 876
Шемен — 782, 783, 785, 883
Шенье, Андре — 40, 491
Шенье, Мари Жозеф — 51, 306,
394, 437, 570, 614, 616, 620, 646,
647, 648, 649, 713, 717, 723, 738,
779, 784, 838, 852, 865, 922
Шени — 252
Шерер — 729, 767, 826
Шиллер — 325
Шовелен — 920
Шодерло де Лакло — 142, 164, 188
Шодрон-Руссо — 596
Шокен — 12
Шометт — 191, 258, 260, 270, 296,
523, 527, 560, 562, 569, 571,
572, 573, 587, 589, 590, 591
Шометт, вдова — 876
Шомон, Д. — 700
Шолла — 792
Шошо, Д. — 102
Шудье — 246, 637, 876
- Э
- Эгалите (см. Эгалитэ), Филипп —
309
Эгийон — 872
Эгуен — 181
Эдувиль — 819, 859
Эймар д' — 63, 74, 603
Эллио, Жильбер — 541
Эльбэ д' — 460
Эльдерс, г-жа — 123
Эмбер — 71, 114, 683, 876
Эмбер-Коломес — 772, 773, 798
Эмери, аббат — 790, 799, 886
Эммери — 773, 863, 908
Эйме — 722, 772, 797, 798
Энгинский, герцог — 868, 929, 934
Энгран — 400, 401, 431, 577
Эпикур — 591
Эпремениль, де — 28, 142
Эрман — 385, 386, 389, 445
Эрманн — 682
Эрнуф — 727, 836
Эро де Сешель — 216, 343, 361,
362, 363, 366, 369, 370, 371, 372,
374, 376, 391, 393, 397, 400, 407,
408, 409, 413, 501, 530, 534, 563,
569, 610
Эспаньяк, аббат де — 564
Эсгриньи, аббат де — 770
Эстадан — 480
Эшассерио, Жозеф — 609, 610,
615, 616, 676, 682, 794

ФРАНЦУЗСКІЕ ИМЕНА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ШОСКАХ

A

Adrien, S. — 171
Advielle — 762
Arago — 501
Aubin — 125
Aucoc — 863
Auger, Athanase — 220
Auyrest — 508

B

Badeuf — 762
Bach — 824
Bailleu, P. — 932, 934
Bailleul — 494, 497
Barante, de — 93
Barère — 74, 530
Barroux, Marius — 132
Barrucand — 28
Baudin — 647
Baudouin de Maisonblanche — 83
Beaumez — 92
Becq de Fouquières — 491
Beny — 125
Bernard — 125
Bertin — 124
Billaud-Varenne — 171, 189
Biré, Edmond — 34
Blanchard — 125
Bonnet — 186
Bord, Gustave — 304, 336
Boucher de Saint-Sauveur — 185
Bougeart, Alfred — 105, 308, 518
Boulay — 853, 891, 893, 895
Bourgoin — 125
Breton — 125
Brette — 11

Brissot — 191
Brocheton — 124
Buchez — 129, 154, 186, 189, 191,
 269, 523, 764
Buonarroti — 761

C

C... (*M...* de) — 14
Cabanès — 513
Cambon — 362
Canecie — 124
Cauriez — 125
Chabert — 124
Chaboud — 125
Chailleux — 125
Chaix d'Est-Ange (Richard) — 125
Champagneux — 489, 498, 499
Champeaux-de — 897
Champion, Edme — 17, 38, 39, 41,
 185
Champion — 185
Charavay, Etienne — 35, 134, 199,
 200, 784, 913
Charavay, Noel — 116, 880
Chartier — 125
Chassin — 275, 338, 455, 458, 459,
 460, 768, 769, 774, 819, 820, 930
Chateauneuf-Randon — 193
Chépy, fils — 189
Chevremont — 308, 313
Chrestien-fils — 124
Chuquet, A. — 128, 137, 295, 339,
 340
Claretie — 331
Clermont-Callerande — 931
Clouzot — 715
Cochon — 193

Coffinhal — 193
 Collard, veuve — 125
 Combaz — 125
 Constant, Benjamin — 821
 Corbieni — 125
 Corday, Charlotte de — 475
 Corre, A. — 249
 Cournand (D. C.), l'abbé — 120
 Couthon, G. — 362
 Crétin — 125

D

Dafin — 125
 Daire — 41
 Danton — 518
 Darsy — 118
 Dauban — 493, 499
 Daudet, Ernest — 820
 Debuscher — 508
 Dechesne — 125
 Decret — 125
 Deffoux — 125
 Delahaye — 681
 Delare, abbé — 788
 Delmas — 362
 Desfieux — 185, 508
 Desmoulins, Camille — 69, 189
 Destrem — 876
 Diel — 125
 Douzon — 125
 Driant — 125
 Driye — 125
 Drouet — 172
 Ducos — 193
 Duevis — 508
 Dufour — 125
 Dumont, Étienne — 173, 474
 Dupéron, P. — 554
 Dupont — 125
 Dupui — 124
 Durand-Maillane — 632
 Desaulchoy de Bergemont — 172
 Duval-Jouve — 181

E

Eschasseriaux — 715

F

Fauche Borel — 820
 Faure — 671
 Fauriel — 907, 914
 Ferraut — 125
 Ferrières — 71

Fillon, Benjamin — 784
 Flammermont — 27
 Fouché — 880
 Fournet — 124
 Fray-Fournier — 181
 Fréron — 189
 Frotté, Louis de — 776, 816

G

Gaillemet — 186
 Galleti — 313
 Gaillard, Joseph — 508
 Gannuel-Dufresne — 125
 Garat — 526
 Gazier — 566, 588, 651, 652, 894
 George — 124, 125
 Gerbac — 189
 Cillet fils — 186
 Ginguéné — 193
 Girard — 125
 Girardin — 906
 Girouard — 186
 Giroux — 125
 Gleizal — 677
 Godard, J. — 73
 Gohier — 820
 Gorsas — 74, 85, 89, 153, 162
 Goubert — 124
 Goupil — 125
 Granet — 193
 Grégoire — 785, 786, 894
 Guadet, J. — 497
 Guerrier, W. — 22, 39, 40
 Guidan — 508
 Guilleraut — 124
 Guillemard — 125
 Guillois, A. — 889
 Guillon — 923, 924
 Guillaume, J. — 646
 Guyton — 362

H

Halem — 128, 138
 Henau — 125
 Hérault de Sechelles — 38, 362
 Héricault, Ch. d' — 304, 336
 Hovel — 125
 Hugou, L. J. — 113
 Hyde de Neuville — 930

I

Tsambert — 124

J

Jallet — 52
 Janteau, J.-J.-D. — 125
 Joubert — 125
 Julien, Damas — 189

K

Kervélégan — 193
 Kissienne — 125
 Kuscinski — 871

L

Lacroix, Sigismond — 97, 98, 103
 La Faye — 508
 La Fayette — 913
 Lafosse — 125
 Lalande — 861
 Laliré — 125
 Laligant — 125
 Lanfrey — 486, 934
 Lanjuinais — 193
 Laponneray — 88
 Libois — 115
 La Revellière-Lepeaux — 193
 La Sicotière — 770, 771, 773, 776,
 816, 817, 818, 819
 Lavaux — 125
 Lavigne, B. — 818
 L'Écolaus — 125
 Le Gendre — 125
 Leger — 125
 Lefèvre, F. N. — 288
 Le Hodey — 62, 78, 85, 91, 92, 153,
 154, 155, 158, 202, 203, 205, 207
 Letournel — 125
 Lezay-Marnésia — 348
 Liard — 646
 Libois — 115
 Lindet, Thomas — 153, 317
 Lollard — 124
 Louvet — 310
 Lucas-Montigny — 60
 Lusurier, J. G. — 125

M

Madelin — 880
 Maillard, V.-ve — 125
 Mallet du Pan — 17, 32, 49, 210,
 773
 Malvaux — 125
 Mangin — 125
 Mautouchet — 179

Marat — 70, 74, 94
 Marchand — 189
 Marec — 861
 Marion — 125
 Massulard — 186
 Mathieu, abbé — 185, 362, 790
 Mathiez, A. — 125, 661, 790, 800,
 885
 Maubac — 189
 Maubant — 124
 Maucler — 125
 Mautouchet — 179
 Mège, Fr. — 39, 179, 281
 Meillan — 475
 Melhié, E. — 257
 Mercier de — 125
 Miot de Melito — 911, 935
 Mirabeau — 63, 80
 Mireur — 38
 Mique — 125
 Mollien — 125
 Momoro — 318
 Mongé — 125
 Monin (H.) — 309
 Monnier, Désiré — 179
 Montaudouin — 125
 Montier, A. — 153, 197
 Montjoye — 158
 Moraux — 125
 Mortimer-Ternaux — 257, 479, 502
 Moulin — 124
 Muret, Th. — 820
 Musquiner de Saint-Felix — 124

N

Nauroy, Ch. — 820
 Nicolas, Ch. — 186
 Nioche — 193
 Noailles (vicomte de) — 72
 Noël, Louis — 125, 185

O

Oelsner — 166

P

Pache — 193
 Paganel — 495
 Paris — 124
 Patrin — 861
 Pelet — 889, 903, 935
 Pellenc — 261
 Pépin-Dégrouhette — 124, 185
 Perroud — 141

Petit — 125
 Petra — 125
 Peyre — 185
 Pierre, Victor — 798
 Poisson — 125
 Pollet, B. — 125, 508
 Potheau — 125
Pouchet — 646
 Poulain — 125
 Poutier — 681
 Poumier — 125
 Prevelle — 125
 Prieur de la Marne — 508
 Psaume, Etienne — 288
 Puzin — 124

R

Rabusson-Lamothe — 281
 Ramel, D. V. — 362
 Raynal — 13
 Redon — 125
 Regnault — 125
 Remaseilles — 125
Renouvier, J. — 230
 Reubell — 193
 Riouffe Honoré — 758
 Robert-Karalio, Louise — 113, 141
 Robert, François — 115
 Robespierre — 109, 344
Robinet — 518
Robin — 73
 Robois, de — 125
Rochas, A. — 316
Rocquain, F. — 861, 884, 885
 Roederer — 839, 896, 902, 907, 908,
 914, 919
 Roland, M-me — 157, 191, 344, 474,
 945
 Roncy, de — 125
Rouviere, F. — 298
 Roye — 125
 Rouyer — 861
 Rouyer-Collard — 93
 Roux — 129, 133

S

Sadous, F. — 125
 Sadouze, — 124
Sagnac, Ph. — 128, 317, 318
 Saint-Just — 362
 Saliceti — 193
 Salle — 193
 Sambat — 508

Saunier — 125
Sayous — 32, 49
Sauzay — 278, 588, 791, 813—838
 Schmidt — 160, 464
Sciout Lud. — 698, 804, 883 -
Séailles Gabriel — 455
 Sentiet, J. — 185
 Sommier (Ant.) — 115
 Spol — 508
 Staël, M-me de — 923
 Surian — 125

T

Taillandier — 853
 Tassart — 124
 Terral — 662
 Terrasson — 189
Theiner — 903, 905
 Thibaudeau — 12, 710, 912, 914, 919,
 935, 938
Tholin — 38
 Torneux — 17, 124, 274, 311, 325
 Toulangeon — 295
 Tournie — 125
Tourneux-Maurice — 124, 274, 325,
 762
 Tournon, Ant. — 113
Toussenet — 218
Tuetey — 157, 159, 160, 161, 163,
 185
 Turquet de Mayerne — 268

U

Ulrich — 125

V

Vatel — 475, 491
 Vidal, T. — 182
 Virchaux — 186
 Voulland — 193

W

Milliams, Helena-Maria — 490
 Watier — 125
Welschinger, H. — 867

Z

Zivy — 642

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От издательства	V
Предисловие автора к русскому первому изданию	1
Предисловие	2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ И РЕСПУБЛИКИ 1789—1792

Глава I

Республиканская и демократическая идея до революции	10—43
---	-------

I. Во Франции не существовало республиканской партии. Монархические взгляды: 1) умерших знаменитостей: Монтескье, Вольтера, д'Аржансона, Дидро, Гольбаха, Гельвеция, Руссо, Мабли; 2) влиятельных и известных современников: Рейналя Кондорсе, Мирабо, Снейса, д'Антрега, Лафайетта, Камилла Демулена, стр. 11. — II. Стремление писателей ввести в монархию республиканские учреждения, стр. 16. — III. Ослабление монархии; оппозиция парламентов, стр. 24. — IV. Парламенты мешают преобразованию абсолютной монархии; они препятствуют учреждению провинциальных собраний, стр. 28. — V. Влияние Англии и Америки, стр. 32. — VI. В какой степени писатели того времени были демократами? стр. 37. — VII. Демократическое и республиканское настроение умов, стр. 42.

Глава II

Республиканская и демократическая идея в начале революции	44—67
---	-------

I. Созыв генеральных штатов; указы, стр. 44. — II. Возникновение Национального собрания, стр. 47. — III. Взятие Бастилии и муниципальная революция, стр. 52. — IV. Декларация прав, стр. 56. — V. Логические последствия этой декларации, стр. 64.

Глава III

Буржуазия и демократия. 1789—1790	68—106
---	--------

I. Из Декларации прав не были извлечены ни все ее социальные, ни все ее политические последствия. В эту эпоху

еще не было ни социалистов, ни республиканцев, стр. 68. — II. Организация монархии, стр. 73. — III. Организация буржуазии в привилегированный класс. Избирательный ценз, стр. 81. — IV. Демократическое движение, стр. 93. — V. Применение на практике системы избирательного ценза, стр. 99. — VI. Усиление демократических требований, стр. 103.

Глава IV

Возникновение демократической и республиканской партий. 1790—1791 г. . . . . 107—145

I. Демократическая партия, стр. 107. — II. Федерация, стр. 109. — III. Первоначальная республиканская партия; газета и салон госпожи Робер, стр. 111. — IV. Первые проявления социализма, стр. 116. — V. Феминизм. Братские общества обоих полов, стр. 121. — VI. Агитация против буржуазного порядка, стр. 127. — VII. Республиканские манифестации с декабря 1790 г. по июнь 1791 г., стр. 136. — VIII. Гуманитарная политика, стр. 143. — IX. Заключение, стр. 144.

Глава V

Бегство в Варени и республиканское движение. 27 июня—17 июля 1791 г. . . . . 146—191

I. Характер Людовика XVI. Историческое значение бегства в Варени, стр. 146. — II. Настроение Учредительного собрания, стр. 151. — III. Настроение Парижа. Народ, секции, клубы, печать, стр. 157. — IV. Возвращение короля наносит удар республиканской партии, стр. 164. — V. Poleмика по вопросу о республике или монархии. Свейс, Кондорсе, стр. 170. — VI. Республиканское движение в провинции, стр. 178. — VII. Демократы и резня на Марсовом поле, стр. 184.

Глава VI

Республиканцы и демократы после события на Марсовом поле . . . . .

I. Раскол и реакция после событий 17 июля 1791 г., стр. 193. — II. Буржуазная система принимает более резкий характер, стр. 198. — III. Учредительное собрание закрывает все пути для демократии и республики, стр. 204. — IV. Восстановление королевской власти, стр. 206.

Глава VII

С момента созыва Законодательного собрания до 20 июня 1792 года . . . . . 211—234

I. Выборы в Законодательное собрание и временное отречение демократической и республиканской партий, стр. 211. — II. Первые акты и первоначальная политика Законодательного собрания, стр. 214. — III. Общественное мнение, стр. 217. — IV. Политика короля. Объявление войны Австрии. Ссора Собрания с королем, стр. 221. — V. Антиреспубликанская политика Робеспьера, стр. 224. — VI. День 20 июня 1792 г., стр. 229. — VII. Последствия этого дня, стр. 232.

Глава VIII

События, подготовившие низложение Людовика XVI . . . . . 235—263

I. Меры, принятые Законодательным собранием против королевской власти, стр. 235. — II. Общественное настроение во Франции в июле — августе 1792 г., стр. 239. — III. Федералисты, стр. 247. — IV. Парижские газеты и республиканизм, стр. 254. — V. Агитация в секциях, стр. 257. — VI. Настроение Законодательного собрания, стр. 260.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

1792—1795

Глава I

Падение трона и учреждение демократии . . . . 264—272

I. Отречение от власти Людовика XVI, стр. 264. — II. Организация исполнительной власти. Революционная коммуна, стр. 267. — III. Всеобщее избирательное право, стр. 271.

Глава II

Эволюция политических идей в период времени с 10 августа по 22 сентября 1792 года . . . . 273—327

I. Провинциальная Франция примыкает к революции 10 августа, стр. 273. — II. Движение против Людовика XVI и королевской власти, стр. 276. — III. Поведение Законодательного собрания, стр. 277. — IV. Настроение парижского народа, стр. 281. — V. Газеты и памфлеты, стр. 284. — VI. Парижские выборы в Конвент, стр. 289. — VII. Клуб якобинцев, стр. 293. — VIII. Республиканское движение в провинции, стр. 295. — IX. Выборы депутатов в Конвент, стр. 297. — X. Республиканское движение во время этих выборов, стр. 300. — XI. Проекты пригласить другого короля, стр. 307. — XII. Планы организации республики, стр. 312 . . . . .

Глава III

Установление республики . . . . . 328—340

I. Упразднение королевской власти (21 сентября 1792 г.), стр. 328. — II. Провозглашение республики (22 сентября 1792 г.), стр. 333. — III. Как встретило общественное мнение это провозглашение, стр. 336.

Глава IV

Конституция 1793 года. . . . . 341—382

I. Проект Кондорсе, стр. 342. — II. Общественное мнение, стр. 349. — III. Прения в Конвенте по поводу проекта Кондорсе, стр. 353. — IV. Проект Эрде-Сешелля, стр. 361. — V. Обсуждение и принятие этого проекта, стр. 364. — VI. Общий характер конституции 1793 г., стр. 373. — VII. Утверждение конституции путем плебисцита, стр. 376. — VIII. Отсрочка этой конституции, стр. 380.

Глава V

Революционное правительство до 9 термидора 383—450

I. Определение революционного правительства, стр. 383. — II. Временный исполнительный совет и исполнительная комиссия, стр. 385. — III. Национальный конвент; его организация и функционирование, стр. 390. — IV. Комитет общественной безопасности. Комитет национальной охраны. Комитет общественного спасения, стр. 400. — V. Народные представители, отправляемые с миссиями, стр. 418. — VI. Народные клубы. Революционные комитеты, стр. 426. — VII. Декрет 14 фримера II года, стр. 433. — VIII. Террор. Положение печати. Революционный трибунал. Террористические законы, стр. 436. — IX. Общий характер революционного правительства, стр. 448.

Глава VI

Мнения и партии. — Роялизм до 9 термидора . . 451—471

I. Роялизм во Франции в начале республики, стр. 451. — II. Роялизм в восставших областях: Вандее, Лионе, Тулоне. Роль графа Прованского, стр. 458. — III. Роялизм в невосставших областях, стр. 464.

Глава VII

Мнения и партии. — Жирондисты, монтаньяры, да-
тонисты . . . . . 472—537

С сентября 1792 г. по июль 1793 г.

I. Организация жирондистской партии, стр. 473. — II. Ее политическая программа, стр. 481. — III. Ее вожди, стр. 492. — IV. Организация и программа монтаньярской партии, стр. 503. — V. Ее вожди, стр. 509. — VI. Столкновение этих двух партий, стр. 518. — VII. Падение Дантона, стр. 535.

Глава VIII

Мнения и партии. Горы после победы. Робеспьер, Гебер, Дантон . . . . . 538—564

С июля 1793 г. по жерминаль II года.

I. Федерализм, стр. 538. — II. Монтаньярская Франция, стр. 542. — III. Социализм, стр. 544. — IV. Геберисты и дантонисты, стр. 559.

Глава IX

Религиозная политика до 9 термидора . . . . . 565—597

I. Сохранение гражданского устройства духовенства. Закон против непокорных священников, стр. 565. — II. Упразднение христианства. Культ Разума, стр. 569. — III. Религиозная политика Комитета общественного спасения. Устойчивость католицизма, стр. 573. — IV. Культ Верховного существа и Робеспьер, стр. 589.

Глава X

Революция 9 термидора . . . . . 598—605

I. Причины падения Робеспьера, стр. 598. — II. События 8 и 9 термидора II года, стр. 601. — III. Восстание и поражение парижской коммуны и сторонников Робеспьера, стр. 603.

Глава XI

Упадок революционного правительства после 9 термидора . . . . . 606—631

I. Термидорианская реакция, стр. 606. — II. Удержание революционного правительства, стр. 607. — III. Реорганизация центральной власти. Административная децентрализация, стр. 609. — IV. Эмиссары Конвента. Народные клубы. Революционные комитеты, стр. 621. — V. Парижская коммуна, стр. 625. — VI. Национальная гвардия, стр. 626. — VII. Революционный трибунал. Отмена различных террористических законов, стр. 627. — VIII. Законы о печати, стр. 629. — IX. Общие черты упадка революционного правительства, стр. 630.

Глава XII

Мнения, партии и религиозная политика после 9 термидора..... 632—655

I. Термидорианцы правой и термидорианцы левой стороны. Возвращение в Конвент жирондистов, стр. 632. — II. Перемены в нравах, стр. 634. — III. Реакция против террора и террористов, стр. 635. — IV. События жерминаля и прериала, стр. 636. — V. Белый террор, стр. 639. — VI. Роялизм. 13 вандемьера, стр. 640. — VII. Религиозная политика. Отделение церкви от государства, стр. 643.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БУРЖУАЗНАЯ РЕСПУБЛИКА

1793—1799

Глава I

Конституция III года..... 656—700

I. Общественное мнение и предварительные прения, стр. 656. — II. Отмена всеобщего избирательного права, стр. 663. — III. Восстановление системы ценза, стр. 667. — IV. Прения по поводу системы ценза, стр. 670. — V. Организация законодательной власти, стр. 673. — VI. Организация исполнительной власти, стр. 679. — VII. Административная и муниципальная организация, стр. 683. — VIII. Декларация прав, стр. 688. — IX. Общий характер конституции, стр. 689. — X. Главнейшие органические избирательные законы, стр. 691. — XI. Плебисцит, стр. 694. — XII. Введение конституции в действие, стр. 697.

Глава II

Применение конституции III года..... 701—751

I. Общий характер этого периода, стр. 701. — II. Избирательная система: набор депутатов, стр. 702. — III. Избирательная система: выбор должностных лиц, стр. 715. — IV. Законодательный корпус: Совет пятисот и Совет старейших, стр. 720. — V. Исполнительная Директория, министры, стр. 726. — VI. Комиссары Директории. Административная централизация, стр. 731. — VII. Клубы, стр. 735. — VIII. Отношение к периодической печати, стр. 737.

Глава III

Мнения, партии и религиозная политика до 18 фруктидора..... 752—798

I. Различные формулы присяг и политические партии, стр. 752. — II. Буржуазные или правительственные республиканцы, стр. 755. — III. Демократы. Бабёф и бабувизм, стр. 758. — IV. Роялисты, стр. 766. — V. Религиозная политика, народные празднества: теофиантропия, стр. 776. — VI. Религиозная политика, католицизм, стр. 785. — VII. Государственный переворот 18 Фруктидора, стр. 795.

Глава IV

Религиозная политика, мнения и партии после 18 Фруктидора . . . . . 799—833

I. Религиозная политика: католицизм, стр. 799. — II. Религиозная политика: празднование декад, теофиантропия, стр. 805. — III. Роялизм, стр. 815. — IV. Правительственные республиканцы и республиканцы-демократы. Закон 22 Флореаля VI года (11 мая 1798 г.), стр. 820. — V. Оппозиция Директории. День 30 прернала VII года (18 июня 1799 г.), стр. 826. — VI. Появление вновь террора, стр. 829. — VII. Появление вновь якобинцев, стр. 831.

Глава V

Падение Исполнительной Директории . . . . . 834—847

I. Общие причины государственного переворота 18 Брюмера, стр. 834. — II. Популярность Наполеона Бонапарта. Его возвращение из Египта, стр. 837. — III. Подготовка государственного переворота, стр. 840. — IV. День 18 Брюмера, стр. 842. — V. День 19 Брюмера, стр. 844. — VI. Упразднение и замена Директории, стр. 846.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЛЕБИСЦИТАРНАЯ РЕСПУБЛИКА

1799—1804

Глава I

Временный Консулат и конституция VIII года. 848—861

I. 18 Брюмера и общественное мнение, стр. 848. — II. Политика временных консулов, стр. 850. — III. Редактирование конституции VIII года, стр. 852. — IV. Анализ этой конституции, стр. 854. — V. Плебисцит по вопросу об ее утверждении, стр. 858.

Глава II

Десятилетний Консулат . . . . . 862—878

I. Организация общественных властей, стр. 862. — II. Положение печати, стр. 865. — III. Административная организа-

ция, стр. 868. — IV. Новые права, стр. 871. — V. Влияние победы при Маренго на внутренние дела. Покушение, протекции, усиление деспотизма, стр. 873.

Глава III

Религиозная политика . . . . . 879—905

I. Система отделения церкви от государства при Консулате. Культ десятого дня декады. Теофиантропия, стр. 879. — II. Две категории католиков, стр. 883. — III. Общие результаты системы отделения церкви от государства, стр. 886. — IV. Причины отмены этой системы, стр. 888. — V. Конкордат, стр. 890. — VI. Его практическое применение, стр. 893. — VII. Новые преимущества, дарованные римской церкви, стр. 901.

Глава IV

Пожизненный Консулат . . . . . 906—949

I. Плебисцит X года, стр. 906. — II. Органический сенатус-консулт 16 термидора X года (4 августа 1802 г.), стр. 913. — III. Возврат к монархическим формам, стр. 918. — IV. Республиканская оппозиция. Военные заговоры. Бонапартизм рабочих, стр. 921. — V. Роялизм, стр. 930. — VI. Заговоры действительные или воображаемые: Кадудаль, Пишегрю и Моро; герцог Энгийенский, стр. 933. — VII. Установление империи, стр. 934. — VIII. Органический сенатус-консулт 28 флореала XII года (18 мая 1804 г.), стр. 940. — IX. Исчезновение республики, стр. 943. — X. Общие замечания о французской революции, стр. 945.

Именной указатель 950

Редактор *В. Калашикова*. Техн. редакторы: *В. Морозов* и *О. Гурова*. Корректоры: *Б. Хемок* и *В. Спиридонов*. Художник *А. Бажанов*. Сдано в набор 3/IV 1937 г. Подписано к печати 13/VIII 1937 г.—4/II 1938 г. Формат издания $60 \times 92 \frac{1}{16}$. Объем книги $64 \frac{3}{4}$ печ. л. + 12 нак. док. 68,937 учетно-авт. л. Тираж 10 тыс. Уполн. Главлита № Б-13727. Огиз № 1916. Зак. 1392. Серия: Монографии. Цена книги 13 р. 75 к. Цена переплета 1 р. 75 к. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
289	14 сверху	в Гарà	к Гарà
302	20 и 26 сверху	Лаурà	Луарà
303	15 сверху	которое	который
426	6 сверху	V	VI
479	20 снизу	Ког-д'Нор	Кот-д'Ор
499	14 сверху	отражалось влияние	отражалось ее влияние
882	6 снизу	отмечены	отменены
890	18 »	1801 г.	1800 г.
901	22 »	мотивы	МОЛИТВЫ
971	7 »	Milliams	Williams

Заказ № 1392

